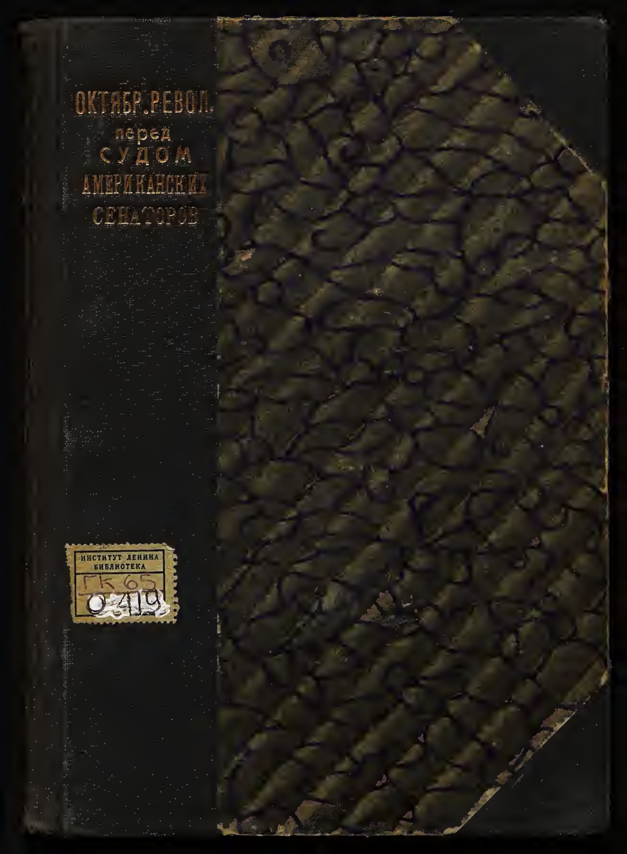

ОКТЯБР. РЕВОЛ.
перед
СУДОМ
АМЕРИКАНСКИХ
СЕНАТОРОВ
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК 65
0419

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ АМЕРИКАНСКИХ СЕНАТОРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО / 1927

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРЕД СУДОМ АМЕРИКАНСКИХ СЕНАТОРОВ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ «ОВЕРМЭНСКОЙ КОМИССИИ» СЕНАТА

ПЕРЕВОД В. ВЕЛЬСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 18935/л.
Ленинградский Гублит № 43958.
$10^3/_4$ л. Тираж 3000 экз.

От Издательства.

Публикуемые в сокращенном переводе протоколы заседаний Овермэнской комиссии Сената Соединенных Штатов имеют за собой довольно почтенную давность (февраль — март 1919 г.). Однако, несмотря на протекшие годы, этот документ в значительной степени сохранил свою политическую актуальность и представляет интерес и для современного читателя. В самом деле, несмотря на колоссальные изменения во внутреннем и внешнем положении Советского Союза, происшедшие со времени 1917 — 1918 гг. (период, освещенный свидетельскими показаниями), налицо имеется ряд моментов, которые позволяют сопоставлять этот начальный героический период революции с ее нынешней фазой.

Из этих моментов важнейшим является подготовка капиталистических держав к вооруженной борьбе против советского государства С первых же дней существования советской власти, союзнические правительства оказывают поддержку контр-революционным движениям, направленным на свержение советского правительства. В 1918 г. союзническая интервенция принимает открытый характер. Чехо-словаки, Колчак, Деникин, Чайковский и т. д. — все они опираются на явную и широкую материальную военную и финансовую поддержку союзников. В различных пунктах страны высаживаются союзнические десанты.

Как известно, крушение союзнической интервенции было вызвано, в первую очередь, тем обстоятельством, что империалисты, благодаря энергичному противодействию со стороны народных масс Европы и Америки, не были в состоянии организовать в широком масштабе поход против Советской Республики. Все силы и средства были пущены в ход контр-революцией, чтобы увлечь в крестовый поход против „большевистской опасности“ английских, французских, американских рабочих и крестьян. В этой борьбе реакционные правительства не останавливались ни перед какими средствами. Систематическая клевета, неприкрытая ложь и обман, подлоги, фальсификации всевозможного рода документов — вот тот арсенал орудий, к которому они прибегали в то время. На эти методы подготовки „общественного мнения“ к интервенции против Советской Республики яркий свет проливают протоколы Овермэн-

ской комиссии. Чтобы правильно их понять и оценить, необходимо иметь в виду, что комиссия эта была создана американскими интервенционалистами, как одно из орудий антисоветской кампании. Комиссия должна была устами „достоверных свидетелей“ установить тот „факт“, что в Советской России у власти стоит кучка преступников, что большевики подкуплены немцами и работают по их заданиям, что Красная Армия состоит из уголовных преступников, китайцев и латышей, что все женщины в Советской России „национализированы“ и т. д. и т. д. Все эти показания должны были дискредитировать советскую власть в глазах американских рабочих и крестьян и таким образом подготовить почву для войны с Советской Республикой.

Даже самое поверхностное знакомство с протоколами показывает, как эта попытка потерпела фиаско. Деньги, потраченные американской буржуазией на комиссии Овермэна, были выброшены зря, так как ее работа не только не привела к посрамлению большевизма, но, наоборот, содействовала его пропаганде. Плачевный исход работы комиссии, на которую американская буржуазия возлагала такие большие надежды, объясняется различными причинами.

Прежде всего на ряду с антисоветскими „свидетелями“, выступило несколько человек подлинных свидетелей, сочувствующих Советской Республике. Своими объективными и серьезными показаниями они сумели разоблачить ту кучу бессовестной лжи, которую нагромоздили прочие „свидетели“. Немаловажную роль сыграли беспросветная тупость, феноменальное невежество и политический кретинизм самих членов „высокой“ комиссии, безнадежно путавшихся все время в самых простых политических понятиях. Достаточно привести в качестве примера, что сен. Нельсон зачисляет в состав большевиков каких-то мифических „нигилистов“, сен. Кинг серьезно говорит о присутствии т. Троцкого на секретном военном совещании союзников и т. д. Мы не говорим уже о таких „мелочах“, как смешение большевиков с приверженцами Керенского и т. д. Самый характер вопросов, предлагавшихся сенаторами, красноречиво говорит о том, что они менее всего были озабочены выяснением действительного положения дел в Советской Республике. Чем более грубой, наглой и откровенной была ложь свидетельских показаний, тем большее удовлетворение вызывала она у сенаторов. И наоборот, всякий намек на объективную оценку встречал с их стороны явное неудовольствие. При таких условиях для всякого непредубежденного ясно, с какою целью работает комиссия и какое задание на нее возложено.

Однако, главную причину фиаско работ комиссии, нужно искать не в ее составе, и не „прорыве свидетельского фронта“, а в самих показаниях тех свидетелей, которые добросовестно „выполняли возложенную на них задачу“, т. е. лгали и клеветали без удержу на боль-

шевиков и Советскую Россию. В своем усердии они хватили через край, и сами поставили себя в смешное и глупое положение. При внимательном чтении протоколов бросается в глаза, что показания одних лжесвидетелей находятся в резком противоречии с показаниями других. Таким образом, одна ложь опровергает другую.

Возьмем для примера пресловутую „национализацию женщин“ (для характеристики „интеллектуального уровня“ сенаторов и свидетелей весьма показателен тот факт, что этот вопрос занимал центральное положение в работах комиссии и его касались почти все выступавшие свидетели). Столь „авторитетный“ и „непогрешимый“ свидетель как б. американский посол в России Давид Фрэнсис, не покраснев солгал, что в ряде губерний „большевики национализировали женщин“. Другие свидетели ссылались на какие-то мифические „декреты“. Третьи „национализацию женщин“ отождествляют с советскими законами, облегчающими развод. Четвертые в ответ на вопрос о „национализации женщин“ приводят анекдотического характера рассказы на тему об „отчаянной безнравственности“ большевиков. Сенатор Кинг (едва ли не самый безнадежный кретин из всей тупоголовой компании сенаторов) дал следующую классическую формулу национализации женщин: „самцы - большевики похищают, насилуют и растлевают женщин сколько хотят“... Спрашивается, к чьему посрамлению должны были привести такие и подобные разговоры: „безнравственных“ ли большевиков или, может-быть, самих почтенных судей-сенаторов. Ответ, кажется, напрашивается сам собой.

В арсенале орудий, мобилизованных комиссией, имеется также испытанное средство — подлог. Мы уже упоминали о мифических „декретах о национализации женщин“. Назывались и более важные документы. Один из свидетелей рассказывал о якобы украденном американской разведкой пакете советских документов, среди которых будто бы имеются „предписания, данные германцами большевикам“. Итак, уже в то время применялись те методы, которые ныне получили столь широкое распространение. Вся разница в том, что теперь эти „документы“ фабрикуются с целью доказать „зловредную деятельность Коминтерна“, а тогда они должны были установить тот „факт“, что большевики являются наемными агентами немцев. Но и тогда и теперь эти фальсификации сделаны одинаково грубо и неискусно, шиты белыми нитками, и могут обмануть лишь того, кто хочет быть обманутым.

Мы не останавливаемся на многих других любопытных штрихах протоколов. Приведем в заключение только одну цитату. Свидетель Симмонс, ярый антибольшевик, делает общее ценное признание: „Пропаганда у большевиков организована изумительно. В России они ее ведут с огромным успехом“.

Это справедливое замечание является одним из самых ярких доказательств силы нашей революции. Если бы класс, стоящий у власти, не сумел организовать пропаганды, то он не в состоянии был бы удержать власть в своих руках. Тот факт, что буржуазия все в большей степени обнаруживает неспособность к действительной, умной, и достигающей своей цели пропаганде, лучше всего доказывает ее неспособность сохранить свои позиции, как господствующего класса. Такие документы, как „письмо Зиновьева“, всевозможные „инструкции Коминтерна“, шитые белыми нитками, неправдоподобно безграмотные, лживость которых выпирает из каждой их строки, красноречиво говорят о загнивании буржуазного строя. В ряду этих документов не последнее место займут и печатаемые протоколы, ярко свидетельствующие об упадке и вырождении искусства буржуазной пропаганды.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Судьба Октябрьской революции решалась не только на улицах Петрограда. Она решалась во всем мире. Буржуазия мобилизовала против революции свои силы в Париже, Лондоне, Риме и Вашингтоне. Она заставила служить своим целям всю печать, церковную кафедру, кинематограф, трибуну и залы Конгресса.

Сколь горячее участие приняло в этой кампании американское правительство, показывает настоящий отчет хорошо известной в Америке Овермэнской комиссии Американского сената.

Официальный стенографический отчет заседаний этой комиссии, напечатанный на английском языке, составляет более 115 печатных листов. Чтобы избавить русского читателя от утомительного чтения колоссального материала, состоящего из скучных повторений все одних и тех же злостных сплетен и бессмысленных выдумок, этот огромный том был сокращен примерно в восемь раз. Помимо сокращения никаких изменений текста допущено не было, и русский перевод в точности соответствует английскому оригиналу. [1]

Чтобы понять отчет, необходимо, прежде всего, не забывать, что американцы очень плохо осведомлены о чужеземных странах вообще и особенно о России. Из любой американской газеты можно извлечь данные, с полной очевидностью подтверждающие этот факт. Так „Литтерэри Диджест", этот „почтенный" журнал с миллионным тиражом, торжественно сообщает своим читателям, что „Стенька Разин недавно похоронен на Красной улице между могилами Ленина и Джона Рида". И это торжественно напечатано, как „Правда о России", в 1925 году!

Легко себе представить, при таких условиях, настроение американского общества в 1919 г., когда оно было доведено почти до истерического состояния военной пропагандой.

Конечно, военная пропаганда велась и в других странах, но нигде— это можно с уверенностью сказать — она не достигла таких чудовищных размеров, как в Америке. Огромная официальная организация лжи назы-

---

[1] Не считая, конечно, изменений, вызываемых требованиями русского языка.

вавшаяся „Комитетом общественной информации“, поощряла и объединяла усилия десятков тысяч индивидуальных пропагандистов и пользовалась всеми средствами печати, театра и кинематографа, чтобы убедить доверчивое американское население, что немцы — величайшие изверги, каких когда-либо знала история, и что союзные державы борются не более и не менее как за высшие абстрактные принципы демократии, справедливости и мира.

Пропаганда Комитета общественной информации, а также связанных с ним и подчиненных ему агентств была чрезвычайно успешна, отчасти вследствие широкого масштаба и прекрасной технической организации пропаганды, отчасти потому, что запас исторических и политических знаний среднего американца был недостаточно велик, чтобы он мог отвергнуть явно нелепые утверждения, пущенные в оборот официальными пропагандистами. Немногие люди, которые осмеливались выражать сомнение относительно реальности тех идеалов, во имя которых будто бы боролись Америка и ее союзники, рисковали быть приговоренными к двадцатилетнему тюремному заключению или, если они жили в окраинных штатах, подвергнуться без всякого суда немедленному линчеванию.

Непосредственно после кампании антигерманской пропаганды началась пропаганда против большевиков; она была почти так же хорошо и широко организована. Были приложены всяческие усилия, чтобы связать обе кампании между собою, и с этой целью русских большевиков представляли как германских шпионов. Это обвинение постепенно заглохло, когда время обнаружило явную его нелепость. Несомненно, однако, что многие в Америке и до сих пор этому верят. Сама Овермэнская комиссия была первоначально организована якобы с целью „изучения германской пропаганды“ и перешла на новые рельсы лишь после митинга в Вашингтоне, на котором Альберт Райс Вильямс и Луиза Брайент попытались дать правдивый отчет о русской революции, которую они видели собственными глазами. Принимая во внимание уже отмеченную нами плохую осведомленность среднего американского обывателя относительно России и русской революции, а также то обстоятельство, что Россия в 1918 и 1919 гг. была изолирована и блокирована, неудивительно, что антибольшевистская пропаганда побила все рекорды презрения к истине и даже к простому правдоподобию. Петроград, если верить американским газетам того времени, был занят, сожжен и заморен голодом шесть или восемь раз, и поистине невозможно перечислить, сколько раз сообщалось, что Ленин убит или заключен в тюрьму. Сказка о „национализации“ русских женщин вызвала интерес наиболее широких кругов и до сих пор, пожалуй, встречает доверие со стороны многих американцев.

Все это отражается в настоящем отчете Овермэнской комиссии, который является вечным памятником антибольшевистской пропаганды в Америке. Забавно вспомнить, как эти седобородые мудрецы плутократической демократии глубокомысленно внимали скучным бредням так называемых свидетелей.

Комментируя тот факт, что в Соединенных Штатах имеется около десяти миллионов неграмотных, один радикальный журнал как-то заметил: „Это, повидимому, преуменьшенная оценка. Полагаем, что почти столько же находится в одной только Овермэнской комиссии". Если применять к политической и экономической безграмотности не количественный, а качественный критерий, несомненно, Овермэнская комиссия может смело претендовать на пальму мирового первенства. Это обстоятельство является результатом целого ряда факторов. Прежде всего, Овермэнская комиссия была составлена из сенаторов Соединенных Штатов; а эти джентльмены, большей частью, не славятся глубиной или проницательностью своих взглядов относительно чужих стран. Есть разные пути, чтобы стать сенатором. Если человек богат, он может просто купить свое кресло, при том, разумеется, условии, что его способы подкупа не настолько грубы, чтобы дать повод к нападкам со стороны его политических противников. Таким именно образом пострадал мистер Ньюберри, который недавно был отстранен от должности по обвинению в подкупах, после того как был избран сенатором от штата Мичиган.

Бывает также, что кандидат на почетный пост сенатора заручается помощью какой-нибудь могучей корпорации, например, нефтяного треста Стандарт-Ойль или стального треста. Крупные американские капиталистические организации предпочитают посылать в сенат людей, состоявших ранее у них на службе в качестве юрисконсультов, а теперь охотно берущих на себя обязательство не пропускать ни одного закона, который не встретит одобрения со стороны Уолл-Стрита.

Принимая во внимание такую „квалификацию" для сенаторской должности, неудивительно, что сенаторы обычно не особенно хорошо информированы о европейских политических и экономических условиях, в особенности же о европейском революционном движении.

Итак, пять членов Овермэнской комиссии приступили к ответственному делу изучения „большевистской пропаганды" с поистине несокрушимым аппаратом глубокого невежества. Из учебников географии, которую они проходили в школе, они знали, что существует материк, называемый Европой, и что он делится на различные страны, окрашенные на карте в зеленый, синий, красный и желтый цвета. Но они, несомненно, очень мало знакомы с учреждениями, существующими в этих странах, и меньше всего знают о России. Все сведения одного сенатора о России, повидимому, сводились только к тому, что там есть река

Волга; и он старался локализировать каждое место и событие, упоминаемые в свидетельских показаниях, спрашивая о географической связи их с Волгой. Другой сенатор прекрасно отразил отношение всей комиссии к революции, когда он сразу же сбил одного свидетеля, пытавшегося дать политическое и историческое изложение советской системы, быстро прервав его словами: „Расскажите-ка лучше о грабежах".

При опубликовании стенографического отчета наиболее вопиющие нелепости были из него удалены. Каждый из свидетелей и сенаторов получил копию стенограммы и, таким образом, имел возможность выбросить из своих заявлений те части, опубликование которых он считал нежелательным. Таким образом, когда был напечатан отчет, самые яркие нелепости в показаниях исчезли, и они получили более правдоподобный вид.

Вероятно, у читателя возникает вопрос, как это случилось, что перед комиссией выступило несколько представителей революционной идеологии. Разумеется, это никоим образом не входило в планы комиссии.

Наоборот, первоначальная мысль была — производить допрос при закрытых дверях. Когда Вильямс был доставлен на секретное заседание комиссии, он заявил, что согласен давать показания только публично. В виду того, что сказано было столько громких слов об „открытой дипломатии", комиссия не решилась настаивать на тайном допросе.

Так или иначе, комиссия начала с того, что привлекла всех антисоветских свидетелей, которых она только могла достать, и не прошло и трех недель, как столбцы буржуазных газет были заполнены клеветническими измышлениями и гнусными обвинениями против Советской России. Но это была столь явно нечистая игра, что она дала возможность либералам, радикалам и революционерам создать сильное движение протеста против вопиющей несправедливости этих обвинений. По всей стране состоялись митинги протеста. В Вашингтон посылались телеграммы. В результате, комиссия была вынуждена вызвать ряд свидетелей, выступавших в защиту России; сделала она это, однако, весьма неохотно (ср. стр. 61 и последующие).

Этих первых дружественных России свидетелей комиссия всячески терроризировала и травила, пытаясь дискредитировать их показания и заткнуть им рот. Но, учитывая значение комиссии, для ознакомления американцев с русской действительностью свидетели защиты Советской России согласились на всевозможные унижения и делали всяческие уступки (ср. показание Луизы Брайент, стр. 61). Таким образом, во время интервенции, в самый разгар жесточайшей антисоветской пропаганды, им удалось сообщить свету немного истины и содействовать правильному пониманию смысла русской революции.

Б. Арнольд.

ЗАСЕДАНИЕ 12 ФЕВРАЛЯ.

Присутствуют: сенаторы Овермэн (председатель), Кинг, Уолкот, Нельсон, Стерлинг и майор Юмс.

Показания А. Саймонса.

[Свидетель приводится к присяге председателем.]

Юмс. Где вы проживаете, доктор?

Саймонс. В настоящее время я живу в церковном доме Вашингтонской методистской епископальной церкви в Нью-Иорке, 121, Западная 40-я ул. Я состою пастором этой церкви.

Юмс. Когда вы вернулись из России?

Саймонс. 6 октября 1918 г.

Юмс. Чем вы занимались в России?

Саймонс. Я был настоятелем методистской епископальной церкви в Петрограде.

Юмс. Сколько времени вы провели в России?

Саймонс. С конца 1907 г.

Юмс. Находились ли вы в Петрограде к моменту Мартовской революции?

Саймонс. Да.

Юмс. Какого характера была эта революция? Являлась ли она социалистической революцией?

Саймонс. У меня составилось впечатление, что она была отчасти социалистической революцией. Она началась с крупных демонстраций рабочих, громко требовавших хлеба, в то время как у большинства из них было не только достаточно, но даже более чем достаточно хлеба. Цель этих демонстраций заключалась, по мнению большинства из нас, в том, чтобы вызвать революцию.

Юмс. Хорошо, доктор. Каковы же были политические условия в России от момента победы этой революции до Октябрьской революции?

Саймонс. При Временном правительстве стало очевидно, что разные политические группы всеми силами старались добиться власти.

Таких групп насчитывалось, по грубому подсчету, более двадцати. В моем распоряжении имеется документ, выпущенный ко времени большевистской революции и излагающий программу различных партий. Почти в самом конце списка партийных групп мы нашли большевиков. Документ этот при мне, и я его внимательно просмотрел; он только подтверждает следующее положение: если перед вами тысяча русских, то можно с уверенностью утверждать, что они образуют не менее ста партийных группировок.

Я говорил с людьми, которые вращались, в России, в самых различных, в том числе и религиозных кругах; по их словам, весьма забавно наблюдать, что, например, в деревне на каждую тысячу душ сектантов-баптистов приходится не менее двадцати различных групп. Это отличительная особенность русского ума и русской психики, и я утверждаю, что не будь в России такого множества политических партий, Керенский и Временное правительство, по всей вероятности, одержали бы верх над своими противниками.

Мы уже отметили, что в начале так называемого нового режима обнаруживалось стремление восхвалять союзников и заимствовать лозунги Великой французской революции; однако, в течение шести — восьми недель произошел перелом, и перевес получило противоположное течение; все начало настраиваться на германофильский лад.

Я не смог привезти ни одного из имевшихся у меня документов, которые мы собирали там все время, потому что все наши вещи были подвергнуты осмотру при переезде через финляндскую границу, в октябре 1918 г.; однако, в нашем церковном архиве, который нам удалось спасти, все эти документы имеются; думаю, что не менее пятидесяти наших друзей собирали для нас эти материалы.

Нельсон. Позвольте обратить ваше внимание на следующее. Не было ли одним из первых актов так называемого правительства Керенского объявление всеобщей амнистии преступникам?

Саймонс. Да.

Нельсон. Не явилось ли следствием этого акта возвращение Ленина из Сибири?

Саймонс. Ленин, если вспомните, приехал не из Сибири, а из другой части Европы, через Германию.

Нельсон. Но он был сослан в Сибирь?

Саймонс. Да.

Нельсон. Был ли он сослан в Сибирь на каторжные работы или же в административную ссылку, откуда вернулся через Швейцарию и Германию?

Саймонс. Так...

Нельсон. Вы этого не знаете?

Саймонс. Мы знаем, что он приехал из Швейцарии.

Нельсон. С германским паспортом?

Саймонс. С германским паспортом, и немцы устроили его проезд. Он прибыл в момент, когда движение начало расти.

Уолкот. И, конечно, Керенский не пытался его как-нибудь остановить?

Саймонс. Керенский большую часть времени проводил в объездах фронтов, стараясь поднять боевой дух русских солдат; он был, по общему мнению, великолепный оратор и прекрасный работник, и я не сомневаюсь, что он делал все возможное, чтобы удерживать людей в окопах дольше, чем они бы сами там оставались. Как нам стало известно, на фронте были сотни агитаторов, последовавших за Троцким-Бронштейном; они ранее жили в нижней части Ист-Сайда в Нью-Иорке *. Я был очень удивлен, когда увидел, как эти люди гуляют целыми группами по Невскому. Некоторые из них, узнав, что я — американский пастор в Петрограде, подходили ко мне, повидимому очень обрадованные, что нашелся человек, говорящий по-английски, но их ломаный английский язык показывал, что они не настоящие американцы; некоторые из этих людей посетили меня; многие из нас были удивлены тем, что еврейские элементы с самого начала играли такую крупную роль в русских делах. Вскоре выяснилось с очевидностью, что больше половины этих агитаторов в так называемом большевистском движении были жиды.

Нельсон. Евреи?

Саймонс. Да, евреи-отступники. Я не хочу ничего говорить против евреев как таковых. Я не сочувствую антисемитскому движению, никогда ему не сочувствовал и, думается мне, не буду сочувствовать. Я против него. Я с омерзением отвергаю какие бы то ни было погромы. Но я твердо убежден, что эта революция — дело жидовских рук, и один из источников ее следует искать в Нью-Иоркском Ист-Сайде. Я не думаю, чтобы большевистское движение в России могло победить, если бы оно не получило поддержки от некоторых элементов в Нью-Иорке, именно из Ист-Сайда.

Юмс. Доктор, вы упомянули, что Ленин приехал из Сибири через Швейцарию. Правда ли, что Ленин прибыл из Сибири в Швейцарию ко времени возникновения европейской войны в 1914 г. или незадолго до этого и находился в Швейцарии с этого времени до возвращения в Россию?

Саймонс. Я не уделял особого внимания этому фазису ленинской карьеры.

---

* Еврейский квартал Нью-Иорка.

Я хотел бы, в связи с этим, отметить, что перед возникновением войны, т.-е. до вступления России в войну, нам стало известно, — и это действительно факт, — что сотни тысяч рублей были предоставлены в распоряжение некоторых рабочих вождей, для того чтобы они вызвали забастовку на фабриках и заводах. Большое число фабрик в Петрограде и в Москве, как и в других частях России, работали до войны под контролем английского и германского капитала. К этому времени стало очевидным, что Германия старается экономически парализовать Россию, бросив ее в пасть гибельной забастовки. Я беседовал с людьми, занимавшими высокие посты в официальном мире Петрограда, и они утверждали, что имеют доказательства этого намерения. Позднее это было разоблачено в русской прессе, и, в результате, возникло весьма резкое антигерманское настроение. Забастовки не имели успеха, потому что старый режим имел достаточно силы, чтобы их раздавить.

Я неоднократно убеждался в том, что в России существует сильное немецкое влияние. Нашему послу, генералу Фрэнсису, я представил копию приостановленного „Немецкого Ежегодника", а также одной немецкой газеты — самой старой газеты во всей России, как утверждают сами немцы, — закрытой после вступления России в войну. Когда большевики пришли к власти, это издание было снова возобновлено. Но мало того, что выпускались немецкие газеты и оказывалась поддержка всему германскому и германофильскому,— мне доподлинно известно, что при возникновении или перед возникновением Октябрьской революции в так называемом Смольнинском правительстве находилось даже несколько германских офицеров.

Было два института, называемых „Смольный", — одно из зданий было занято силами Ленина и Троцкого еще в то время, как власть была в руках Керенского и Временного правительства.

Одной из самых старых преподавательниц Смольного Института случилось как-то зайти в здание, в которое большевики поставили свои орудия, и откуда они вели свою пропаганду среди русского пролетариата. Это дама старше пятидесяти лет; она преподавала в Смольном институте, пожалуй, более 20 лет, посещала нашу церковь не менее десяти лет. Она в родстве с самыми знатными русскими. Эта дама пришла ко мне и сказала: „Я имела возможность, будучи преподавательницей Смольного, посетить некоторые комнаты в здании, занятом теперь так называемым большевистским правительством. Я собственными глазами видела германских офицеров, сидевших за длинным столом вместе с вождями большевистского правительства. Я слышала немецкую речь. Несколько раз я замечала на столе немецкие документы с германскими печатями". Однажды она мне сказала, что там больше пользуются немецким языком, чем русским. Возможно, что она слышала еврейский жаргон, ибо он похож на немецкий.

Уолкот. Вы здесь установили одно обстоятельство, представляющее большой интерес. Вы упомянули, что, не будь этих элементов из Ист-Сайда, большевистское движение потерпело бы крушение.

В виду большого значения этого обстоятельства, не можете ли сообщить нам подробнее, что привело вас к убеждению, что присутствие этих людей из Ист-Сайда содействовало успеху большевистского движения?

Саймонс. Последнее поразительное сообщение, полученное от человека, утверждающего, что оно из достоверных источников, гласит, что в декабре 1918 г. в так называемой Северной Коммуне (так они называют ту секцию советского режима, председателем которой состоит м-р Апфельбаум) из 388 членов только 16 являются настоящими русскими, а все остальные — евреи, за исключением разве одного человека — негра из Америки, который именует себя проф. Гордоном. 265 членов этого правительства Северной Коммуны, помещающегося в прежнем Смольном институте, — ровным счетом 265 — прибыли из Нью-Иорка. Если это правда (а факт этот проверяли для меня некоторые русские, бывшие там и исследовавшие все обстоятельства), то это, полагаю, является достаточно ясным ответом на ваш вопрос. Действительно, у меня создалось вполне определенное впечатление, что известные большевистские пропагандисты почти все евреи, вероотступники-евреи.

Уолкот. Можете ли вы сказать, было ли появление в России этих нью-иоркских агитаторов внезапным или нет?

Саймонс. Меня поразило, сенатор, что вскоре после мартовской революции 1917 г. повсюду были видны группы евреев, стоявших на скамьях, ящиках из-под мыла и т. д. и ораторствовавших с пеной у рта. Смотря на них, я часто говорил своей сестре: „Куда мы, в конце концов, придем? Все это имеет такой ярко-выраженный еврейский характер". До того времени у нас было очень мало евреев, ибо тогда, как вы, вероятно, знаете, существовало ограничение права жительства евреев в Петрограде; но после революции они слетелись целыми стаями, и большинство агитаторов оказывалось евреями. Я не хочу быть к ним несправедливым, но обычно я узнаю еврея по одному его виду.

Овермэн. Вы хотите сказать, что это были вероотступники-евреи?

Саймонс. Да, вероотступники-евреи.

Уолкот. Вы имеете в виду крещеных евреев?

Саймонс. Нет, сэр.

Уолкот. Что же вы понимаете под термином „вероотступник"?

Саймонс. Еврей-вероотступник, — это тот, который отрекся от веры своих отцов или предков.

Уолкот. Но не принял никакой другой?

Саймонс. Не принял никакой другой, за исключением большевистской или анархистской веры.

Овермэн. А пытались ли эти евреи из Ист-Сайда, помогавшие там Ленину и Троцкому, беседовать с вами о большевистских вопросах, и какими доводами они пользовались, чтобы оказать на вас воздействие?

Саймонс. Они остерегались это делать, так как знали, что в качестве стопроцентного американца и христианского духовного лица я не буду сочувствовать их идеалам, равно как и тем средствам, которые они применяли. Однако, когда мне приходилось беседовать с этими людьми, я всегда говорил им, что наша методистская епископальная церковь в Америке, на своей конференции в 1916 г., приняла прекрасные резолюции, касающиеся реформы рабочего законодательства и других вопросов, и что наша церковь является в подлинном смысле слова народной. Далее я доказал им, что я христианский социалист, оставляя, конечно, за собой право вкладывать в это понятие то содержание, какое я считаю правильным. Я — христианский социалист, но только постольку, поскольку таковым является всякий христианин, считающий своим идеалом Новый завет; близкий по своему миросозерцанию к Чарлсу Кингслею и Моррису; верящий не в революционный, а в эволюционный социализм, принимающий за идеал нагорную проповедь Христа и тридцатую главу первого послания к коринфянам; верящий, наконец, что не силою, а моральным убеждением мы действительно добьемся превращения всего человечества в братскую семью.

Кинг. Вы признаете, что братство совместимо с сохранением законного правительства?

Саймонс. Конечно, признаю.

Кинг. И ваш идеал христианства не означал ниспровержения правительства?

Саймонс. Я всегда стоял за то правительство, которое мы считаем самым идеальным в мире — за правительство Соединенных Штатов Америки, и я ничуть не симпатизировал красному флагу пропагандистов.

Кинг. Вы верите в правительство, которое признает святость договоров, право приобретения и владения собственностью и все те личные права, которыми мы пользуемся при нашей представительной форме правления?

Саймонс. Разумеется.

Кинг. Вы верите в эту форму правления?

Саймонс. Конечно, верю.

Кинг. Вы не верите ни в одно из социалистических учений, которые имеют своей целью разрушение нашей формы правления?

Саймонс. Я решительно отвергаю все это.

Кинг. Итак, относя себя к христианским социалистам, вы тем самым не переходите в оппозицию к нашей форме правления?

Саймонс. Если я говорю: христианский социализм, то я подразумеваю под ним учение Иисуса Христа о богоотцовстве и братстве людей. Это учение является наилучшим видом социализма, которого когда-либо мог желать мир. Конечно, если бы большевики знали, что у меня было на уме, они не признали бы во мне и десятой доли социалиста.

Нельсон. Были ли вы там во время подписания Брестского мирного договора? Какие сведения можете вы нам дать по этому поводу, доктор?

Саймонс. Я был глубоко убежден в том, что брест-литовский акт был в значительной степени делом германских рук по той простой причине, что в то время как Ленин и Троцкий с их приспешниками не скупились на резкие выражения по адресу союзников, мне ни разу не пришлось слышать от них какие-нибудь резкости против Германии. Я видел их прокламации. Одна в особенности запомнилась мне: она была обращена ко всему культурному миру и была расклеена по всему Петрограду; прокламация эта в неделикатных выражениях упоминала о союзниках как о кровожадных людоедах.

Кинг. Включая в эту категорию, конечно, и Соединенные Штаты?

Саймонс. Они говорили об Англии и Франции. Насколько мне помнится, они, кажется, нас не упоминали, но во время бесед, которые я вел с официальными лицами Советского правительства, я обнаружил, что у них существовало стремление сохранить, по возможности, дружественные отношения с Америкой. Это стремление было истолковано лицами дипломатического корпуса союзных стран как попытка отделить Америку от ее союзников. Кроме того, они рассчитывали, что если бы большевистский строй рухнул, то наша страна явилась бы убежищем, куда большевистские демоны могли бы спастись. Извините, что я называю их демонами, но я насмотрелся таких вещей, что не в состоянии найти лучшего выражения для их характеристики.

Нельсон. Находились ли вы там в ноябре 1917 г., когда произошла революция Ленина и Троцкого?

Саймонс. Я был там в это время.

Нельсон. Можете ли нам рассказать, что тогда произошло?

Саймонс. Это длинная история. Чтобы описать вам все, потребовалось бы несколько часов. Я могу только сказать, что воздух был насыщен самым дьявольским террором, какой когда-либо пришлось испытать культурному человеку. Я много раз переодевался в одежду русского рабочего и надевал русскую рубашку, доходящую почти до колен. Я напяливал старую шляпу с опущенными полями и надевал

никкелевые очки, так что моя сестра говорила, что я, действительно, похож на большевика. В таком наряде я выходил из дому, толкался среди этих людей и слушал их разговоры. Я хотел поближе познакомиться с внутренним положением, так как подготовлял книгу о России. Я чувствовал, что тут делается история; и я верил в Россию и любил Россию, но — не верил в эти вещи. И, бродя среди толпы, я обнаруживал, что рядовой обыватель совсем не разбирается в происходящих событиях. Если являлись агитаторы и выступали в пользу Ленина и Троцкого, обыватели говорили: „Совершенно правильно, совершенно правильно".

Нельсон. Кто были эти агитаторы? Были ли это рабочие или солдаты? К какому классу, или к какой группировке они принадлежали?

Саймонс. Они состояли из профессиональных агитаторов, и некоторые из них были в русской военной форме, другие — просто одеты как рабочие, — в черной рубашке.

Кинг. Были ли некоторые из них ранее в Соединенных Штатах?

Саймонс. Да.

Кинг. Они жили в Ист-Сайде?

Саймонс. Да, насколько мне известно, в Ист-Сайде.

Уолкот. Не явился ли этот человек, именуемый Апфельбаумом, из Ист-Сайда?

Саймонс. Не знаю. Я не осведомлен относительно его прошлого.

Нельсон. Продолжайте ваш рассказ.

Саймонс. На основании наблюдений мы пришли к выводу, что большевистская революция была в значительной степени обязана своим успехом применению террора.

Овермэн. Какого свойства был этот террор?

Саймонс. Они фактически вооружили всех своих людей. Рабочий был там настолько воодушевлен священным рвением к осуществлению великого дела уничтожения капиталистов и вознесения на вершину власти пролетариата, что он чувствовал себя как бы участником крестового похода за священное дело всего человечества. У меня здесь есть документ, показывающий, что большевики выставили своим боевым лозунгом вооружение народа. Он гласит приблизительно так: „Чтобы обеспечить дело пролетариата, нужно вложить винтовку в руки рабочего". Это обстоятельство и обусловило успех большевистской революции. Не будь так называемый пролетарский элемент вооружен, вряд ли, думается мне, удалась бы революция.

Уолкот. Высказывались ли в это время угрозы убить тех, кто имел собственность или принадлежал к интеллигенции?

Саймонс. После прихода к власти большевиков, газеты, выступавшие против них, закрывались одна за другой, и недавно там остался только один род печати — большевистская или анархистская печать.

Нельсон. Можете ли вы нам рассказать о совершенных большевиками актах варварства и случаях уничтожения жизней и имущества? Что вы можете сообщить нам по этому поводу?

Саймонс. Вот то немногое, что было предметом моего непосредственного наблюдения. Незадолго до отъезда посланника Фрэнсиса из Петрограда, мы пригласили его к обеду. Это было, кажется, в январе или феврале 1918 г. Однако, за полтора часа до его прихода прямо перед нашим домом случилось одно из самых ужасных, когда-либо виденных мною происшествий. В это время я беседовал с нашей главной экономкой. Вдруг послышались выстрелы и рев. Я выглянул из окна. Как раз перед нашим домом стояла толпа возбужденных, кричащих людей. Я увидел двух бегущих русских солдат, а за ними по пятам — несколько красногвардейцев-большевиков. На моих глазах они произвели три или четыре выстрела в головы обоих солдат в тот момент, когда те падали на землю. Посланный мною на разведки швейцар узнал, что эти люди находились в чайной в конце улицы и были обвинены в покушении на кражу; были ли они действительно виновны или нет, так и не выяснилось. Деяния подобного рода я наблюдал впоследствии неоднократно. Особенно запечатлелся в моей памяти случай с двумя братьями, когда в отсутствии того из них, которого большевики искали, они ошибочно застрелили другого брата, а первый, таким образом, избег наказания.

В другой раз, около половины третьего утра, большевистские красногвардейцы сделали попытку забраться в наш дом. Наш швейцар, проснувшись ночью, увидел двух людей, взбиравшихся по внешней лестнице с очевидной целью проникнуть в наш дом и взломать чердак. Он приблизился к ним и спросил: „Товарищи, чего вам нужно? Чего вы хотите?“. Они ответили: „Держи язык за зубами и получи 5000 рублей.“ Не медля ни минуты, он ответил: „Вы думаете, что я еврей?“. Тогда они крикнули друг другу: „Пойдем“! — и, пробежав во весь дух через сад, перепрыгнули через забор и скрылись.

Большевики выработали новую схему управления, регулировавшую решительно все моменты социальной и экономической жизни человека. Порой мы впадали в такое нервное состояние, что не знали, чего можно ожидать в ближайшем будущем. В то время, как нам обычно приходилось платить 3 рубля в год собачьего налога (у нас было два английских фокс-терьера, которые превосходно несли полицейскую службу), при большевиках нам надо было вносить по 59 рублей за каждую собаку. То же самое повторялось, если у вас, например, была

ванна или вы имели больше имущества, чем обычно должен иметь человек, или если у вас был рояль или орган. Последнее, что нас крайне огорчило, это постановление, согласно которому все пишущие машинки подлежали регистрации. Я пытался-было поместить в посольство нашу новую американскую машинку, равно как и старую, русскую. Посольские машинки не подлежали регистрации. Мне посоветовали, через секретариат, поступить так, как поступали другие.

Овермэн. У них явилась мысль обложить машинки налогом?

Саймонс. У них была мысль наложить свою руку решительно на все. Они не могли удержаться от этого просто потому, что ощущали чертовский зуд, побуждавший их шарить повсюду. И с какой жестокостью они это осуществляли на деле! С какой дьявольской радостью они говорили, и как резки они были в своей речи! Мне случалось толковать с некоторыми из этих людей, обычно евреями, и я никогда не церемонился с ними. Я им говорил: „Знаете ли вы, кто я, и что я сделал для России? Почему вы поступаете таким образом?“. Обычно, когда я кончал свою речь, они готовы были целовать мои ноги.

У меня создалось впечатление, что в большевистском правительстве значительно представлен преступный элемент. Всякому, кто хоть немного осведомлен о России, известно, что, когда зимою 1917 г. наступила великая революция, все суды с их архивами были разгромлены. То же случилось и с полицейскими участками. Ближайший к нам полицейский участок находился наискосок от нашего дома, и я был в хороших отношениях с пол. начальником. Он был милейший джентльмен. Из тюрем, уничтоженных огнем, вышли тысячи самых закоренелых преступников худшего типа; Керенский и Временное правительство пытались их снова арестовать, но им удалось посадить вновь под замок только очень немногих. Когда летом 1917 г. это большевистское, анархистское движение подняло голову, — вокруг некоторых мест заключения собирались целые толпы преступников, намеревавшихся освободить своих товарищей. Таким образом, в самый разгар большевистской революции преступников фактически не было там, где их следовало бы держать. Нам известно, как факт, что некоторые из самых опасных преступников заняли видное положение среди большевиков.

Кинг. А те, которые не возвысились до такого положения?..

Саймонс. ...Служили агитаторами. Кроме того, опираясь на свою связь с большевиками и пользуясь их покровительством, они выходили и грабили дома. Когда было постановлено конфисковать, социализировать и национализировать банки — таковы три термина, которые мы там слышали во все время их проклятой грабительской деятельности, — заведомые уголовные преступники входили в банки

и помогали совершать эти действия. Это — хорошо известный факт, и вы можете узнать их имена.

Нельсон. Приняли ли большевики в свою шайку прежних нигилистов?

Саймонс. Они принимали всех и каждого. Они приняли бы даже монархиста, если бы монархист сказал: „Я помогу вам совершить нападение на такое-то учреждение".

Нельсон. Доктор, будьте добры рассказать нам, что вам известно по вашим личным наблюдениям о стремлениях пролетариата завладеть собственностью капиталистов?

Кинг. Что вы можете еще сказать о разгуле террора, о тайных и явных убийствах, об изгнании людей из их домов, о массовой гибели от голода мужчин, женщин и детей, не принадлежащих к так называемым большевикам?

Саймонс. Я мог бы об этом говорить часами и мог бы доказать, что там действовал дьявольский террор, что они питают злобу против всякого не принадлежащего к их классу, который они называют классом чернорабочих.

Двое из них пришли однажды ночью ко мне единственно потому, что я антибольшевик и, следовательно, должен быть, по их мнению монархистом. Они стали стучаться в дверь черного хода; оба мои фокс-террьера побежали за мной, я должен был сперва втолкнуть их в кухню, прежде чем отворить дверь. Так как я несколько замешкался, эти люди, потеряв терпение, собирались уже приступить к взлому моей двери. Чтобы ее открыть, я должен был снова потратить некоторое время, так как у нас, кроме французского замка, был еще засов и старый русский замок. Когда я ее, наконец, отпер, они набросились на меня и, приставив два револьвера к моей груди, угрожали меня застрелить как монархиста. Я улыбнулся, назвал их „товарищами" и заявил, что тут, очевидно, ошибка; что я, прежде всего, не русский, а американец, что я врожденный демократ и понятия не имею о том, что значит питать монархические идеи; что я стою за республику теперь и стоял за нее еще задолго до того, как они родились.

Нельсон. По всей вероятности, вы сказали им также, что вы — христианский социалист?

Саймонс. Это выяснилось позже. Некоторое время они рыскали по всем комнатам. Когда же они увидели, что ошиблись, они спросили, есть ли у нас телефон.

Нельсон. Говорили ли они по-английски?

Саймонс. Они говорили по-русски, хотя были не русские, а латыши.

Кинг. Латыши составляли от 25 до 30 процентов большевистской армии (в том виде, как она была создана шесть месяцев тому назад), китайцы — около 50 000—60 000 и уголовные преступники около 100 000. В этой массе было распылено небольшое количество русских, германцев и австрийцев. Не таково ли, приблизительно, было положение шесть месяцев тому назад?

Саймонс. Я думаю, что, в общем, мы определили вполне правильно. Я узнал, что там тысячи военнопленных германцев, австрийцев и венгерцев, которые заразились большевистскими идеями во время пребывания в концентрационных лагерях Сибири. Я встречался с немногими русскими, которые побывали там и познакомились с этим вопросом; они говорили мне, что еще в августе текущего года эти люди заявляли: „Нам нет никакого дела до большевистского правительства. Единственное, чего мы хотим, это — иметь вдоволь еды и хорошую одежду, а также — прошу прощения за то, что передаю эти слова — всех женщин, каких мы только пожелаем“.

Кинг. Итак, бывшие германские и австрийские пленные, кули и латыши, с некоторым числом русских, и составили большую часть армии?

Саймонс. Да. Правда, они привлекли к себе также и тысячи рабочих. Мы видели собственными глазами, что последние уже не могли достать никакой работы, потому что почти все фабрики были выведены из строя. Это — длинная история, связанная с деятельностью германских агентов. Много машин было разрушено только потому, что — как мы узнали — Россию предполагалось обессилить экономически и поставить в зависимость от Германии в деле снабжения различными продуктами. Мы также знали, — я это подчеркиваю, — что ко времени Брестского мира тысячи коммерсантов из Германии уже бродили по улицам Петрограда и Москвы и других крупных центров, принимая повсюду заказы...

Нельсон. На германские продукты?

Саймонс. На германские товары; очень было похоже на то, что Германия стремилась парализовать Россию экономически. А большевистское правительство...

Нельсон. Потворствовало этому?

Саймонс. Оказывало всемерную поддержку. Не знаю, делало ли оно это сознательно или нет; но этот факт казался подозрительным многим из нас, непосредственных наблюдателей. Я знал людей, руководивших производством на фабриках, и они жаловались мне: „Подумайте только! Рабочие ворвались сюда и разбили лучшие машины на куски; а когда мы пытались остановить их, говоря, что ведь это их хлеб насущный, они отвечали: „Знаем ваш хлеб! Мы разрушаем капитализм“.

Кинг. Вы говорили об их жестокостях и зверствах. К чему же они привели в отношении буржуазии?

Саймонс. Они привели к тому, что тысячи лучших людей Петрограда, Москвы и других мест потеряли все свое имущество, а члены их семейств арестовывались сплошь да рядом. У них было лишь одно желание — выбраться из России.

Вы спрашивали меня о террористических методах. Я — американец и был известен, как друг России и рабочего класса; тем не менее, на наших собраниях обнаруживалось с полной очевидностью существование определенной враждебности по отношению к христианской религии, ко всему, что было христианским, особенно к Христианской ассоциации молодых людей и молодых женщин, к Армии спасения и всем другим христианским организациям. По нашему адресу высказывались разные угрозы. Однажды группа плохо одетых женщин стояла перед нашим домом по окончании традиционного воскресного собрания под открытым небом, проходившего под моим руководством. Один из наших прихожан подслушал, как они говорили между собой: „До заката солнца мы выколем глаза этому человеку в очках“. Им так и не удалось добраться до моих очков.

Я бы мог рассказать еще целый ряд других фактов. Однажды они пытались вломиться утром в наш дом, при чем один из наших людей был убит красногвардейцем.

Кинг. Я хотел бы выяснить размеры террора и его действие на буржуазию и на высшие классы. Заставляют ли их умирать с голоду или нет?

Саймонс. Да. Мы видели, как они, словно тени, бродили по улицам Петрограда. Я собственными глазами наблюдал, как люди падали мертвыми. Одно время, когда мы не получали хлеба, у нас ежедневно околевало на улицах, в среднем, шестьдесят лошадей.

Кинг. В день?

Саймонс. Шестьдесят лошадей в день. Я лично видел много лошадей, лежавших на улицах. Однажды на улице встретились магометанин и еврей. Один из них начал торговать у другого лошадь. Пока они торговались, лошадь отправилась к праотцам. Тогда они сказали: „Околей она несколькими часами позже, она стоила бы дороже“.

Кинг. Мне пришлось видеть оригинальный русский текст и перевод на английский язык некоторых советских декретов. Они фактически уничтожают брак и вводят так называемую свободную любовь. Известно ли вам что-нибудь по этому поводу?

Сеймонс. Их программу вы найдете в Коммунистическом Манифесте Маркса и Энгельса. До нашего отъезда из Петрограда они, если верить отчетам газет, уже установили весьма определенное поло-

жение, регулирующее так называемую социализацию женщин: каждая женщина, от 18 до 45 лет, должна явиться в комиссариат, откуда она, независимо от ее желания или нежелания, передается мужчине, с которым и должна отныне жить.

Нельсон. В браке?

Саймонс. Если вам угодно, можете назвать это браком. Я видал там много людей, подчинившихся большевистской системе. Один американец женился на русской девушке. Он заключил брак в комиссариате, при чем ему пришлось ответить на несколько вопросов и подписать свое имя, а она подписала свое; среди других поставленных вопросов были и такие: „Как вы предполагаете жить в браке?“ „Сколько детей предполагаете иметь?“ и т. д.

Кинг. Доктор, приходилось ли вам что-нибудь читать, слышать или входить в соприкосновение с I. W. W. * в нашей стране и знакомы ли вы с их разрушительным учением, их проповедью уничтожения нашей формы правления. Я хочу вас спросить, усматриваете ли вы, на основании наблюдений над большевиками и J. W. W., какую-нибудь разницу между ними или нет?

Саймонс. У меня создалось определенное впечатление, что оба эти движения тождественны.

Зорин, комиссар почт и телеграфов, сказал мне: „Мы ныне сделали наше величайшее приобретение; Максим Горький, который был ранее против нас, перешел на нашу сторону. Теперь он с нами и взял на себя заботу о нашем литературно-издательском деле. Вы знаете, что мы завоевали Россию. Мы теперь предполагаем завоевать Германию и Америку“.

Кинг. Нелегкое дело!

Нельсон. Знакомы ли вы с Альбертом Рисом Вильямсом, выпустившим брошюру о России?

Саймонс. Я знаю его.

Нельсон. Встречали ли вы его в России?

Саймонс. Я встречал его в России.

Нельсон. Можете ли вы рассказать нам о его деятельности и о том, с кем он был там связан?

Саймонс. Да. Я желал бы только сказать что, если он американский гражданин, мне бы хотелось выказать по отношении к нему ту корректность, которая обязательна по отношению к соотечественнику. Я не хочу ничего говорить о нем, пока он не будет иметь случая говорить за себя лично.

Овермэн. Ему будет дана возможность говорить за себя.

---

* Индустриальные Рабочие Мира.

Кинг. Был ли он связан там с Советами и произносил ли он перед ними речи?

Саймонс. Нам было в то время известно, что он не только весьма сочувствовал большевикам, но и помогал им разными способами. Мы это знаем; он создавал весьма значительные затруднения нашему посольству и консульству.

Уолкот. Делали ли вожди этого большевистского движения какую-либо попытку систематически распространять безнравственные идеи, о которых вы упоминали сегодня утром?

Саймонс. Мне приходилось нередко наблюдать, как открыто оказывалось поощрение безнравственным элементам. Я постараюсь быть осторожным в своих словах в виду того, что здесь присутствуют лэди. За несколько дней до моего отъезда меня посетила председательница нашего дамского благотворительного общества, школьная работница, которая была более 25 лет преподавательницей в одном из известных императорских институтов. Я не буду называть вам этот институт, чтобы это не попало в печать и не дошло до России. Она сказала с рыданиями: „Вы знаете, какое прекрасное и большое у нас здание. Я хочу, чтобы вы рассказали обо всем женщинам Америки.

„В первом этаже нашего обширного института, который служил для жилья, официальные лица большевиков поместили несколько сот красных солдат и матросов и отдали приказ, чтобы в другой половине того же этажа оставались наши институтки, девочки от 12 до 16 лет“. Это так ее взволновало, что она залилась слезами. „Лучше умереть, чем быть свидетельницей таких вещей. Но я хочу, чтобы вы рассказали об этом американским женщинам“.

Уолкот. Насколько я вас понимаю, это не было деянием безответственной толпы или солдат, но мероприятием, исходившим от большевистских официальных лиц?

Саймонс. Это произошло по их приказу.

Кинг. Значит — бедные девочки были предоставлены грубой похоти красногвардейцев?

Саймонс. Вы сами можете сделать необходимый вывод.

Кинг. Может ли быть сомнение, что такова была именно цель этого распоряжения?

Саймонс. У меня лично — никакого. Я несколько смущен присутствием лэди.

Кинг. Нет ничего непристойного в констатировании того факта, что вы наблюдали грубость и зверство.

Саймонс. Они — самые грязные собаки, с которыми я когда либо сталкивался за все 45 лет моей жизни! Они настолько гнусны, что я не могу найти достаточно слов, чтобы выразить мои чувства.

Я возвращаюсь, однако, к моему рассказу. Немного успокоившись дама продолжала. „Это еще не все. — На-днях помощник комиссара народного просвещения Луначарского встретил в толпе, на Невском проспекте, группу девочек из нашего института; обратившись к этим девочкам в возрасте от 12 до 15—16 лет, он спросил: „Девочки, где ваши женихи?“. Они покраснели и сказали: „У нас нет женихов“. „Почему же вам не пойти на Невский проспект и не найти себе женихов по примеру проституток?“ Извините меня, что я повторяю эти слова.

Кинг. Итак, говоря прямо, большевистские красноармейцы и самцы-большевики похищают, насилуют и растлевают женщин сколько хотят?

Саймонс. Конечно, они это делают.

Нам удалось узнать, что латышский полк, за которым в течение многих месяцев усиленно ухаживал Троцкий, отказался итти на фронт и остался неподалеку от Царскосельского вокзала. Эти факты мне сообщил полковой санитар — я не хочу называть его имя, так как он был моим личным другом, и я не желал бы причинить ему неприятности. Он сказал, что, когда был недостаток хлеба в городе — многие из нас не имели хлеба неделями, — они получали по два фунта в день, а за три дня до приезда Троцкого им сказали: „Вы будете получать сверх двух фунтов хлеба в день лепешки и крупчатку; а когда приедет Троцкий, будет особое угощение“. Так и случилось Троцкий им сказал: „Все в Петрограде — ваше“. Мне противно это говорить, но они хвастались, что могут иметь всех женщин, каких только ни пожелают, и что им разрешается безнаказанно врываться в дома.

Кинг. Знали ли вы людей, которые, побывав в России, отправлялись в другие страны и начинали там вести большевистскую пропаганду? Например, известно ли вам, что там был Джон Рид?

Саймонс. Да.

Кинг. Он там был заодно с большевиками?

Саймонс. Он являлся доверенным лицом большевистского правительства.

Кинг. Как относились к нему проживавшие в России настоящие американцы: как к американцу или как к большевику?

Саймонс. Как к большевику. У нас было там несколько таких сочувствующих большевикам людей, и мы считали их — разрешите мне употребить настоящее выражение — сумбурными и тупоголовыми людьми.

Кинг. Знавали ли вы там Альберта Риса Вильямса?

Саймонс. Да.

Кинг. Известно ли вам, выступал ли он на каких-либо митингах вместе с большевиками?

Саймонс. Да, он выступал там на их митингах. Об этом сообщалось в газетах.

Кинг. Произносил ли он на митингах речи в пользу большевизма или же боролся с их взглядами?

Саймонс. Нет, не боролся. Он сердцем и душою был с ними. Я несколько раз встречался с Вильямсом в нашем посольстве и в консульстве. Когда я, бывало, крайне резко отзывался о большевиках, он вступался за них.

Кинг. Защищал их?

Саймонс. Говорил о них в очень мягких выражениях.

Кинг. Известно ли вам, долго ли он поддерживал с ними связь?

Саймонс. Думаю, что он был заодно с ними почти с начала этого движения.

Кинг. Заявлял ли он, что является представителем Красного Креста?

Саймонс. Нет, он был журналистом. Но там был другой Вильямс, который представлял общество „Христианского Герольда". Мне бы не хотелось, чтобы его смешивали с тем человеком. Он однажды говорил в нашей церкви. Он превосходный христианин и джентльмен, стопроцентный американец. Я надеюсь, что никто не будет их смешивать.

Юмс. Известно ли вам, в качестве кого прибыл к нам от большевистского правительства Альберт Рис Вильямс и в качестве кого он выступает сейчас у нас?

Саймонс. Я не могу прибавить ни одного слова на основании личной информации, но судя по тому, что я читал в газетах и что слышал от некоторых людей, претендующих на осведомленность, он является, по собственному признанию, представителем Ленина и Троцкого.

Юмс. И он переплыл океан, чтобы организовать в нашей стране по поручению большевистского правительства информационное бюро?

Саймонс. Я предполагаю, что ему предстояло дело именно такого рода.

Овермэн. Это тот человек, который выступал у нас на митингах?

Юмс. Да.

Овермэн. Остались ли там какие-нибудь суды, чтобы карать за нарушение тех или иных законов?

Саймонс. Да, у них были суды.

Юмс. Правда ли, что практика этих судов не допускает свидетельских показаний так называемых буржуа?

Саймонс. Да, это истинная правда. Я говорил с рядом лиц из нашей американской колонии, которых вызывали в суд; у одного из

них был случайно бриллиантовый перстень, что привело к оштрафованию его, если не ошибаюсь, на 10 000 рублей. Не будь у него этого кольца, его возможно, не оштрафовали бы. — Извините, сенатор, я не люблю входить во все эти подробности, но вы ставите мне вопросы, которые вызывают у меня разного рода воспоминания. Быть-может, упоминаемые мною факты помогут пролить свет на интересующие вас вопросы.

Овермэн. Мы очень рады, доктор, что вы рассказали нам все, как могли; вы внесли много света в это дело, и мы вам за это очень обязаны.

Кинг. Были ли велики зверства, совершенные крестьянами против помещиков, при чем владельцы лишались своих жилищ и земельной собственности?

Саймонс. Мне сообщали множество случаев; о некоторых из них рассказывали мои личные знакомые, имевшие раньше большие поместья. Однако, повествуя обо всех этих насилиях и грабежах, совершенных озверевшими, распропагандированными большевизмом крестьянами, мои знакомые прибавляли: „Мы знаем, что эти крестьяне постепенно отвернутся от социализма, ибо двое или трое из них вернулись к нам и заявили, что они раскаиваются в своих поступках“.

Обыкновенный крестьянин — это самый милый человек на свете. Должен сказать, что я нигде не встречал лучшего типа женщин или мужчин, чем в русских деревнях и даже в среде рабочих. И я всегда чувствовал себя среди них в полной безопасности до тех пор, пока не пришли к власти эти большевики.

ЗАСЕДАНИЕ 13 ФЕВРАЛЯ.

Присутствовали: сенаторы Овермэн, Нельсон, Стерлинг, Уолкот и майор Юмс.

Показания Р. Б. Денниса.

[Приведенный к присяге председателем, свидетель показал, что живет в Иллинойсе, преподает в Северо-Западном университете, прибыл в Россию в ноябре 1917 г. как представитель Ассоциации Христианской Молодежи (I. M. C. A.)]

Юмс. Мы желали бы получить подробный отчет относительно положения, которое вы застали в России.

Деннис. Мне пришлось быть свидетелем событий в городе Ростове, в районе которого как раз происходили выступления Каледина и Корнилова.

Я был там во время самоубийства Каледина, когда Корнилов сделал последнюю попытку защитить город, который вскоре был занят красногвардейцами.

Нельсон. Вы называете военные части большевистского правительства Красной гвардией?

Деннис. Да, красные — это большевики, а белые — их противники. Думаю, что положение в этом районе существенно отличалось от того, которое создалось в других местах. Красные через некоторое время взяли город. Корнилов узнал, что потерпит поражение, и защищал город только с помощью арьергарда; и город, действительно, был взят Красной армией под командой германских офицеров. В течение четырех дней они „вычистили“ город в буквальном смысле слова.

Нельсон. Каким образом?

Деннис. С помощью броневиков, пулеметов и солдат. Это происходило ежедневно в 4 часа пополудни. Лучше всего было оставаться дома, ибо броневики с надписями „Смерть богачам“, т.-е. „буржуям“, разъезжали по городу и, останавливаясь на углах, поливали пулеметным огнем одну боковую улицу за другой. У них было несколько мортир и орудий, и ими они разрушили некоторые здания. В дом одного богатого человека, с которым я совершенно случайно познакомился ранее, они бросили гранату, угодившую прямо в середину обеденного стола.

*

Юмс. Говоря, что эта Красная гвардия была под командой германских офицеров, вы имеете в виду только высший командный состав или то, что все вообще офицеры были германцы?

Деннис. Германские офицеры не появлялись публично. Все эти большевики, выступавшие в Ростове открыто, были русские, за исключением одного — двух латышей. Главнокомандующий был также латыш. Латыши составляли значительную часть русской армии. Однако, в гостинице, в которой я проживал, находилось 13 германских офицеров. Сын хозяина гостиницы, с которым я очень близко сошелся, потому что он жил в Америке ряд лет, сказал мне, что шесть человек из их числа совсем не умели говорить по-русски. Я часто слышал их грубые песни; кругом царила весьма германофильская атмосфера. Солдаты знали, что это германские офицеры. Нищие на улицах говорили по-немецки. Они даже ко мне обращались по-немецки. Я был в полувоенной форме, и они принимали меня за германца, чего со мной никогда не случалось ни раньше, ни позже.

Уолкот. Вы говорите, что большевики поддерживали слухи, будто лица гражданского населения стреляли по ним из окон?

Деннис. Да.

Овермэн. Это была чистая выдумка?

Деннис. Не знаю, но у меня создалось впечатление, что все говорилось с целью разжечь террор, так как красные солдаты этому верили. Многие из них сошли с ума.

Овермэн. Были ли красногвардейцы обучены? Служили ли они раньше в армии?

Деннис. Все они были солдатами и носили солдатскую форму. Помнится мне, однажды я возвращался домой и увидел мальчика — карапуза-мальчишку не старше 14 или 15 лет, — колотившего в парадную дверь дома богатого человека, угрожая всех перестрелять, если они ему немедленно не откроют. Это типичный пример, характеризующий отношение к буржуазии.

Нельсон. Присоединялись ли обычно казаки к Красной армии?

Деннис. Я слышал о казаках, которые были на фронте и стали большевиками.

Нельсон. Присоединился ли гетман казаков к Красной армии?

Деннис. Нет, сэр, об этом я ничего не слышал.

Овермэн. Делали ли они во время вашего пребывания в России попытки делить землю между населением?

Деннис. Да, такие случаи происходили неоднократно.

Овермэн. И они отнимали землю от помещиков?

Деннис. Да, сэр.

Овермэн. Как они ее делили? Известно ли вам это?

Деннис. Не было определенного способа раздела. Думаю, это происходило различно в каждой общине или деревне. Я полагаю, что около 90 процентов этих крестьян, — хотя точных цифровых данных нет, — не имеют личной земельной собственности и принадлежат к общине: во многих случаях возникали споры между соседними деревнями из-за того, кто должен владеть находящейся между ними землей.

Нельсон. Как советы взяли в свои руки предприятия?

Деннис. Они просто захватили их с согласия или без согласия владельцев.

Нельсон. Завладев предприятием, пытались ли они работать?

Деннис. Да, сэр.

Нельсон. Каким образом?

Деннис. Под руководством рабочего комитета и хозяйственного комитета, которые составлялись из рабочих, школьных учителей и т. д. Но я не могу понять, как это некоторыя лица, вернувшиеся из России, могут утверждать, что промышленность в России работает, в то время как в действительности этого нет. Я утверждаю это на основании того факта, что я сам видел закрытые фабрики в трех городах. В Нижнем-Новгороде, большом промышленном центре, ко времени моего отъезда работала только одна небольшая фабрика.

Уолкот. Можно ли отсюда сделать вывод, что рабочие того города, о котором вы говорите, отвернулись от большевистской шайки?

Деннис. Я сказал бы, что таково именно в настоящее время настроение большинства рабочих и крестьян в России.

Овермэн. Почему же они не восстанут и не свергнут большевистского правительства?

Денис. Единственный возможный ответ, — это пожать плечами и сказать: „Такова Россия; таков русский характер“. Русские, умея работать согласованно в экономической области, становятся совершенно беспомощными, когда дело доходит до политики. Им неизвестно слово „компромисс“.

Овермэн. Полагаете ли вы, что какой-нибудь великий патриотический вождь, в роде Николая Николаевича, или выдающийся генерал мог бы организовать этот народ в армию?

Деннис. Я очень в этом сомневаюсь. Я очень люблю русский народ, и к тем русским, с которыми я входил в соприкосновение, я питаю личную привязанность, но если вы попытаетесь что-либо с ними сделать, сорганизовать их, вам это не удастся, потому что они не захотят сплотиться. В России говорят, — и это хорошо характеризует русские нравы, — что стоит вам свести трех русских, и вы получите пять мнений.

Нельсон. Можете ли вы охарактеризовать вкратце принципы большевистского правительства, а также его планы?

Деннис. Вожди этого правительства были прогрессивные социалисты радикального направления и верили в необходимость пройти до конца путь социализма — и притом пройти его с помощью наиболее радикальных методов, с помощью силы. Они выдвигают и другие положения: что не должно быть частного капитала или частной собственности и что все должно принадлежать государству, — вся земля и все средства производства. Они захватывают вещи силою, не возмещая их стоимости.

Нельсон. А объясняют ли они, как государство должно использовать всю эту собственность?

Деннис. Думаю, что на бумаге они имели очень хорошую, с их точки зрения, схему, но далеко не легкая задача организовать большую страну со страшно недисциплинированным населением, которое, однако, отличается незаурядными способностями, поскольку дело касается изучения грамоты. Они берут на себя такую работу, контролировать которую они не в состоянии. Они берутся давать человеку приказания и в последний момент обнаруживают, что не в состоянии это делать.

Нельсон. Там больше нет частной собственности?

Деннис. От которой получался бы доход? Нет. У меня был очень интересный разговор с комиссаром банка в Нижнем-Новгороде, у которого были весьма интересные мысли на этот счет. По мнению этого парня необходимо избавиться от денег, которые являются источником всех зол. Он говорил: „Надеюсь, наступит день, когда цыпленок будет стоить 5 000 рублей. Это будет означать, что деньги уже потеряли всякую ценность, и мы тогда от них избавимся. Деньги будут нам не нужны".

Овермэн. Не знаете ли вы Ленина и Троцкого?

Деннис. Лично? Нет, сэр.

Овермэн. Считали ли их ловкими, умными и образованными людьми?

Деннис. Да, сэр; я сказал бы, что они были способные люди и вполне верили, что это единственный путь, ведущий к установлению рая на земле и излечению общественных недугов.

Уолкот. Однако их путь в рай вел, повидимому, через ад?

Деннис. Это был обходный путь.

Нельсон. Вы, повидимому, хорошо осведомлены. Что вам еще известно по интересующему нас вопросу?

Деннис. Не знаю, относится ли это к настоящему допросу или нет, но я очень был заинтересован в том, чтобы установить, сколько человек из числа большевистских комиссаров жили ранее в Америке.

Нельсон. И получили здесь ученые степени?

Деннис. Да.

Нельсон. Где они здесь большей частью жили? В Нью-Иорке?

Деннис. В промышленных центрах. Я встречался в России с некоторыми из них и слушал, как они нападали на Америку, чего я здесь не стерпел бы ни от одного человека, но там я пропускал все мимо ушей, так как был просителем, и, будучи в этом положении, вступать в ссору — значило оказаться в тюрьме.

Овермэн. Итак, эти люди, жившие ранее в Соединенных Штатах, участвовали в большевистском правительстве?

Деннис. По моему мнению, совпадающему с мнением других американцев, англичан и французов, с которыми я беседовал, эти люди проявляли в России наибольшую жестокость и неумолимость в вопросе о расправе с буржуазией.

Овермэн. Знаете ли вы что-нибудь об их попытках перенести пропаганду в нашу страну?

Деннис. Я не могу доказать это перед судом, но имею — весьма определенное подозрение на этот счет, и мне, сэр, известны некоторые факты, определенно на это указывающие.

Нельсон. Сообщите, что вам известно.

Деннис. Полагаю, что имеющаяся у меня информация уже находится в руках правительства, получившего ее из других источников. Но стоит пойти на митинг, как я это сделал в городе Чикаго, чтобы исчезло всякое сомнение в том, что здесь одобряют русские методы и стремятся перенести их в нашу страну.

Нельсон. Много ли людей такого сорта в Чикаго?

Деннис. Первый митинг, который я посетил, происходил в совершенно переполненном зале Чикагского Колизея. Так как все желающие не помещались внутри здания, то одновременно был организован параллельный митинг под открытым небом, и все ораторы должны были дважды произносить свои речи.

Уолкот. Сколько человек вмещает Колизей?

Деннис. Не знаю. Я неоднократно справлялся, но не мог добиться точной цифры. Думаю, что в нем помещается от 6 до 10 тысяч.

Уолкот. На этом многочисленном митинге, на котором вы присутствовали, собрание выражало сочувствие высказываемым идеям или оно состояло большей частью из людей, которые пришли туда просто поглядеть?

Деннис. Там было известное количество наблюдателей, в роде меня, и довольно много правительственных агентов; однако, при первом же упоминании имен Ленина и Троцкого толпа начала аплодировать в продолжение пяти минут.

Нельсон. Заметили ли вы, какого рода была толпа?

Деннис. Это были хорошо одетые, на вид интеллигентные люди, отнюдь не похожие на умирающих с голоду. Я, впрочем, всегда утверждал, что большевизм не сводится к простому требованию хлеба, это— целое мировоззрение, и его необходимо рассматривать именно как таковое.

Там был американский рабочий лет около пятидесяти, который сидел рядом со мною и с которым я беседовал довольно много. Это был хорошо одетый, повидимому квалифицированный рабочий. Мне впервые пришлось разговаривать с такого рода человеком, и я должен сказать, что легче было бы вбить гвоздь в цементную глыбу, чем вдолбить какую-нибудь мысль в голову этого субъекта. Никогда я не видел большей ненависти, чем та, которую питал этот человек к капиталистическому классу.

Уолкот. Он был по национальности американец?

Деннис. Да, сэр.

Нельсон. Встретились ли вы с теми из этих людей, которые, побывав в России, вернулись в Америку и ведут здесь пропаганду?

Деннис. Нет.

Нельсон. Знакомы ли вы с м-ром Вильямсом?

Деннис. Я не знаю ни мистера Вильямса, ни мистера Рида, но читал их книги.

Нельсон. Вы не встречались с ними в России?

Деннис. Оба они покинули Советскую Россию до моего прибытия туда.

Нельсон. Большевики ведут борьбу против религии, — не так ли?

Деннис. Да, сэр.

Нельсон. Проповедуют ли они то, что мы называем „свободной любовью"?

Деннис. Я никогда не слышал официального заявления такого рода. Но большевики как в России, так и в Америке — против религии и очень враждебны Христианской ассоциации молодых людей.

Нельсон. Что они ставили в вину Христианской ассоциации молодых людей?

Деннис. Они заявляют, что она является орудием капитализма.

Овермэн. Что представляет собою обыкновенный крестьянин как семьянин? Любит ли он свою семью?

Деннис. Насколько мне известно, да, сэр. И я сказал бы, что в общем я их очень любил. Я не знаю такого иностранца, который, прожив некоторое время в России, не полюбил бы русского народа и его духовных качеств. Но, конечно, они становятся совершенно другими людьми, когда ими овладевает разнузданный массовый инстинкт.

Овермэн. Висит ли их красный флаг повсюду на общественных зданиях и на улицах?

Деннис. О, да.

Овермэн. Только простой красный флаг и ничего на нем?

Деннис. Иногда на нем были начертаны лозунги, но они менялись. Развал промышленности объясняется, во-первых, неумением добыть сырье, во-вторых недостатком опытных руководителей.

Нельсон. А также нежеланием работать?

Деннис. Русский народ очень любит болтать, а революция открывает ему широкую возможность удовлетворять эту потребность.

Нельсон. Итак, система обречена на гибель по трем причинам: 1) вследствие недостатка сырья, 2) недостатка опытных руководителей и 3) отсутствия у рабочих склонности к упорному труду.

Деннис. Совершенно верно.

Уолкот. Мне передавали об одном эпизоде, и я хочу вам его рассказать, чтобы узнать, известен ли вам подобный же случай, и насколько он соответствует обычным методам большевиков. При выборах в России, — как я слышал, — голосование производится поднятием рук. И вот на одних выборах, в присутствии красногвардейцев, гражданам сказали: „Пусть все, стоящие за такое-то предложение, поднимут руки“. Конечно, большинство голосовало за резолюцию. Затем было предложено: всем несогласным поднять руки. Трое или четверо оказались столь наивными, что голосовали против большевистской резолюции, после чего красногвардейцы схватили их и расстреляли.

Деннис. Фактических данных у меня нет, но это вполне возможно. Почему бы нет?

Уолкот. Вы думаете, что не было бы удивительно, если бы это там действительно произошло при большевистской власти?

Деннис. Разумеется, нет.

Овермэн. Находите ли нужным еще о чем-нибудь спросить этого свидетеля, майор?

Юмс. Думаю, что нет. Мы вам весьма обязаны, сэр.

Показания Роберта Ф. Леонарда.

[Свидетель приводится председателем к присяге.]

Овермэн. Откуда вы?

Леонард. Из Сент-Поля, штата Миннесота.

Овермэн. Давно ли вы вернулись из России?

Леонард. Я покинул Петроград 16 ноября и прибыл в Америку 3 декабря.

Овермэн. Что делали вы в России?

Леонард. Я отправился туда с Христианской ассоциацией молодых людей, чтобы работать среди солдат на театре военных действий; я был с русскими солдатами на фронте, а затем занимал должность вице-консула.

Овермэн. Вы работали на фронте среди солдат, — не так ли?

Леонард. Да, сэр. После революции, от августа до ноября 1917 г.

Овермэн. Наблюдали вы, как большевистская пропаганда распространялась в армии среди солдат?

Леонард. Нельзя было этого не заметить. Солдаты продавали все свои вещи немцам. Они продавали пулеметы по 5 рублей за штуку, они продавали шестидюймовое орудие за бутылку водки и затем отправлялись домой.

Овермэн. Продавали ли они американское военное снаряжение?

Леонард. Да, и вы могли бы видеть там много винчестерского оружия с клеймом „U. M. C".

Уолкот. Это те военные припасы и орудия, которые мы доставляли в Россию?

Леонард. Это военное снаряжение было куплено Россией до нашего вступления в войну, т.-е. оно было приобретено в силу договоров между американскими заводчиками и русским правительством, а не было доставлено нашим правительством.

Уолкот. Это была их собственность?

Леонард. Да это была их собственность.

Уолкот. А не имущество американского правительства?

Леонард. Нет.

Овермэн. Были ли у вас там какие-нибудь ораторы или агитаторы?

Леонард. Они были у нас на киевском фронте. Большая часть пропаганды шла, однако, из прифронтового тыла. Несомненно, было много солдат, братавшихся на фронте, но наиболее убийственная пропаганда велась в тылу.

Нельсон. Среди солдат?

Леонард. Да, сэр.

Нельсон. Кто были люди, занимавшиеся этим делом?

Леонард. Члены большевистской партии.

Нельсон. Находились ли там лица, бывавшие в нашей стране?

Леонард. Да.

Нельсон. Многих ли вы знали из них?

Леонард. Нет, сэр, ни одного.

Юмс. Знаете ли вы, кто они такие, и могли бы вы сообщить комиссии имена некоторых из них?

Леонард. Нет, сэр; и если я все это говорю, то не на основании личного знакомства: я беседовал с некоторыми солдатами, и они мне сказали, что некоторые из этих агентов жили в Нью-Иорке, год или два тому назад.

Нельсон. Где находились вы, когда образовалось правительство Керенского?

Леонард. Я находился в то время в Сибири.

Нельсон. Когда вы прибыли в Россию?

Леонард. Я прибыл в Россию в августе 1917 г.

Нельсон. Это было незадолго до того, как образовалось большевистское правительство Троцкого и Ленина?

Леонард. Да.

Нельсон. Они захватили власть в ноябре?

Леонард. Да.

Нельсон. Где вы тогда находились?

Леонард. Я был вместе с некоторыми армейскими частями недалеко от Киева.

Нельсон. Намеревались ли русские войска воевать с немцами?

Леонард. Нет, сэр; они, фактически, сложили оружие. Крошечный отряд остался на фронте, но там не было военных действий.

Нельсон. Солдаты прекратили сражаться?

Леонард. Да, сэр.

Нельсон. Они сорганизовались, чтобы контролировать назначение офицеров, и взяли это дело в свои руки, не так ли?

Леонард. Да.

Нельсон. И отказывались воевать?

Леонард. Да.

Нельсон. Не было ли это одной из главнейших причин падения правительства Керенского и успеха правительства Ленина и Троцкого?

Леонард. Русские теперь считают, что одной из причин падения правительства Керенского было наступление, которое было предпринято в июне.

Нельсон. Они сначала наступали удачно?

Леонард. Приблизительно в течение одного дня. Однако, наступление велось очень небольшими силами.

Нельсон. Где вы были, когда в ноябре наступил критический момент революции?

Леонард. Я был в 18 часах езды от Киева, в армии.

Нельсон. Какие проявления насилия или анархии вам пришлось наблюдать?

Леонард. Никаких особенных событий там не произошло. Эти войска были более или менее лойяльны и поэтому сохраняли спокой-

ствие; зато в Киеве произошло два настоящих сражения; одно из них имело место в ноябре, другое было, кажется, в феврале.

Нельсон. Что сделали большевики после того, как они захватили власть в городе? Грабили ли они имущество, конфисковали его, распоряжались им по своему усмотрению?

Леонард. Первым их делом было, кажется, наложить на город контрибуцию в 10 000 000 рублей.

Нельсон. Это было первым их делом?

Леонард. Да.

Нельсон. Что еще они сделали?

Леонард. Они повсюду поместили своих агентов и установили контроль над промышленными предприятиями, поставив туда своих комиссаров.

Нельсон. Знакомы ли вы с каким-нибудь из этих комиссаров?

Леонард. Я только несколько раз проезжал через Киев, но никогда не останавливался в нем надолго.

Нельсон. Были ли там люди, получившие высшее образование в Америке?

Леонард. Я не знал таковых в Киеве. Мне не приходилось иметь с ними официальных сношений.

Уолкот. Не можете ли вы объяснить, какое английское слово равнозначуще термину „комиссар"?

Леонард. Такого нет. Этот термин сначала применялся безразлично ко всякому человеку, имевшему поручение от Советского правительства. Если вам поручена какая-нибудь работа, вас называют комиссаром. Недавно они попробовали ограничить это слово, относя его к незначительному кругу лиц, составляющему высший совет. Другими словами, в правительстве они имеют свой совет, состоящий из незначительного числа комиссаров. Однако, эта попытка не имела успеха. Каждый, кому дается какое бы то ни было поручение от правительства, продолжает считаться комиссаром.

Нельсон. Повидимому оно означает то же, что английское слово „commissarioner". Не так ли?

Леонард. Совершенно верно. Они приняли терминологию французской революции и в некоторых случаях применили ее правильно, а в других ее исказили. Например, служащий, заведывающий железнодорожной станцией, называется у нас начальником станции; у них же там два лица: начальник станции, т.-е. железнодорожник, технический служащий, и, кроме того, комиссар, член комитета, член большевистской партии, который поставлен туда, чтобы контролировать начальника станции и следить за тем, чтобы он ничего не совершал во вред партии.

Стерлинг. Является ли Советское правительство старым учреждением?

Леонард. Насколько мне известно — нет. Они пытались во время революции 1905 года установить советы солдат, матросов и рабочих.

Нельсон. Встречались ли вы там с Альбертом Рисом?

Леонард. Нет, сэр.

Нельсон. Вы никогда с ним не встречались?

Леонард. Нет, сэр; я знал, что он там был; но, как я уже говорил, большую часть времени я находился в провинции.

Нельсон. Знаете ли вы что-нибудь о его деятельности?

Леонард. Ничего не знаю, сэр.

Нельсон. Вы много потеряли.

Леонард. Полагаю, что да.

Уолкот. Знаете ли вы что-нибудь об их программе, предусматривающей социализацию женщин?

Леонард. Я был в Самаре в то время, когда сведения об этом появились в газетах, и у меня где-то сохранились их объявления, в которых они опровергали эти сведения. Они утверждают, что это неправда, и что все это было выдвинуто контр-революционными элементами, чтобы их дискредитировать.

Уолкот. Были ли эти объявления расклеены в их зданиях?

Леонард. Мне ничего об этом неизвестно; этих плакатов не было в тех местах, в которых я бывал.

Уолкот. Были ли плакаты единственным, виденным вами подтверждением того предположения, что они имели в виду ввести так называемую социализацию женщин? Был ли это единственный факт, имеющий значение доказательства?

Леонард. Да, единственный отмеченный мною факт. Они стремятся к свободной любви. Они упраздняют брачную церемонию, в некоторых же местах брак заключается на определенный срок.

Уолкот. Вы хотите сказать, что в программу этих вождей входит реформа брачных отношений — установление определенного срока для брачного состояния и введение свободной любви?

Леонард. Да, такова их программа.

Овермэн. Каково ваше мнение о нравственности их мужчин и женщин?

Леонард. У них другие понятия, чем у нас в Америке.

Овермэн. Безнравственны ли они?

Леонард. По своему нравственному складу они напоминают скорее восточные народы.

Нельсон. Этот человек, которого они привлекли в свою шайку, — если не ошибаюсь его зовут Максим Горький, — уже достиг последней степени их безнравственности?

Леонард. Там была большая радость, когда он вернулся в их шайку.

Нельсон. Он достаточно развращен, чтобы заразить всю большевистскую массу.

Леонард. Не думаю, чтобы их нужно было еще заражать.

Овермэн. Но они радовались, когда он вернулся?

Леонард. Да, сэр.

Нельсон. Насколько мне помнится, он некоторое время был здесь, в Нью-Иорке, и с позором покинул Америку, ибо американцам не понравилось, что он привез с собой незаконную жену.

Овермэн. Знаете ли вы что-нибудь о том, что они взяли под свою опеку некоторое количество девушек из института и поместили туда к ним солдат?

Леонард. Я никогда об этом не слышал.

Я хочу сказать, что программа и дух большевистской партии решительно враждебны религии и тому, что мы понимаем под словом home (дом, семья).

Уолкот. Каковы причины их выступления против семьи?

Леонард. Они говорят, что жизнь в семье не может создать благоприятных условий для детей. Их собственный опыт семейной жизни оказался неудачным, и те, которые жили в беднейших кварталах, говорят, что домашняя жизнь ни для кого не создает благоприятных условий; что все должны начинать жизнь в одинаковых условиях; что необходимо отнимать детей от родителей и помещать в правительственные заведения, где все получают одинаковое образование. Они говорят, что семья извращена капитализмом; что истинная любовь несовместима с браком; что брак является в настоящее время системой купли-продажи ради приобретения социального положения и богатства и т. п. И они хотят установить любовь и взять на себя заботу о детях, помещая их в правительственные учебные заведения.

Уолкот. Иными словами, дети не должны воспитываться в семейной обстановке?

Леонард. Совершенно верно.

Уолкот. Если они осуществят свою программу, тогда у будущих мужчин и женщин будут отсутствовать воспоминания о домашнем очаге или домашней жизни совместно с их родителями?

Леонард. Да, они против таких воспоминаний.

Юмс. Их теория гласит, что дети должны быть на попечении государства?

Леонард. Да, сэр.

Нельсон. И они не верят в брак, потому что в него верит капиталистический класс, — не так ли?

Леонард. Да, сэр.

Овермэн. Содействуют ли они разводу?

Леонард. Разводиться очень легко.

Овермэн. Не нужно итти в суд, чтобы получить развод. Мужчина только делает устное или письменное заявление своей жене и говорит: „я развожусь с вами“, — вот и все. Не правда ли?

Леонард. Да, сэр.

Овермэн. Имеет ли женщина также право заявить, что она разводится с мужем?

Леонард. Да, сэр.

Овермэн. Итак, женщины получили там равноправие?

Нельсон. У них теперь то единственное преимущество, что им незачем отправляться в Неваду или в один из западных городов, * чтобы получить развод. Они могут получить его дома.

Леонард. Да. Совершенно верно.

Овермэн. А как обстоит дело с церквами? Посещают ли там церкви?

Леонард. Да, крестьяне все еще посещают церкви. Но церковь конечно, была отделена от государства, и большевики ведут бесконечную пропаганду против священников и духовенства.

Овермэн. Можете ли вы привести какую-либо причину этому?

Леонард. Цель — дискредитировать церковь, в виду того, что церковь была подчинена государству. Она оказывала крайне реакционное влияние и не осуществляла того духовного руководства, в котором нуждался народ.

Уолкот. Я думаю, что они исходят из того психологического расчета, что, если им удастся разрушить веру какого-нибудь народа, этот народ будет приведен в такое состояние, что они легко смогут повести его за собой, куда угодно.

Леонард. Да, именно так. Крестьянин не знал, во имя чего он воевал в этой войне; он воевал лишь потому, что царь говорил ему, что его призывает долг; а царь и церковь были очень тесно связаны, и когда царь был свергнут, большая часть их веры исчезла. Если теперь большевикам удастся дискредитировать церковь, бедный крестьянин будет совершенно беспомощен, ему не за что будет ухватиться.

Уолкот. Он подобен сплавному лесу.

Леонард. Да, сэр.

Уолкот. Они должны двигаться по пути, по которому захотят их двигать вожди.

---

* Законодательство о разводе в разных штатах разное. Поэтому американские граждане, намеревающиеся развестись, обычно отправляются в один из штатов, где эта процедура сопряжена с меньшими хлопотами.

Леонард. Вот именно.

Нельсон. Русская церковь была позвоночным хребтом старого правительства и звеном, связывающим крестьян с правительством. Не было ли это, в значительной степени, так?

Леонард. Да, сэр, в этом много правды.

Нельсон. Во время великого хаоса, воцарившегося после смерти юродивого сына Иоанна Грозного, наступило междуцарствие, длившееся 29 лет, и только через посредство церкви русский народ сплотился и избрал Михаила Романова царем, устранив от власти прежнюю династию, и через церковь им удалось укрепить новое государство. Не думаете ли вы, что и в настоящем положении церковь окажет значительную помощь.

Леонард. Верю и думаю.

Нельсон *(продолжая)* ... в деле объединения и сплочения русского народа против большевистской системы.

Леонард. Если церковь сможет выдержать натиск и дать вождя, который был бы способен объединить Россию.

Нельсон. Помните, во французскую революцию пытались разрушить религию вместе с церковью, но потерпели неудачу: и большевики потерпят неудачу в своей борьбе против русской церкви. Как по-вашему?

Леонард. Таково и мое мнение.

Нельсон. Крестьяне, церковь, казаки и все консервативные элементы сплотятся и в течение шести месяцев прогонят эту большевистскую шайку.

Леонард. Если только им удастся сплотиться. В этом-то и весь вопрос.

ЗАСЕДАНИЕ 14 ФЕВРАЛЯ.

Присутствуют сенаторы: Овермэн (председатель), Кинг, Уолкот, Нельсон, Стерлинг и майор Юмс.

Показания Екатерины Брешковской.

[Свидетельница приведена к присяге председателем.]

Юмс. Когда вы покинули Россию?

Брешковская. Я уехала из России два месяца тому назад.

Юмс. В момент вашего отъезда из России каково было состояние школ в России? Действовали ли они?

Брешковская. У нас не было ни школ, ни учителей, ни карандашей, ни чернил. Даже в Москве мы месяцами не могли добыть чернил. Когда это удавалось, они оказывались очень скверными.

Юмс. Скажите нам, функционируют ли сейчас школы в какой-либо части России?

Брешковская. В прошлом году были школы, но теперь они пусты. Учителя были выгнаны большевиками, а оставшимся нечего было делать, ибо им не доставало ни пособий, ни материалов, чтобы обучать детей. Отсутствовали даже книги. Мои учителя просили меня отправиться в Америку и горячо умолять вас доставить несколько миллионов книг нашим крестьянским детям, ибо у нас не было книг.

Юмс. Когда вы оставили Россию, работали ли еще какие-нибудь фабрики?

Брешковская. Вы, вероятно, читали в ваших газетах и, наверное, узнали от собственных граждан из Красного Креста и Христианской ассоциации в России, что там нет ни одежды, ни пищи, ни товаров. Даже наши кооперативы ничего не продают крестьянам, потому что у нас теперь нет никакой промышленности. Фабрики разрушены; с другой стороны, отсутствует и ввоз, потому что у нас нет транспорта и нет железных дорог.

В течение многих лет мы привыкли видеть в американском народе наших друзей. Вплоть до настоящего времени русский народ симпатизировал американскому народу и не был напуган его интервенцией.

Промышленность совершенно уничтожена, и у нас нет пособий для наших школ. У нас нет машин: нет ни инструментов, ни ножниц, ни ножей, — нет ничего. В Америке сейчас находится много наших купцов, которые прибыли сюда, чтобы приобрести для России какие-нибудь товары, но все равно отсутствуют средства транспорта для их перевозки.

Овермэн. Где ваша родина, сударыня?

Брешковская. Моя родина, сэр, Россия.

Овермэн. Какая часть России?

Брешковская. Вся Россия в целом; у меня нет ни собственного дома, ни семейного очага.

Овермэн. В какой части России вы родились?

Брешковская. Вы, вероятно, знаете, что половину моей жизни я провела в тюрьме и Сибири.

Овермэн. Как долго вы были в тюрьме?

Брешковская. Тридцать два года.

Овермэн. Тридцать два года в тюрьме!

Брешковская. Да, в тюрьме, в ссылке и на каторжных работах. Всего я пробыла в тисках нашего деспотизма около тридцати двух лет. Вот и все.

Овермэн. Сколько же вам теперь лет?

Брешковская. Семьдесят пять.

Уолкот. За что вы были посажены в тюрьму?

Брешковская. За социалистическую пропаганду среди нашего народа. Наши монархи были ужасными деспотами.

Вам вероятно известно, что пятнадцать лет тому назад я была в Америке и обо всем этом рассказала вашим гражданам.

Овермэн. Насколько изменилось положение русского народа со времени вашего первого посещения?

Брешковская. Мы, русские социалисты-революционеры, были так счастливы, когда увидели Россию свободной два года тому назад. Мы надеялись, что став вполне свободными, мы получим, при правительстве Керенского, отличные законы для обеспечения свободы. Мы получили политическую свободу, а также личную и социальную свободу, и мы надеялись, что начнем строить новое русское государство по-новому. Мы это могли сделать, так как власть была в руках народа, и все крестьяне, а также рабочие и солдаты, были единодушны и принимали эти законы. Мы надеялись получить для всех землю, и правительство Керенского неоднократно писало в газетах и объявляло, что народ получит землю, но что нам следует подождать учредительного собрания, которое утвердит все эти новые законы. Итак, я говорю, что в течение шести месяцев русский народ был свободен и имел в своих руках полную возможность обеспечить себе порядок, свободу и землю.

Овермэн. Существует ли у вас теперь свобода?

Брешковская. Вероятно, вы знаете, сэр, что несколько лет тому назад германское правительство послало своих шпионов в Россию и подготовило войну. К числу этих шпионов принадлежали не только немцы, но и многие русские, проживавшие за-границей. Когда наступила революция, принесшая с собой свободу, и Россия была близка к тому, чтобы получить учредительное собрание, из Германии прибыли Ленин и Троцкий с их единомышленниками, и эти предатели России начали свою пропаганду. Вероятно, вы скажете, что это была вина нашего Временного правительства: надо было не принимать их, а заключить в тюрьму! Но не забывайте, что было военное время, и Россия была измучена войной; народ устал от войны, и наши солдаты очень охотно прислушивались к пропаганде, идущей из Германии и от большевиков, прибывших в Россию. Они верили, что немецкие и русские солдаты — братья, и потому им незачем продолжать войну.

Тогда Ленин и Троцкий, с помощью германского золота, наводнили Россию своей пропагандой.

Кроме того, у нас теперь в обращении много миллионов бумажных денег, отпечатанных Лениным и Троцким, и это большое бедствие для России. Все, кто служил нашим тиранам в России, — старый класс бюрократов, жандармы, все люди старого режима — стали большевиками и предприняли широкую кампанию в целях низвержения правительства Керенского в России. После октября 1917 г., когда правительство Керенского было свергнуто, мы, вместе со всеми верными слугами нашего народа, возложили все надежды на наших так называемых союзников. Я лично четырнадцать месяцев тому назад написала письмо американскому послу, мистеру Фрэнсису, изложила ему все что произошло: что у нас нет учредительного собрания, через посредство которого народ мог бы выразить свою волю; что оно было свергнуто большевиками, и что вместо этого мы попали под власть двух жандармов — Ленина и Троцкого. Наш народ сначала, повидимому, поверил, что они принесут некоторую пользу, и повиновался им. Ленин сам говорил: „Наши усилия ни к чему не приведут. После большевиков будет другой царь. Но, по крайней мере, в России после нас останется легенда".

Теперь же все говорят, что Россия совершила ошибку. Я писала вашему посольству в России, что, если бы вы оказали нам поддержку (в виде 50 000 хороших солдат вашей армии), большевики были бы свергнуты. Я не получила ответа.

Тем временем в Сибири и по всей России уголовные преступники были выпущены на свободу, и после Брестского мира у нас в Москве было два всемогущих властелина — Ленин и прусский генерал Мирбах

Последний требовал, чтобы все германские и венгерские военнопленные были собраны и вооружены, в целях образования новых военных частей против России. В то же время он требовал разоружения чехо-словаков, которые пробивались к Владивостоку, чтобы оттуда пробраться во Францию. Мирбах понимал, что наилучшим исходом для этих солдат было бы вернуться во Францию, чтобы сражаться против Германии. Поэтому он отдал приказ разоружить их. Чехо-словаки понимали, что, в случае разоружения они будут считаться военнопленными и будут оставлены в Сибири, и что Мирбах сделает с ними тогда все, что захочет, поэтому эти доблестные солдаты отказались выдать оружие и стали сражаться.

Мы просим вас обо всем. Мы просим вас дать нам бумагу, дать нам ножницы, дать нам спички, дать нам одежду, дать нам кожу для сапог. Мы просим вас обо всем не потому, что мы так бедны, а потому, что все наши богатства скрыты в недрах земли. Промышленность и сельское хозяйство России разрушены. Там вообще нет никакой промышленности. Что нам нужно, это — чтобы в России существовали ремесла, чтобы у нас были школы, чтобы мы могли прясть и вязать и тачать сапоги: ибо мы голы. Мне стыдно сказать, что мы подобны нищим; ибо нам приходится просить всякую мелочь. К сожалению, это так.

Я утверждаю далее, что большевики разрушили и раздробили Россию и развратили русский народ. Они напустили на народ всех преступников, которые были в тюрьмах и на свободе. Эти преступники теперь заодно с большевиками. У них нет ни одного совета, в который бы входили честные люди. Они представляют собой отбросы русского народа.

У меня есть письмо от одного из моих молодых товарищей, который привез свою жену из Петрограда во Владивосток. Везде, где находятся большевики, — нет интеллигентных людей, — нет интеллигенции; вся она либо перебита, либо загнана в подполье: ибо они не только разрушили наши фабрики и заводы, не только разгромили наши школы, но и уничтожили, перебили всю интеллигенцию.

Все крестьяне до такой степени измучены большевизмом, что только и молят: „Ах, если бы пришли какие-нибудь добрые люди и освободили нас!“. Неоднократно мне приходилось говорить им: „Как не стыдно вам просить помощи у посторонних людей, у американцев. Почему вы не поможете себе сами?“ На это был один ответ: „Ох, мы так устали и, притом, мы разоружены“.

Нельсон. Думаете ли вы что Ленин и Троцкий были агентами Германии?

Брешковская. Я не думаю, я уверена в этом.

Нельсон. Думаете ли вы, что они получили германские деньги?

Брешковская. Да. Кроме того печатали бумажные деньги и наводнили ими Россию.

Нельсон. Думаете ли вы, что большевистское правительство Ленина и Троцкого есть тирания, представляющая собой опасность и угрозу для России?

Брешковская. Да, это так. Но оно является не только угрозой, оно фактически уже разрушает Россию. Последняя стоит накануне полного разрушения.

Нельсон. Думаете ли вы, что это правительство губит свободу русского народа?

Брешковская. У нас уже нет свобод в России. Нет ни университетов, ни средних, ни низших школ.

Нельсон. Хуже ли власть Ленина и Троцкого для русского народа, чем даже дурная власть царя?

Брешковская. Что за вопрос, сэр! Я, например, готова страдать двадцать лет, только бы не иметь царя; но простой народ, трудящийся ради куска хлеба, несомненно предпочтет царя Троцкому и Ленину.

Нельсон. Каковы чувства крестьян по отношению к большевистскому правительству? Что вы об этом думаете?

Брешковская. Они все против большевиков. Большевики считают крестьянина буржуем, если у него есть корова, немного семян и картофеля. Только пролетариат, только те, которые ничего не имеют, могут бродить по России и грабить кого захотят.

Стерлинг. Есть ли какая-нибудь возможность для Америки помочь России в промышленном отношении, пока правят большевики?

Брешковская. Пока правят большевики? Пригласите ли вы нас сесть за один стол с преступниками и вести с ними деловые переговоры? Если вся Россия будет разрушена и весь народ расстрелян или повешен, им до этого нет дела. Все, чего они желают, это сидеть и управлять, после того как они развратили наш народ, развратили наших солдат и матросов, развратили наших рабочих.

Стерлинг. И по этому вопросу вы не можете иметь дело или вести переговоры с большевиками?

Брешковская. Разумеется, нет. Они обманывают и убивают всех, в особенности, честных людей. Честные и интеллигентные люди в России истреблены. Я говорю вам, что за голову Керенского они обещали 100 000 рублей, — только за одну его голову.

Нельсон. Есть ли в Европейской России какие-либо советские правительства, не контролируемые большевиками?

Брешковская. Повсюду рождаются, словно пузыри на поверхности воды, советские правительства, возглавляемые разбойниками.

Стерлинг. Имеете ли вы, сударыня, представление, сколько людей было убито большевиками? Был ли произведен какой-либо подсчет?

Брешковская. Говорят, что война против немцев унесла только половину того количества, которое убито теперь. Большевики убили вдвое больше людей, чем погибло во время войны. Бывали случаи, когда они расстреливали тысячи людей одновременно. Всякий мужчина и всякая женщина, которые, по их предположению, против них, расстреливаются или погибают на виселице.

Овермэн. Сколько людей бежало из страны от этого террора?

Брешковская. Все страны наводнены беженцами из России. В любом городе есть беженцы, и мы образовали ряд комитетов для помощи беженцам. Они спасаются из городов совершенно раздетыми.

Уолкот. Известны ли вам какие-либо агенты, распространяющие большевистскую пропаганду в Америке?

Брешковская. Я слыхала о них. Я слыхала, что у вас 3 000 000 русских большевистских эмигрантов. По всей вероятности, их не так много. Но я уверена, что все большевики, все эти преступники, ведущие свою пропаганду в России, будут эту самую пропаганду вести повсюду. Они не хотят работать, но они всегда имеют средства, чтобы вести пропаганду. Здесь, в Америке, ваша демократия хорошенько вооружится против большевизма. Нет сомнения, что у людей еще сохранилось много дурных инстинктов; если кто-нибудь придет к беднякам и начнет играть на этих худших струнах человеческой природы, то они, несомненно, увидят все в очень черном свете. Так было и в России.

У нас нет флота, нет фабрик, нет ружей, нет транспорта. Все то, что мы имели, большевики продали немцам. Таким образом, все наши национальные богатства, наши лучшие произведения искусства и другие ценности перешли к Германии. Все это было послано в Германию, и ничего не оставлено для народа. Спросите кого угодно, служит ли большевистская организация ко благу нашего народа — и никто не ответит на это утвердительно. У нас нет ни школ, ни гимназий, ни университетов, ни фабрик, ни заводов, ни чего-либо другого.

Показания Роджера Э. Симмонса.

[Свидетель приводится к присяге председателем.]

Юмс. Где вы проживаете, м-р Симмонс?

Симмонс. В городе Гагерстоун, штат Мэрилэнд.

Юмс. Имеете ли вы отношение к министерству торговли?

Симмонс. Да, сэр, я — торговый комиссионер.

Юмс. Бывали ли вы в России в течение последних лет?

Симмонс. Я провел там, в общей сложности, восемнадцать месяцев и вернулся только десять дней тому назад.

Юмс. Какой период времени вы провели в России в последний раз?

Симмонс. От июля 1917 г. по ноябрь 1918 г.

Юмс. Опишите пожалуйста условия, которые вам удалось наблюдать в России за это время.

Симмонс. Моей специальной задачей было исследование лесопромышленности и пригодных для эксплуатации лесов в России, в связи с делом восстановления разрушенных областей Европы. По мнению наших лесопромышленников, а также министерства торговли, было необходимо выяснить: откуда можно получить большое количество леса, необходимого для этого дела.

Я прибыл в Сибирь уже после мартовской революции. У власти стоял Керенский. Экономические условия в Западной Сибири были очень хороши по сравнению с тем, что я нашел в Европейской России. Разумеется, в виду мировой войны они не были выше средней нормы. Население жаждало мира.

Я встретился с большевиками в Иркутске. Когда я прибыл туда, вспыхнула большевистская революция, и я сразу мог заметить разницу. Я видел закрытые банки и магазины, бездействующие лесопильные заводы и вообще полный застой экономической жизни.

Это меня затронуло, так как я увидел, что революция непосредственно наносит ущерб, вредит моим исследованиям. Она наводила меня на мысль: а что, если эта революция разрушит данную промышленность, и Россия, этот величайший в мире производитель экспортного леса, выйдет из строя, прекратив поставлять нормальное количество?

Поэтому я начал ближе присматриваться к политическим событиям. Я вскоре убедился, что большевики стремятся установить „самодержавие пролетариата“ согласно излюбленной теории Ленина. Русский пролетариат составляет 95—97 процентов населения, в то время как буржуазные классы, в том числе помещики, интеллигенция (влиятельная, благодаря своей высокой образованности) и капиталисты пред-

ставляют только 3 — 5 процентов. Вы видите отсюда, что в случае установления самодержавия пролетариата, оно представляло бы значительную часть русской нации. Но сам пролетариат состоит из различных классов и элементов.

Из них самый крупный — крестьянство. Деморализованные элементы имелись среди различных групп, так, например, коммиссионеров, клерикальных элементов, среди рядовых представителей многих профессий — священников, зубных врачей, студентов, мелких промышленников, моряков, солдат, промышленных рабочих, рыбаков, мелких арендаторов и т. д. И именно они держали бразды правления в Иркутске.

Уолкот. Они, т.-е. деморализованные элементы?

Симмонс. Да, деморализованные элементы; те, кто в прошлом были бережливы и только благодаря своему легкомыслию впали в бедность.

Когда началась революция, лица, находившиеся у власти, были поставлены лицом к лицу с тремя крупными проблемами: что делать с армией и войной? какого рода правительство сформировать? что делать с земельным вопросом и как остановить экономическое разложение? Вы помните, каково было их решение относительно войны. Ответом был позорный и унизительный Брестский мир.

Нельсон. Они сложили оружие.

Симмонс. Они сложили оружие. Но этим самым они завоевали расположение десяти миллионов жаждавших мира солдат.

На каких началах должно быть организовано правительство? По этому вопросу в течение долгого времени велись споры. Должна ли революция преследовать политические цели, или же она должна носить чисто социальный характер в целях проведения в жизнь великих стремлений и мечты Ленина о „диктатуре пролетариата“. Они выбрали второе, оттеснив политическую революцию на задний план. Советское правительство, состоящее только из большевиков, только из одной части „пролетариата физического труда“, является правительством лишь по названию. На самом деле, это — организация, имеющая целью поощрение социальной революции и ниспровержение всех признанных правил цивилизации и морали. Вы найдете подтверждение этому во всем, что вам, как свидетельство, сообщат побывавшие в России люди, наблюдавшие это движение с объективной точки зрения.

Пропаганда у большевиков организована изумительно. В России они ведут ее с громадным успехом.

Нельсон. Они ведут ее и в нашей стране, — не так ли?

Симмонс. Я не мог этого проверить, джентльмены, но я слышал, что некоторые американцы, виденные мною в Петрограде, покинули Россию, чтобы поехать в Америку в качестве большевистских агентов

и организовать здесь бюро информации или пропаганды, действующее в духе этой политики.

Нельсон. Они приехали сюда, чтобы сеять в нашей стране большевистскую пропаганду?

Симмонс. Да, сэр.

Уолкот. Знаете ли вы некоторых из них?

Симмонс. Я неоднократно встречался с ними в Петрограде.

Уолкот. Знаете ли вы или же знали в Петрограде таких американцев, которые поддерживали тесные сношения с большевистскими вождями и теперь находятся в нашей стране?

Симмонс. Я как раз видел одного из них в Нью-Иорке.

Уолкот. Кто это был?

Симмонс. Альберт Рис Вилльямс.

Уолкот. Знаете ли вы еще каких-нибудь других?

Симмонс. Полагаю, что да, но я не считаю себя в праве утверждать, что они были большевиками. Вильямс, как я слышал, был командирован сюда большевистским правительством для организации информационного бюро.

Уолкот. Вы получили эти сведения в России?

Симмонс. В России, в Петрограде. Мне это было известно из источника, который я считаю заслуживающим доверия.

Нельсон. И вы не сомневаетесь в том, что это правда?

Симмонс. Я вполне в этом уверен и привел бы имя моего осведомителя, если бы он не находился в России и если бы это разоблачение не означало его смерти.

Нельсон. В таком случае продолжайте и расскажите нам подробнее о действиях большевиков, поскольку вы их видели или о них слышали.

Симмонс. Они ходили повсюду и грабили дома и квартиры. Самое худшее было то, что они заставляли квартировладельцев, если последние занимали, скажем, 10 комнат, жить в трех или четырех, и предоставляли другие комнаты рабочим и солдатам, которые прямо невыносимы по своему характеру и образу жизни и поэтому нежелательны как жильцы. Это превращало жизнь хозяев в настоящий ад, чему также способствовала разжигаемая классовая ненависть. В некоторых случаях они доводили беззащитных женщин до того, что последние оставляли свои квартиры из двух или трех комнат и выходили на улицу, не имея места, где преклонить голову. Я не могу вам привести конкретный пример такого рода, но я слышал об этом не раз от представителей американской колонии, которых я хорошо знал и которым я мог верить; рассказывая мне, они нередко приводили и фамилии пострадавших. Люди выгонялись на улицу из домов, которыми они вла-

дели или в которых они жили. В настоящее время большинство буржуа, оставшихся в России, а также лучшие элементы пролетариата, живут в подвалах и скверных кварталах, тогда как лучшие комнаты заняты...

Нельсон. Сбродом?

Симмонс. Большею частью сбродом, а также фанатиками и деморализованными элементами. Они уничтожили всякое право собственности и беззастенчиво заявили: „Вам больше не нужно вносить квартирную плату домовладельцам, потому что ваша квартира принадлежит государству". И, действительно, вся квартирная плата, кроме взимаемой государством, была отменена. Вся собственность, находившаяся в личном владении, была отнята, и бывшие домовладельцы были принуждены вносить квартирную плату государству.

Я хотел бы обратить ваше внимание еще на несколько обстоятельств.

Во-первых, в России мужчины и женщины силой принуждаются к работе, какую бы им ни назначили большевики. Сплошь да рядом люди оказывались совершенно непригодными к той работе, на которую их посылали. Так, например, лица, живущие интеллектуальным трудом — юристы, торговцы, конторщики, школьные преподаватели и т. д., — многие из которых достигли возраста, когда тяжело сгибать спину для физического труда, были принуждены под угрозой пулеметов копать канавы, убирать улицы, выгружать из вагонов лес, уголь, муку и другие тяжелые грузы, перетаскивать и нагружать в вагоны различные материалы, как-то: камень, кирпич и строительный лес. Далее, — хотя я лично и не видел, но слышал об этом не раз, — очень часто этих людей принуждают рыть могилы, предназначенные для их товарищей.

Стерлинг. Слышали ли вы, м-р Симмонс, о таком случае, когда старых людей принуждали рыть могилы для их сыновей, приговоренных к смерти и потом расстрелянных?

Симмонс. Не помню, чтобы я слыхал о таких издевательствах, но я не раз слыхал, что их принуждали рыть могилы для друзей и людей их собственного класса, а нередко и собственные могилы.

Овермэн. Как? Рыть свои собственные могилы?

Симмонс. Да, и я слышал, что вскоре они арестовывались в виду их протеста, или под другим предлогом; их бросали в тюрьму, и они либо умирали там, либо приговаривались к смертной казни. Но, повторяю, все это — слухи, и я лично не видел самого факта.

В соответствии с их экспроприаторской политикой, у них существует организация систематического грабежа, и не мало американцев потеряли деньги по милости воров.

Мне известно это по личному опыту. Я намеревался ехать в Архангельск, и мне нужны были деньги. Я пошел в банк и вышел оттуда

с 14 000 рублей, спрятанных во внутреннем кармане моего платья. Я никогда не носил при себе такую сумму, потому что это небезопасно, но в данном случае мне пришлось отступить от этого правила, так как я прямо из банка должен был отправиться в консульство, куда я был приглашен на завтрак. Как бы то ни было, еще прежде чем я вернулся домой, эти 14 000 находились в руках воров.

Овермэн. Как они получили их?

Симмонс. Я сел в трамвай, крайне переполненный, как и все трамваи в России, потому что они там курсируют в очень небольшом количестве, в виду отсутствия ремонта. Вдруг я почувствовал, что кто-то дергает меня за платье. Обернувшись, я заметил человека в полувоенной форме, пробиравшегося через эту плотную толпу к выходу из вагона. Я побежал за ним, сломя голову. Он юркнул в боковую улицу, шмыгнул в какую-то дверь, поднялся на пару ступеней и бросился в другую дверь. Я боялся войти туда, опасаясь, что дверь захлопнется за мной, и я окажусь в плену.

Нельсон. Так вот куда ушли ваши рублики!

Симмонс. Я должен с сожалением признаться, что это были государственные деньги. Впрочем, я был далеко не единственным, кто пострадал от воров. Кассир международной сельскохозяйственной компании был ограблен четыре раза под ряд за короткий промежуток времени, и это человек, который умеет хранить деньги! Он рассказывает мне, что после каждого грабежа он всячески старался быть крайне внимательным, но ничто не помогало.

Эти кражи и грабежи получили широкое распространение; очевидно, что воры были превосходно организованы и пользовались поддержкой большевистского правительства.

Нельсон. Эта поддержка проявлялась, вероятно, в систематической пропаганде среди Красной гвардии?

Симмонс. Среди Красной гвардии и других сочувствующих организаций.

Наиболее постыдным фактом, джентльмены, является национализация женщин. У меня имеется в переводе два декрета, из которых первый выпущен большевиками города Владимира и опубликован в официальном советском органе — „Известия". В нем написано следующее:

„Каждой девушке, достигшей 18 лет, гарантируется полная неприкосновенность ее личности местным комиссариатом бдительности.

„Каждый, оскорбляющий восемнадцатилетнюю девушку бранными словами или пытающийся ее изнасиловать, судится революционным трибуналом по всей строгости закона.

„Каждый, изнасиловавший девушку, не достигшую 18 лет, рассматривается как государственный преступник и присуждается к 20 годам каторжных работ, если только он не женится на оскорбленной.

„Обесчещенной девушке предоставляется право выйти замуж за насильника.

„Девица, достигшая 18 лет и не вышедшая замуж, объявляется собственностью государства.

„Всякая девушка, достигшая 18 лет и не вышедшая замуж, обязана, под страхом самого сурового наказания, зарегистрироваться в бюро свободной любви при „комиссариате бдительности".

Овермэн. Где находится этот комиссариат?

Симмонс. Этот декрет исходит от владимирских большевиков. *(Продолжает читать):* „Зарегистрировавшись в бюро свободной любви, она имеет право выбрать среди мужчин от 19 до 50 лет мужа-сожителя.

„Примечания: I. Согласия мужчины при названном выборе не требуется.

II. Мужчина, на которого упал подобный выбор, не имеет права заявлять какой бы то ни было протест против такого посягательства".

Стерлинг. Можно подумать, что там свободная любовь не соответствует своему имени.

Симмонс *(продолжает читать):*

„Точно также мужчинам предоставляется право выбора среди девушек, достигших 18 лет.

„Право выбора мужа или жены предоставляется один раз в месяц.

„Бюро свободной любви пользуется автономией.

„Мужчина между 19 и 50 годами имеют право выбирать из числа зарегистрированных женщин, даже без согласия последних, в интересах государства.

„Дети, рождающиеся от этих союзов, становятся собственностью государства".

Далее декрет устанавливает, что подобные же декреты уже изданы в Луге, Колпине и других местах России.

Вот другой декрет, более широкий по замыслу, опубликованный в одном из промышленных центров Поволжья — Саратове *(читает):*

Прокламация анархистов.

„Этот декрет был расклеен по Саратову и в губернии (15 марта 1918 г.). Некоторые лица с их дочерьми были вынуждены покинуть город, хотя власть находится в руках большевиков, и крайне сомнительно, чтобы анархисты могли силою осуществить свою прокламацию.

Декрет.

„Этот декрет объявляется свободной ассоциаций анархистов города Саратова. В согласии с постановлением Кронштадтского совета кре-

стьянских, солдатских и рабочих депутатов, упраздняется частная собственность на женщин.

Стерлинг. Эти, по крайней мере, правильно себя именуют.

Симмонс. Как это?

Стерлинг. Называя себя анархистами.

Симмонс. Да, но не упускайте из вида, что декрет был опубликован также советом солдатских и рабочих депутатов Кронштадта, который, как вам известно, был колыбелью революции.

Стерлинг. Совершенно верно.

Симмонс *(продолжает читать)*:

„Социальное неравенство и церковные браки всегда служили орудием в руках буржуазии, при помощи которого она добилась монополии на все лучшие виды прекрасного, и таким образом препятствовали нормальному продолжению человеческого рода. Столь веские причины побудили настоящую организацию издать нижеследующее постановление:

„1. С 1 марта отменяется право владения женщинами, достигшими возраста от 17 до 32 лет.

„2. Возраст женщин определяется метрическими свидетельствами или паспортами или же показаниями свидетелей; при предъявлении документов, возраст их определяется Черным комитетом, который выносит свое суждение, основываясь на внешних признаках.

„3. Декрет не касается женщин, имеющих не менее пяти детей.

„4. Прежние владельцы могут сохранить право преимущественного пользования.

„5. В случае сопротивления мужа, он теряет право, предоставленное ему предыдущим параграфом.

„6. Все женщины изъемлются из частного владения и объявляются собственностью всей нации.

„7. Распределение национализированных женщин и ведение ими, в соответствии с решением вышеназванной организации, передается в руки Саратовского клуба анархистов. В течение трех дней с момента опубликования сего декрета, все женщины, переданные, в силу декрета в пользование нации, обязаны явиться по данному адресу и сообщить требуемые сведения.

„8. До образования Черного комитета, для осуществления сего декрета, контроль возлагается на самих граждан.

Примечание. Всякий гражданин, заметивший женщину, не подчиняющуюся этому декрету, обязан сообщить об этом Клубу анархистов, дав полный адрес, полное имя и отчество нарушительницы декрета.

„9. Граждане мужского пола имеют право употреблять одну женщину не чаще трех раз в неделю в течение трех часов, соблюдая вышеуказанные правила.

„10. Каждый мужчина, желающий пользоваться частью общественной собственности, должен иметь свидетельство от фабкома, профсоюза или Совета рабочих, солдат и крестьян, удостоверяющее, что он принадлежит к семье трудящихся.

„11. Всякий трудящийся член обязан отчислить от своего заработка 2 процента в фонд общего публичного обеспечения.

„12. Граждане мужского пола, не принадлежащие к рабочему классу, желающие иметь одинаковые с пролетариатом права, должны платить 100 рублей в общественный фонд.

„13. Местное отделение государственного банка обязано приступить к приему взносов для национального производительного фонда.

„14. Все женщины, объявленные в силу этого декрета национальной собственностью, получают из фонда жалованье в размере 238 рублей в месяц.

„15. Все забереневшие женщины освобождаются от своих прямых государственных обязанностей на четыре месяца, а именно: три месяца до родов и один месяц после них.

„16. Родившиеся дети передаются, когда им исполнится один месяц, в детский дом, где они воспитываются и получают образование до 18 лет за счет публичного фонда.

„17. В случае рождения двойни, мать получает премию в 200 рублей.

„18. Все граждане, мужчины и женщины, обязаны заботливо следить за своим здоровьем и еженедельно давать на исследование свою кровь и мочу.

„Примечание. Исследования производится ежедневно в лабораториях Наркомздрава.

„19. Виновные в распространении венерических болезней будут привлекаться к ответственности и строго наказываться.

„20. Женщины, потерявшие свое здоровье, могут обращаться к Совету с ходатайством о пенсии.

„21. Главе анархистов поручается вносить улучшения во временные постановления и проводить технические мероприятия, касающиеся осуществления этого декрета.

„22. Все отказывающиеся признавать и поддерживать этот декрет объявляются саботажниками, врагами народа и контр-анархистами и подлежат строжайшей ответственности.

(Подпись).

Совет города Саратова".

Стерлинг. Велик ли город Саратов?

Симмонс. Он имеет более 100 000 жителей.

Джентльмены! Ясно и без комментариев, что большевистская пропаганда, распространяемая в Америке и пытающаяся оправдать большевизм, не сможет устоять перед напором общественного мнения, когда станут известны эти факты.

Овермэн. Имеете ли вы какие-нибудь сведения, отражающие их отношение к религии?

Симмонс. Как вам, конечно, известно, они отделили церковь от государства, что, по моему мнению, было, вообще говоря, разумным шагом. Я встречал священников, которые не возражали против этой меры. Однако, большевики восстановили против себя церковь и вместе с нею всех тех, кто обладает хоть крупицей морального чувства.

Овермэн. Они не питают уважения к добродетельным женщинам и к религии?

Симмонс. К религии — никакого. Они не могут уважать ее и отказаться от своих методов, о которых вы уже узнали из свидетельских показаний.

Более того, господа, эта большевистская компания создает грозную опасность для религии, — для христианской религии, еврейской религии, для всякой другой религии. Пусть русские, если хотят, проводят национализацию земли, — пожалуйста! Пусть они требуют советской или другой социалистической формы правления — сделайте одолжение! В духе принципа самоопределения предоставим решение всех этих вопросов самому русскому народу. Но когда они хотят силою навязать реформы и установить правительство, которое резко нарушает обычные правовые нормы, моральные законы и вообще все хорошее, тогда я говорю, что это — прямая угроза миру всего мира, и что такое правительство нужно свергнуть.

Итак, в виду такого факта, как национализация женщин, и всех прочих большевистских зверств, необходимо, прежде всего, — как в Америке, так и в других странах, — сообщить народу истину. Истина сама по себе будет разрушать большевистскую пропаганду. Я не могу себе представить какое-либо лицо, независимо от его принадлежности к той или другой политической партии или религии, которое могло бы поддерживать это безнравственное движение в России.

Уолкот. Великолепное средство для людей, сочувствующих большевизму, это — послать их в Россию, чтобы они немного пожили под большевистским режимом.

Симмонс. Они ни за что не согласились бы на это.

Нельсон. Что вы думаете о таком человеке, как Вильямс, который был там, видел вещи собственными глазами и затем возвращается сюда и превозносит большевистский режим?

Симмонс. М-р Вильямс, кажется, вернулся еще до того, как там разразился террор. Не мало есть людей, которые постепенно подпали под власть большевистских теорий; но теории и учения — одно, а практика — другое.

Последний город, который я проехал, уезжая из России, был Архангельск.

Оккупация Архангельска произошла буквально без единого выстрела. Переворот совершился еще до прибытия союзных частей. Их пригласило правительство Чайковского, и Россия встретила их с открытыми объятиями и великой радостью: колокольным звоном, фабричными гудками и т. д.

Позднее, когда вы будете читать о доблестных делах в истории последних лет, вы увидите, что нашими войсками в северной России были совершены величайшие акты героизма.

Нельсон. Это лесистая и болотистая страна, — не правда ли?

Симмонс. Да. И наши войска борются, чтобы защитить эту страну от большевизма, т.-е. от наглого бандитизма, который мы здесь сегодня уже описали. Это, думается мне, безусловно гуманная и законная борьба, столь же законная, как борьба против милитаризма Германии. Я должен подчеркнуть, что американские солдаты в Архангельске, с которыми мне довелось беседовать, все прониклись сознательно этой мыслью. Я был удивлен, возвратившись домой, когда услышал громкие требования об отозвании наших отрядов из северной России. Но, ведь, каждый раз, когда нам приходилось уступить врагу хотя бы один дюйм земли, происходила резня всех мужчин, женщин и детей в снова занятой большевиками области. Отозвать всех солдат в настоящее время — означало бы вызвать величайшую бойню, и кровь эта пала бы на голову Соединенных Штатов и союзников.

Нельсон. Вы знакомы с топографией местности. Далеко ли на юг продвинулись наши части? Они, насколько я понимаю, продвинулись на восток от железной дороги, идущей по долине р. Двины?

Симмонс. Я могу дать вам самый точный ответ, но сомневаюсь, по военным соображениям, следует ли мне это делать. Я хочу, однако, отметить, что наши герои совершили славные подвиги.

Нельсон. Не думаете ли вы, что все русское население симпатизирует оккупантам и готово им помогать?

Симмонс. Несомненно. Русские организовали довольно крупные армейские единицы и выносят большую часть борьбы. Союзники поощряют организацию иноземных отрядов из людей, желающих бороться с большевизмом, и помогают их снаряжать, одевать, питать и обучать.

Овермэн. Наша политика заключается в том, чтобы побудить русских к борьбе?

Симмонс. Мне так кажется. Мы удовлетворяем их нужды и оказываем им необходимую помощь. Конечно, очень трудно приходится американским солдатам в этой холодной стране. Но они хорошо одеты, хорошо питаются, и, когда я уезжал оттуда, 3 ноября, они были весьма бодры духом. Я сообщил об этих фактах на митинге в Мичигане, и один человек, услышавший мой рассказ, сказал: „Господа, раньше я требовал отозвания наших частей из России. Там у меня брат. Но если он сражается против такого движения, то я желаю, чтобы он там еще оставался“.

ЗАСЕДАНИЕ ..... ФЕВРАЛЯ .... *)

Присутствуют: сенаторы Овермэн, Нельсон, Уолкот, Стерлинг и майор Юмс.

Показание ***.

[Свидетель приводится к присяге председателем].

Уолкот. Вы проживаете в городе Нью-Иорке?

***. Да.

Овермэн. Когда вы выехали из России?

***. Я покинул Россию 28 февраля прошлого года, на следующий день после отъезда посольства. Я не был в России во время мартовской революции, а находился на пути из Америки в Россию, когда она вспыхнула. Я в начале мая 1917 г. прибыл в Петроград по Сибирскому пути; таким образом, я жил в России от мая 1917 г. до конца февраля 1918 г.

Я был очень близок к м-ру Фрэнсису и благодаря этому был все время в курсе политики правительства Керенского.

Мое собственное предприятие постепенно разрушалось в течение этого лета. По приезде в Петроград я узнал, что весь штат моей конторы, состоявший приблизительно из 50 человек, забастовал. Они предъявили мне условия, которые делали работу с ними невозможной, несмотря на то, что я всячески старался притти к соглашению. Это было до большевистского переворота, но уже в это время революционное движение и брожение среди рабочих было в разгаре. Исчерпав с ними все разумные доводы, я был вынужден в сентябре рассчитать весь штат и перевести все мое предприятие из Петрограда в Москву, где было гораздо спокойнее. В то время революционный дух не был так сильно выражен в Москве, как в Петрограде.

Что касается политических перемен, то по этому поводу мне остается сказать не так уж много, если не считать одного факта, который, насколько мне известно, еще не был опубликован. В течение нескольких дней после большевистского переворота телефонная станция отве-

* В оригинале дата заседания не указана.

чала только на вызовы, сделанные на немецком языке, что является ярким доказательством германского влияния в Петрограде в этот период.

Нельсон. Много ли немцев было в городе в это время?

*** Там было не мало немцев с самого начала войны. Я не могу утверждать, что там присутствовали официальные представители Германии. Но я знаю, — и этот факт, полагаю, весьма знаменателен, — что во время мирных переговоров в Брест-Литовске в Петроград прибыло 160 — как говорили газеты — германских коммерческих агентов. Для них была отведена специальная гостиница, при чем живших в ней русских выбросили на улицу; в императорской опере был дан для них торжественный спектакль. Эти люди оставались в Петрограде около 15—20 дней, но, когда переговоры приняли затяжной характер и возникли трения, немцы нашли, что их пребывание в Петрограде не так уж приятно и может-быть небезопасно, и сочли за лучшее исчезнуть.

Мы буквально каждую ночь обстреливались красногвардейцами, пытавшимися навести порядок. Солдаты вышли на улицы и начали систематически громить винные погреба и напиваться. Это продолжалось в течение трех недель. Каждую ночь происходили столкновения между безответственными солдатами-громилами и красногвардейцами, выходившими для того, чтобы попробывать восстановить порядок.

Нельсон. Итак, было два элемента: эти громилы, эта чернь, и красногвардейцы?

*** Да, красногвардейцы. У меня несколько более высокое мнение о красногвардейцах, чем у некоторых лиц, высказывавшихся о них. Вплоть до момента моего отъезда они представляли собой довольно серьезную организацию. Состояли они большей частью из неопытных молодых парней с фабрик, совсем не имевших боевого опыта. Их вооружили винтовками и пустили по городу для поддержания порядка. За три недели до большевистского переворота в Петрограде произошли беспорядки, о чем сообщалось и в газетах. Не знаю, сколько было случаев вообще, но я насчитал по газетам 450 случаев грабежей, покушений на жизнь и т. д.

Нельсон. По русским газетам?

*** Да, по русским газетам, и притом только на протяжении двух или трех недель до большевистской революции. Этот факт показывает, как глубоко развратился этот город при правительстве Керенского.

И вот, когда большевики взяли власть, мы ожидали, что немедленно произойдет общая бойня, резня и т. д. Но ничего подобного не случилось. В городе был значительно лучший порядок в течение ближайших трех недель, чем в предшествующие два месяца. Так продолжалось, покуда они были опьянены успехом. Но в Петрограде было

более 400 000 солдат и матросов, которые не подчинялись никакой дисциплине, а маленькие отряды красногвардейцев были совершенно неспособны водворить порядок. И вот постепенно мы были ввергнуты в хаос.

Еще до 1 января мы попали в худший хаос, чем до большевистской революции, и так продолжалось до моего отъезда.

Юмс. Что вы знаете о деятельности полковника Томпсона и Раймонда Робинса и о распределении ими денег?

*** Я был очень близок к ним и потому заранее знал, что вы поставите мне этот вопрос.

Мне было поручено союзными правительствами вести печатную пропаганду в России. Мое назначение было утверждено президентом, который, однако, поставил условием, чтобы без специального его разрешения не производились никакие расходы. Мы ни разу не получили такого разрешения, и к нам никаких денег не поступало до тех пор, пока не прибыл м-р Томпсон. Посол, конечно, пытался достать эти средства, так как он прекрасно понимал, сколь важно было контролировать печать в России. Однако, все его старания были безуспешны: денег он не получил. Когда об этом деле сообщено было полковнику Томпсону, он крайне им заинтересовался и начал пользоваться своим влиянием в Вашингтоне, через Красный Крест, чтобы получить деньги.

Уолкот. Когда прибыл полковник Томпсон?

*** В августе 1917 г. Понимая, какое жизненное значение имел вопрос о выпрямлении русской идеологии, он вместе со мной выработал программу, согласно которой предполагалось тратить на это дело 3 миллиона долларов в месяц, в течение восьми месяцев; но нам нужен был поручитель на 3 миллиона на восемь месяцев. Мы предполагали захватить в свои руки бумажный рынок в России и уничтожить большевистскую прессу. На фронте печаталось очень много листков, которые мы хотели задушить, чтобы создать вместо них ряд газет для солдат и поставить на ноги несколько боевых печатных органов со здоровой идеологией. Это дело мы хотели проводить через комитет, известный под названием Комитета Брешковской. Во главе его стояла г-жа Брешковская, и там вместе с нами работали Чайковский и другие лица, пользовавшиеся значительным авторитетом. После того как полковнику Томпсону не удалось получить денег, он велел перевести из Вашингтона миллион долларов из собственных средств. Эти деньги, кажется, все прошли через мои руки, и я знаю, что они были истрачены на поддержку правительства Керенского через этот комитет Брешковской; руководящим лицом был одно время Чайковский; кроме того, там были представители Северного правительства. При помощи этих денег мы поставили на ноги 17 органов и имели очень хорошую печать в Петрограде. Однако, с помощью этой

печати нам не удалось достигнуть большого влияния на фронте, — наиболее важном пункте. Из Америки мы никаких денег не получали, а миллиона долларов, конечно, не могло хватить надолго для поддержки 17 газет. Полковник Томпсон, насколько мне известно, никаких денег больше на это дело не тратил.

Юмс. Известно ли вам, тратил ли комитет публичной информации какие-нибудь средства?

*** Да. М-ру Сиссону достались первые суммы на печать и информацию, присланные американским правительством. Я не работал с м-ром Сиссоном. Он работал за свой страх и опубликовал немало материала, в том числе речи президента и др. Кроме того, он выпускал ежедневные бюллетени, рассылавшиеся газетам.

М-р Сиссон, однако, вскоре оказался в оппозиции к Раймонду Робинсу и другим лицам; он стал работать самостоятельно и приобрел таинственными путями документы, которые я случайно прочел в оригинале 4 марта. При их чтении у меня не было и тени сомнения, что это — оригиналы.

Нельсон. Почему?

*** Мне хорошо знакомы русские официальные документы, так как мне приходилось иметь с ними дело в течение 18 предшествующих лет, и я не видел основания сомневаться в подлинности этих документов.

Нельсон. Что представляли собой эти документы?

*** То были документы, циркулировавшие между различными ведомствами большевистского правительства и касавшиеся, главным образом, предписаний, данных германцами большевикам и выполненных последними. Я это сообщаю вполне конфинденциально. Некоторые из них касались организации германской слежки за нашим посольством. Я видел там достаточно немцев, чтобы понять, за чем они следили: как раз напротив нашего посольства было окно, за которым все время сидел немец, наблюдая, кто к нам входит и от нас выходит. Все эти документы касаются германских мероприятий и большевистско-германских операций.

Нельсон. Значит существовало сотрудничество между германцами и большевиками, — вернее, их вождями?

*** Да.

Нельсон. Что сделал м-р Сиссон с этими документами?

*** Он понимал, насколько важно было вывезти их из России, но это было очень щекотливой задачей, ибо, попадись он с этими документами, ему никогда бы не выбраться из России. Но он все-таки их вывез. У меня нет сомнения относительно их подлинности, так как в России я имел возможность прочесть все документы в оригинале.

Нельсон. Итак, вывезенные им документы были подлинными?

*** Это, по-моему, одно из наиболее замечательных дел, совершенных нашей секретной службой.

Юмс. Что вы думаете о большевиках или других элементах, которые передали полковнику Томпсону большое количество награбленного добра, собранного им теперь в Стокгольме?

*** Не думаю, чтобы что-нибудь подобное имело место. Я полагаю,—это только мое личное мнение,—что много американских денег было неразумно израсходовано в России. Я не думаю, чтобы это были деньги Красного Креста. У меня не было причин этому верить. Но м-р Томпсон одно время заинтересовался приобретением частных коллекций от людей, которые разорились и были рады получить хоть что-нибудь за свое добро, чтобы только уехать из России.

Овермэн. Приходилось ли вам когда-либо встречаться с царем?

*** Я видел его только, когда он проезжал по улицам. Деловые люди не слишком часто встречались с царем. Я видал много раз его и царскую семью.

Стерлинг. Видели ли вы когда-нибудь этого монаха? *

*** Нет, к сожалению, никогда.

Нельсон. Каковы были, по-вашему, условия работы при царском правительстве?

*** Делать дела было необычайно легко. Жизнь была там чрезвычайно приятна, и я всегда замечал, что суды отличались неподкупной честностью, а это — главное. Там, где суды неподкупны, легко вести дела.

Нельсон. Хорошие ли, по вашему мнению, люди русские крестьяне, живущие „миром“?

*** Они самые мягкие люди на свете, — до тех пор пока не озвереют... По моему опыту, Россия одна из самых приятных для жизни стран во всей Европе. Путешествовать там тоже очень удобно.

Показание Федора Криштофовича.

[Свидетель приводится к присяге председателем].

Юмс. М-р Криштофович, когда вы выехали из России?

Криштофович. Я покинул Россию 15 декабря прошлого года.

Юмс. Где вы проживали в России вплоть до этого времени?

Криштофович. В Петрограде.

* Т.-е. Распутина. (Прим. Перев.).

Юмс. Были ли вы в Петрограде в течение всего периода господства большевиков?

Криштофович. До большевистского переворота я работал в министерстве земледелия, и как только большевики взяли власть в свои руки, я подал в отставку, потому что не мог с ними работать. Они приглашали меня не раз, но я никак не мог с ними сойтись и отошел от своего дела. Я постоянно работал среди крестьян, обучая их земледелию и, главным образом, стремился вводить американские машины, американские методы, американские семена. Конечно, моя работа среди крестьян падала на летнее время. В зимнее время мой труд был, главным образом, литературного свойства: я писал брошюры по сельскому хозяйству.

Я всегда принадлежал, да и теперь принадлежу, к числу небогатых людей. Один из моих друзей как-то задал мне вопрос: „Знаете, г-н Криштофович, почему у вас никогда нет денег и вы их не желаете иметь?“. Я сказал, что мне было бы очень интересно это знать. Он объяснил, что это происходит потому, что я постоянно занимался чужими делами и пренебрегал своими собственными, стараясь помочь другим. В последние шесть лет я жил в Петрограде в очень скромной квартире, в трех маленьких комнатах, почти за пределами города, на его окраине, среди рабочих. Это был большой дом, населенный исключительно рабочими. Таким образом, мои показания будут показаниями человека, знающего крестьян и рабочих.

Овермэн. Вы жили среди рабочих и крестьян?

Криштофович. Да, сэр. Кроме того, я человек, не принадлежащий ни к одной из русских политических партий. М-р Симмонс уже говорил вам, что у нас в России от семи до восьми политических партий. Вероятно, он считает наиболее крупные из них, но мы, русские, насчитываем двадцать пять партий.

Овермэн. Двадцать пять различных политических партий?!

Криштофович. Двадцать пять политических партий.

Юмс. Теперь расскажите, пожалуйста, сами, каковы были условия в Петрограде ко времени вашего отъезда и в предшествовавшие месяцы.

Криштофович. Хорошо, сэр. Конечно, как агроном я, главным образом, интересовался аграрным вопросом, производством пищевых продуктов, их распределением и т. д. Поэтому вы, вероятно, разрешите мне начать с этих вопросов.

Правительство Керенского, так называемое Временное правительство, стало вводить некоторые земельные реформы, которые, с американской точки зрения, были весьма наивны. Оно говорило: „Вы видите эту землю; вся эта земля — ваша. Если перед вами крупный помещик, не считайтесь с тем, что земля его. Берите ее, делите и владейте ею“. Но это было при Керенском.

Когда большевики захватили власть, они начали расширять и углублять эти принципы. Так, Ленин говорил: „Грабь награбленное. Вы, крестьяне, вы, рабочие, ограблены богачами; теперь отнимите у них все, что вы потеряли; берите все, что увидите, и не беспокойтесь о том, что вы делаете“. Я сам был свидетелем того, как рабочие захватывали фабрики, и я читал в газетах и слышал от других, что крестьяне завладели всей землей.

Что касается рабочих, то, после занятия ими фабрик, состояние последних не только не улучшилось, но даже ухудшилось, потому что у рабочих были весьма примитивные понятия о кредите, системе приобретения сырья и т. д.

Когда большевики завладели решительно всем, они предложили передать фабрики и все остальное рабочим и позволили им получать доход от производства. Но у рабочих не было кредита, у них не было денег, у них не было хороших руководителей; а инженеры отказывались работать с ними, потому что люди, поставленные во главе этих фабрик большевистским правительством, не были специалистами. Они отдавали инженерам невыполнимые приказания, а инженеры отвечали, что вести дело невозможно, и бросали его, так как не хотели работать с большевиками. За такие поступки их сажали в тюрьму и т. д. Когда попытка большевиков наладить работу при новых условиях не удалась, рабочие, конечно, стали протестовать, говоря: „Мы не можем поддерживать это правительство, как наше рабочее правительство“. Тогда правительство стало эвакуировать фабрики из Петрограда в другие города, посылало туда машины, направляло сырье и рабочих, с тем чтобы удалить оппозиционные элементы из Петрограда. Большевики хотели, по их выражению, очистить атмосферу от контр-революционеров.

Стерлинг. Вы считаете правительство Керенского виновником этих явлений?

Криштофович. Нет, нет, нет. Я говорю о большевистском правительстве. Правительство Керенского было очень недолговечно, и оно начало то, что продолжали затем большевики. Весьма интересен факт, что, хотя обе партии и социалистические, многие социалисты не признают большевиков социалистами. Они говорят, что большевики не социалисты, а коммунисты. На самом деле, именуя себя коммунистами, они, в действительности, были социалистами и только продолжали то, что начал Керенский.

Стерлинг. И Керенский стал заводить фабрики вне Петрограда?

Криштофович. Нет, нет, нет.

Стерлинг. Я понял, что вы только-что именно так и сказали?

Криштофович. Нет, это дело большевиков. Они вовсе не стре-

мились к тому, чтобы создавать фабрики вне Петрограда, но хотели просто их эвакуировать, чтобы не быть вынужденными уступить рабочим свои петроградские позиции. И фабрики закрывались одна за другой. Чтобы не иметь в Петрограде 100 000 противников большевизма, они рассеяли их по всей северной области России, благодаря чему оппозиционные рабочие перестали представлять собой серьезную опасность для них.

Теперь рабочие, вместо 60 или 70 рублей в месяц, получают 400, 500 и 600 рублей; но, несмотря на это, производительность их труда сократилась в пять — шесть раз. Это очень интересный факт.

Стерлинг. По какой причине? Вследствие сокращения рабочего дня?

Криштофович. Нет, просто потому, что они не желают работать для самих себя. Они — хозяева положения и работают столько, сколько хотят, а работать, как следует, они не желают. Одно время поднимался вопрос о введении системы Тэйлора на русских фабриках, но всякий раз рабочие и слышать об этом не хотели.

То, что я сообщу, не сказка, не инсинуация, а факт. Я видел на Невском проспекте много людей, лежавших на панели и просивших хлеба; но никто не мог дать им больше, чем кусочек, величиною с кончик вашего мизинца. Люди прямо тают на глазах. Их помещают в больницы, но даже там их нечем кормить, потому что больницы получают мало продовольствия. И люди умирают. На улицах не встретишь похоронной процессии. Простая телега с тремя, четырьмя, пятью или шестью гробами, поставленными накрест друг на друга, направляется на кладбище. В последнее время был издан декрет, постановляющий, что мертвые тела являются государственной собственностью, и запрещающий родственникам хоронить своих покойников. Только правительство вправе это делать. Этот декрет был издан в виду того, что большевики не признают религиозных церемоний при погребении. Я был в Петрограде в то время, как был издан этот декрет.

Овермэн. У них совершенно отсутствует похоронный церемониал при погребении?

Криштофович. Да, они его отвергают. По моему мнению, большевистская система содержит в себе три партии. Одна партия может быть названа „сумасшедшими", другая партия, это — обманщики, а третья это — двуногое стадо.

Уолкот. Что такое?

Криштофович. Двуногое стадо.

Уолкот. Двуногое стадо?

Криштофович. Да, сэр. Вы спрашивали мое мнение. Таково мое мнение: двуногое стадо, потому что другие животные имеют четыре ноги и вместе составляют стадо. А у этих две ноги...

Уолкот. Они двуногие звери, я полагаю.

Криштофович. Двуногое стадо. Таково, повторяю, мое мнение.

Юмс. Как они смотрели на вас: как на лицо, принадлежащее к буржуазии, или же они относили вас к какому-нибудь другому классу?

Криштофович. Мое положение было исключительным. Как я вам говорил, я жил в доме, населенном рабочими. По ту сторону улицы было около 60 аров необработанной земли. Жильцы нашего дома хотели превратить ее в огород. Так как я агроном, они предложили мне научить их, как вспахать эту землю, посадить растения и ухаживать за ними. Я согласился и работал с ними на этом огороде, и он принес большой урожай. Поэтому они не смотрели на меня как на буржуа или на капиталиста. Кроме того, они знали, что я жил в очень скромной и скудно меблированной квартире. Вся моя одежда и другие вещи были захвачены в октябре анархистами, и у меня немного осталось.

Кроме того, я был знаком с многими из этих людей, живших в нашем доме, и всякий знал, что я не принадлежу ни к одной политической партии. Когда меня спрашивали, почему я не работаю с большевистской властью, я неизменно отвечал, что мне уже 61 год, что, проработав всю свою жизнь, я утомился и желаю удалиться на покой; но на самом деле я с нетерпением ждал того времени, когда смогу вырваться оттуда — от этих социалистических правительств.

Уолкот. Сколько народа осталось в Петрограде к моменту вашего отъезда? Известны ли вам цифровые данные?

Криштофович. Да, да. Оставалась только одна треть: 1.200.000 жителей вместо 3.000.000, которые были два года тому назад. Эта убыль объясняется тем, что жителям нечего было есть; кроме того, все они терроризованы. Террор не есть выдумка, господа, — действительно он существует. У меня был знакомый инспектор банка, живший в том же доме и в том же этаже, что и я. Однажды в воскресенье после полудня я пришел его навестить. Я оставался у него до девяти часов вечера и затем пожелал ему спокойной ночи. Когда я открыл дверь, чтобы уйти, я увидел семь или восемь красногвардейцев, и бывший с ними секретарь нашего домового комитета велел мне поскорее итти домой, что я и сделал.

Нельсон. Были ли эти красногвардейцы вооружены?

Криштофович. Да, сэр. Этот человек был подвергнут допросу от 9 часов вечера до 2 часов утра и затем был схвачен и посажен в тюрьму. Когда он и его жена осведомились у властей, почему он заключен в тюрьму, им сказали: „Он контр-революционер и противник правительства“, а когда он ссылался на то, что все время работал, они отвечали: „Ладно, вы саботировали; вы не работали так хорошо,

как вам бы следовало это делать", и т. д. Но истинной причины его ареста ему так и не сообщили. В конце концов, он заболел сыпным тиф и был переведен в госпиталь. Какова его дальнейшая судьба, я не знаю. Это не исключительный случай, таких фактов сотни и тысячи. Они происходят ежедневно.

Овермэн. Являлись ли вы в России представителем какого-нибудь американского предприятия? Какое было у вас там дело?

Криштофович. Я уже говорил, что работал в министерстве земледелия... Сперва в России, а затем в течение четырех лет я был представителем министерства земледелия в Сен-Луи.

Стерлинг. Мне бы хотелось поставить вам вопрос, касающийся снабжения топливом. Есть ли у вас в России какие-нибудь угольные копи?

Криштофович. Да сколько угодно.

Стерлинг. Имеются ли у вас такие копи ближе, чем в Баку?

Криштофович. Да, в 70 милях от Петрограда есть угольные копи. Я говорю только о северной России и областях не южнее пятидесяти второй параллели, потому что большевистская власть простирается на юг только до пятьдесят второй параллели. Южнее находится Украина. Я не знаю, какая власть на Украине, так как там также идет борьба, в которой принимает участие поголовно все население.

Овермэн. Воюют днем и ночью по всей стране?

Криштофович. Да сэр; они дерутся, дерутся, дерутся — без конца. Большевики борются против всех других властей, и я уверен, что, возьми другая партия власть в свои руки, она стала бы бороться с остальными.

Вы слышали о преследовании русской интеллигенции. Большевики знают прекрасно, что интеллигентные люди понимали их декреты лучше, чем невежественный народ, и они беспощадно расправляются с этими людьми.

Я упомянул, что у нас в России имеется 25 политических партий и среди них несколько социалистических партий. Две из них уже стояли у власти, — результаты вы видите. Но если бы какая-нибудь партия, в роде меньшевиков, захватила в свои руки правительственную власть, она начала бы борьбу против большевиков и остальных партий; поэтому, по моему мнению, эта непрерывная борьба продлится по крайней мере 20 — 25 лет.

Стерлинг. Не объединятся ли различные партии в России против большевиков, если они встретят необходимое им поощрение и поддержку?

Криштофович. Пожалуй, это возможно. Можно осуществить различные меры вполне мирным путем. Что до меня, то я считаю, что

из-под большевистской системы нужно вынуть две подпорки. Одна из них это денежное обращение, другая — бумага. До последнего времени они выпускали так называемые „керенки“, бумажные деньги Керенского. Почему они выпускали бумажные деньги Керенского, а не свои собственные? Мы должны спросить себя, что такое бумажные деньги? Это билет, который, по предъявлении в казначейство, оплачивается золотом или серебром; он должен быть подписан именем ответственного лица или представителем партии, пользующейся доверием народа. Они отпечатали эти деньги, которые первое время встречали некоторое доверие, но вот за рубежом стали отказываться их принимать, а внутри страны их принимали не очень-то охотно. Тогда большевики решили отказаться от керенок и снова приступить к печатанию николаевских денег. Что это означает? Они берут имя императора Николая и пользуются им для того, чтобы получить кредит. Это — обман, это подделка.

В Финляндии у нас имеется прецедент. На короткое время красные там захватили власть и выпустили свои марки. Однако, когда они были побеждены настоящим правительством, это последнее опубликовало номера и серии денег, выпущенных большевиками, и эти деньги теперь считаются поддельными. Так же следует поступить с большевиками и в России. Все выпущенные ими денежные знаки не должны приниматься ни одним банкиром в мире. Вот первая подпорка, которую можно у них отнять.

Другая, — это бумага. Они ведут замечательную пропаганду, и их пропаганда превосходно организована. В провинцию разослано, вероятно, не менее сотни тысяч брошюр и листовок для распределения среди крестьян и рабочих; и эта литература делает свое убийственное дело. И раньше русская бумажная промышленность не была развита. Россия покупала значительное количество бумаги в Финляндии и Швеции. Теперь финское и шведское правительство, равно как и финский и шведский народ, против большевизма. Но купцы всегда остаются купцами, и купцы бывают повсюду. Они продают бумагу большевикам в Россию, и эта бумага идет на большевистскую пропаганду. Я думаю что Америка достаточно сильна, чтобы лишить большевиков этой бумаги. Думаю, что вмешательство в этом направлении вполне осуществимо. Однако, до сих пор, к сожалению, этот план не был проведен в жизнь.

ЗАСЕДАНИЕ 20 ФЕВРАЛЯ.

Присутствуют сенаторы: Овермэн (председатель), Кинг, Уолкот, Нельсон и Стерлинг.

Показание Луизы Брайент.

Овермэн. Заседание подкомиссии открывается. Допросу подлежит мисс Брайент. Мисс Брайент, верите ли вы в бога и в святость присяги?

Брайент. Конечно, я верю в святость присяги.

Кинг. Верите ли вы, что существует бог?

Брайент. Я думаю, что бог существует, но не в состоянии проверить это.

Нельсон. Верите ли вы в христианскую религию?

Брайент. Конечно, нет. Я нахожу, что все люди могут исповедывать всякую религию, какую бы они ни пожелали, потому что это одна из тех вещей...

Нельсон. Вы, значит, не христианка?

Брайент. Я была крещена в лоне католической религии.

Нельсон. Кто вы теперь? христианка?

Брайент. Полагаю, что так.

Нельсон. Вы не верите в Христа?

Брайент. Я не сказала, что не верю в Христа.

Нельсон. Но верите ли вы в Христа?

Брайент Я верю в учение Христа, сенатор Нельсон.

Овермэн. Верите ли вы в бога?

Брайент. Да, я готова признать, что верю в бога.

Кинг. Это важно,. потому что лицо, не имеющее представления о боге, не имеет никакого понятия о святости присяги, и его присяга была бы лишена всякого значения.

Уолкот. Верите ли вы в наказание на том свете и в воздаяние по заслугам?

Брайент. У меня такое впечатление, будто меня судят за колдовство.

Овермэн. Ничего подобного.

Брайент. Я не слышала, чтобы кого-нибудь из свидетелей подвергли здесь такому испытанию.

Овермэн. Это не испытание. Это обычная судебная процедура, имеющая целью обнаружить, признает ли свидетель святость присяги.

Брайан. Ладно, я готова согласиться, что существует ад.

Уолкот. Я вас об этом не просил.

Брайент. Или что существует загробная жизнь.

[Свидетельница приводится к присяге председателем.]

Овермэн. Теперь я хочу кое-что узнать о положении в России и о сделанных вами там наблюдениях. Ваша фамилия?

Брайент. Я с удовольствием назову вам свою фамилию, фамилии моих предков и все, что́ бы вы ни пожелали. Моя фамилия Рид, урожденная Брайент. В штате Нью-Иорк женщина может пользоваться своим литературным именем, вместо настоящего; этой фамилией я пользовалась в качестве корреспондентки в течение многих лет.

Овермэн. Луиза Брайент. А ваша настоящая фамилия?

Брайент. Рид. Так же, как г-жа Джордж Грэм Кук называлась Сюзанной Гласпель, т.-е. литературным именем, а настоящее имя Марии Хитон Ворс — г-жа О'Брайен.

Овермэн. Если вы захотите отвечать на вопросы так, как мы их вам ставим, мы подвинемся гораздо быстрее.

Брайент. Я знаю, что имею известные права как американская гражданка. Я знаю, что могу ответить на эти вопросы насколько возможно добросовестно, и что ни один предшествующий свидетель не был остановлен. Если же вы будете меня останавливать, это будет пристрастный суд.

Овермэн. Вы не на суде.

Брайент. У меня такое впечатление, будто я присутствую на суде.

Кинг. Вы просили разрешения явиться сюда, и мы можем выслушать вас или нет, в зависимости от нашего желания. Мы поставим вам некоторые вопросы, и вы можете ответить на них, как захотите.

Овермэн. Ваше местожительство Нью-Иорк?

Брайент. Да.

Овермэн. Где вы остановились в Вашингтоне?

Брайент. На некоторое время я остановилась в помещении правления национальной женской партии, а затем переехала в Капитол-Парк-Отель, где нахожусь и сейчас.

Овермэн. Вы были организатором митинга в Вашингтоне?

Брайент. Нет. Меня осыпают вопросами. Всем лицам, приезжающим из России, предлагают больше вопросов, чем они могут ответить, прося рассказать, что им известно о России, потому что народ жаждет

узнать истину о ней. Это был один из множества митингов, на котором я говорила.

Нельсон. Вы сказали, что останавливались в помещении правления национальной женской партии?

Брайент. Да, сэр.

Нельсон. Принадлежали ли вы к этой партии?

Брайент. Не знаю, какое отношение это имеет к положению дел в России, но я, действительно, к ней принадлежала. Я стою за равноправие женщин, как и мужчин, даже в моем собственном отечестве.

Нельсон. Участвовали ли вы в сожжении послания президента?

Брайент. Да.

Овермэн. Участвовали ли вы в сожжении его изображения?

Брайент. Да, и объявила голодовку.

Овермэн. Что вы хотите этим сказать? Вы попали в тюрьму?

Брайент. Я попала в тюрьму и объявила голодовку. Если вы будете сидеть без пищи и ослабеете, власти вас освободят, потому что они не желают, чтобы вы умерли в тюрьме.

Кинг. Где вы проживали до того, как приехали в Нью-Иорк? Вы жили в городе Орегоне, не так-ли?

Брайент. Да, сэр.

Кинг. И были там женой зубного врача?

Брайент. Да, сэр. Я желаю, чтобы вы дали мне возможность рассказать о России.

Кинг. Мы хотим кое-что узнать о характере дающего показания лица, чтобы определить, насколько мы можем доверять его свидетельству. Затем вы вышли замуж за мистера Рида?

Брайент. Да, сэр.

Кинг. И с мистером Ридом вы поехали в Россию?

Брайент. Да.

Кинг. Вы присягнули в государственном департаменте, до отъезда в Россию, что вы там не примете участия в политической пропаганде.

Брайент. Я это сделала и сдержала свое слово.

Кинг. Вы занимались там политической пропагандой.

Брайент. Я не занималась политической пропагандой. Я посылала некоторые донесения полковнику Робинсу.

Кинг. Вы участвовали на большевистских митингах?

Брайент. Пожалуйста, докажите, что я участвовала на большевистских митингах.

Кинг. Вы участвовали на большевистских митингах?

Брайент. Как участвовала? Я делала заметки в качестве репортера.

Кинг. Отвечайте точно на вопрос.

Брайент. Нет, сэр, не участвовала.

Кинг. Вы присутствовали на митингах.

Брайент. Конечно, как все репортеры.

Кинг. А ваш муж и м-р Альберт Рис Вильямс были в штабе большевиков для того, чтобы подготовить пропаганду в пользу...

Брайент. Германской революции.

Кинг. В пользу большевиков?

Брайент. Да, в пользу германской революции.

Уолкот. Ваш муж перед отъездом также присягал, что не примет участия в пропаганде.

Брайент. Мой муж будет допрашиваться в этом заседании. Спросите его сами.

Уолкот. Я спрашиваю, знаете ли вы это?

Брайент. Я хочу, чтобы обратились с этим к мистеру Риду. Мне незачем на это отвечать, и я не отвечу.

Уолкот. Я спрошу вас следующее: принес ли ваш муж в вашем присутствии присягу, знаете ли вы это?

Брайент. Да, он тоже принес присягу. Я хочу объяснить, что полковнику Робинсу очень хотелось, чтобы он * передал некоторые сведения через советы в Германию; Робинс был очень рад, что Рид стал работать в комиссариате иностранных дел.

Уолкот. Значит, ваш муж в России участвовал в советской пропаганде?

Брайент. Мой муж много сделал для подготовки германской революции.

Уолкот. Вы не ответили на мой вопрос.

Брайент. Это ответ на ваш вопрос.

Уолкот. Занимался ли ваш муж, будучи в России, какой-нибудь политической деятельностью?

Брайент. Насколько мне известно—нет, если не считать того, что он работал в ведомстве иностранных дел.

Нельсон. Разрешите мне спросить следующее: был ли ваш муж на службе у большевиков?

Брайент. Да, сэр.

Нельсон. Выполнение каких задач было возложено на него?

Брайент. Он работал в ведомстве пропаганды; я вам покажу, какого рода прокламации там выпускались. Эта пропаганда никогда не была тайной. Например...

Нельсон. Нас это не интересует.

---

* Рид. Прим. Перев.

Брайент. Вас это не интересует?

Нельсон. Да, интересны нам не бумажки, а факты.

Брайент. Это и есть факты. Вы должны признать факты. Вот прокламация, напечатанная на немецком языке, приготовленная для отправки на германские фронты, чтобы побудить...

Нельсон. Не будьте так дерзки. *(Аплодисменты и свистки.)*

Овермэн. Я не допущу больше шума, — иначе мы будем продолжать заседание при закрытых дверях. Я хочу чтобы с этой лэди обращались с уважением.

Брайент. Надеюсь, что вы этого желаете.

Овермэн. Нам нужно получить факты, выслушать ее согласно закону, но я хочу, одновременно, чтобы она...

Брайент. Вы говорите, сенатор Овермэн, что я здесь не на судебном допросе. Я — свободная американская гражданка. Я ожидаю, что со мной будут обращаться так же вежливо, как и с предыдущими свидетелями, но я этого не добилась. *(Аплодисменты.)*

Уолкот. Я прикажу очистить помещение, и никакие дальнейшие показания не будут выслушаны, пока помещение не будет очищено.

Брайент. Всех вон? Я буду давать показания только при открытых дверях. Крайне необходимо, чтобы эти дела стали известны.

Кинг. Здесь будет присутствовать стенограф.

Брайент. Все другие свидетели давали показания при открытых дверях.

Уолкот. Я вношу предложение, чтобы остались представители печати и стенограф, чтобы показания были записаны, чтобы свидетельнице представлена была копия записи, и чтобы всякий желающий из публики мог также получить копию.

Брайент. Могу ли я прокорректировать свою копию?

Уолкот. Публике, упорно продолжающей аплодировать, предлагается оставить помещение.

Овермэн. Я вношу предложение дать свидетельнице высказаться. Останутся стенограф и корреспонденты газет, но публика должна удалиться.

Брайент. Будет ли мне любезно предоставлено право просмотреть мои показания?

Овермэн. Вам это будет разрешено. Вам будут предоставлены те же льготы, что и другим свидетелям.

Брайент. Я прошу, чтобы публике было разрешено остаться.

Овермэн. Я приказываю им покинуть помещение.

Брайент. Ведь я пока что единственный свидетель другой стороны, единственный свидетель, который желал бы, чтобы были налажены дружественные отношения между Россией и Америкой.

Джон Рид. Могу ли я остаться? Я — Джон Рид, муж мисс Брайент.

Овермэн. Да. Ушли ли все, за исключением репортеров? Если здесь присутствует кто-либо, не являющийся репортером, прошу его удалиться.

Кинг. Могу ли я поставить вопрос, находящийся в полной связи с тем, что я спрашивал за минуту до этого. Г-жа Рид, являлись ли ваш муж и Альберт Рис Вильямс членами комитета интернациональной революционной пропаганды, руководимой Борисом Рейнштейном из Буффало?

Брайент. Да, он теперь секретарь Ленина.

Кинг. Секретарь Ленина?

Брайент. Да. В настоящий момент.

Кинг. Он прибыл туда из нашей страны?

Брайент. Да, но он русский.

Кинг. И они работали с другими социалистами, находящимися там и прибывшими из нашей страны?

Брайент. Да, это никогда не было секретом.

Кинг. Так что ваш муж и Альберт Рис Вильямс выступали там в качестве пропагандистов в интересах международной революционной пропаганды?

Брайент. Я бы не сказала, что это совсем точно. Я знаю, что они исполняли эти обязанности, и отметила это в своей книге. Если бы у меня было намерение что-либо скрыть, я бы этого не сделала.

Кинг. Вы сообщили вот что:

„За следующей дверью помещалось только что основанное бюро международной революционной пропаганды, возглавляемое Борисом Рейнштейном из Буффало...“

Брайент. Да.

Кинг *(продолжая читать):*

„...где также работали два американских социалиста, Джон Рид и Альберт Рис Вильямс“.

Брайент. Да.

Кинг. В этом ведомстве был человек, именуемый Радеком?

Брайент. Да, Радек.

Кинг. Который теперь в Германии сидит в тюрьме за свои попытки вызвать там революцию и побудить спартаковцев к убийствам и к разрушению созданной Эбертом формы правления?

Брайент. Я знаю об этом только то, что читала в газетах.

Кинг. Когда прибыл Альберт Рис Вильямс в Соединенные Штаты?

Брайент. Он пробыл здесь очень недолго: месяца два, не более

Кинг. И с тех пор, как он прибыл сюда, он занимался делом пропаганды, — не так ли?

Брайент. Ну, раз вы даете мне отвечать только да и нет, я вам ничего не расскажу.

Овермэн. Я полагаю, что она имеет право давать более подробные объяснения.

Кинг. М-р Вильямс прибыл в Соединенные Штаты после того, как он состоял на службе у революционного большевистского правительства?

Брайент. Да, М-р Вильямс организовал иностранный легион, созданный для борьбы против вторгшихся после Брестского мира германцев. М-р Вильямс вернулся в Америку, чтобы открыть бюро информации о Советском правительстве в целях установления более дружественных взаимоотношений между обеими странами и распространения достоверных сведений о России. Он никогда этого не отрицал.

Кинг. Следовательно, он представитель Советского правительства?

Брайент. Он не представитель, он просто человек, желающий открыть информационное бюро; впрочем, м-р Вильямс об этом вам расскажет лучше меня.

Овермэн. Находится ли он на службе у большевистского правительства?

Брайент. Я не думаю, чтобы он состоял у них на службе.

Овермэн. Вы сказали, что ваш муж был на службе у большевистского правительства?

Брайент. Да.

Овермэн. Состояли ли вы у них на службе?

Брайент. Я никогда у них на службе не состояла.

Овермэн. Какое жалованье получал ваш муж?

Брайент. То же жалованье, которое получали все большевики, в том числе Ленин и Троцкий — 50 долларов в месяц.

Овермэн. Да в придачу то, что им удавалось стянуть на стороне?

Брайент. Нет; они ничего не могли стянуть. Было очень опасно, сенатор Овермэн, „стянуть“ что бы то ни было в России.

Уолкот. Они забирали целые гостиницы и дворцы.

Брайент. К чему вы все это говорите? Ведь вы там не были‘ а я была.

Уолкот. У нас здесь свидетели рассказывали, что они живут в великолепных дворцах и ездят в роскошных автомобилях.

Брайент. Я не знаю никого, кто бы жил во дворцах после того, как большевики взяли власть. Я очень хорошо знала Троцкого, но мне известно, что он жил в крайне скромных условиях.

Овермэн. Может быть вы расскажете нам, каковы условия в России под властью большевиков?

*

Брайент. Буду очень рада это сделать. Я хочу рассказать вам, прежде всего, о так называемой национализации женщин, о которой здесь так много говорилось. Меня лично очень интересовал вопрос о том, какую позицию займут женщины по отношению к революционной власти в России, так как я знала, что русские женщины ссылались в Сибирь не в меньшем числе, чем мужчины, а иногда даже в большем, и что они выделялись своим стремлением к свободе. Поэтому, естественно, мне было очень неприятно, что у нас царит такой сумбур мнений относительно этих декретов, ибо Саратовский декрет...

Овермэн. Не вдавайтесь в эту тему.

Брайент. Я должна подробнее на этом остановиться, так как иначе вам будет непонятно дальнейшее.

Овермэн. Единственное, что мы хотим узнать; правда ли это, или нет.

Брайент. Не может быть, чтобы вы хотели узнать только это ибо все другие свидетели пространно объясняли вам, что это правда.

Овермэн. Они говорили, что такой декрет существовал, и представили его копию.

Брайент. Этот документ исходил от Саратовского клуба анархистов.

Овермэн. Вы утверждаете, что он не был издан большевистским правительством?

Брайент. Нет. Я хочу сказать далее, что анархисты, которые опубликовали подобные декреты и совершали другие провинности того же рода, расстреливались, либо, в лучшем случае, бросались в тюрьму, и наверное никто из присутствующих не пожелал бы им еще более сурового наказания.

Юмс. Являются ли „Известия“ официальным органом Советского правительства?

Брайент. Не все, однако, напечатанное в них, одобряется Советским правительством.

Юмс. Видели ли вы декрет о национализации женщин, опубликованный в „Известиях“? Кем он был подписан?

Брайент. Саратовский декрет ничего не имеет общего с советами.

Юмс. Я не говорю о Саратове, а говорю о декрете, опубликованном в официальном органе — „Известиях“. Видели ли вы этот декрет?

Брайент. Да, но не в „Известиях“.

Юмс. Разве этот декрет не был опубликован с разрешения Советского правительства?

Брайент. Нет. Представьте себе, что американское правительство опубликовало какой-либо документ, указав при этом, что он исхо-

дит от анархистского клуба; разве это означало бы, что правительство Соединенных Штатов одобряет действия этого клуба?

Юмс. Я говорю не об анархистском декрете.

Брайент. Но ведь такого советского декрета вовсе не существовало.

Юмс. Вы заявляете, что „Известия“ не опубликовали декрета, в котором, между прочим, говорилось следующее:

„Девушка, достигшая 18 лет, объявляется собственностью государства. Всякая девушка, достигшая 18 лет и не вышедшая замуж, обязана, под угрозой самого сурового наказания, зарегистрироваться в бюро свободной любви при комиссариате надзора“.

Было ли это напечатано в „Известиях“?

Брайент. Я читала подобный декрет, но не в „Известиях“.

Юмс. Отвечайте точно на вопрос, а потом сможете пояснить. Было ли это опубликовано в „Известиях“?

Брайент. Я хочу сделать разъяснение.

Юмс. Какое разъяснение?

Брайент. Разъяснение заключается в том, что это не был советский декрет и...

Юмс. Имеете ли вы газету, в которой появилось это разъяснение?

Брайент. Нет; но у меня здесь имеется весьма важный отчет, опубликованный совсем недавно главою Христианской ассоциации молодых людей, в котором он сам — я ссылаюсь на м-ра Дэвиса — исследовал все это дело, так как он был в то время в Саратове.

Юмс. Оставьте в покое Саратов.

Брайент. Это относится также и к городу Владимиру. У меня в руках выпущенный Дэвисом отчет, и я уверена, что он знает то, о чем говорит.

Уолкот. Позвольте мне спросить, в каком печатном органе был опубликован отчет этого члена Христианской ассоциации молодых людей?

Брайент. Копия, которая находится в моих руках, опубликована в газете „Нью-Иорк-Колл“.

Стерлинг. Это социалистическая газета?

Брайент. Но Дэвис был главой Христианской ассоциации молодых людей в России, и я полагаю, что отчет был напечатан во многих других газетах, хотя мне об этом не известно.

Юмс. Итак, м-р Дэвис по возвращении в нашу страну защищал Советское правительство и большевистскую власть в России?

Брайент. Очень многие главы ведомств делали, в большей или меньшей степени, то же самое.

Юмс. Поддерживает ли ваш муж непосредственные сношения с большевистским правительством?

Брайент. Нет. Единственное известное мне письмо было отправлено через государственный департамент.

Юмс. Не получил ли он от большевистского правительства назначения на пост генерального консула в Нью-Иорке?

Брайент. Да, получил.

Юмс. Выполнял ли он свои обязанности на этом посту?

Брайент. Нет; он прибыл сюда не в качестве генерального консула.

Юмс. Пытался ли он выполнять обязанности генерального консула, несмотря на то, что не был признан американским правительством?

Брайент. Конечно, нет; генеральным консулом он был вряд ли более четырех дней, ибо еще до вручения им своих паспортов весь план был изменен.

Юмс. Он был намечен большевистским правительством на должность генерального консула в Петрограде, не так ли?

Брайент. Да, это известно всем.

Юмс. Но, принимая от большевистского правительства назначение на этот ответственный пост, он нарушил свое клятвенное обещание, данное им американскому правительству при получении заграничного паспорта.

Брайент. Я думаю, что он принял эту должность с санкции наших должностных лиц в России. Во всяком случае, он сам сможет дать вам надлежащие разъяснения.

Юмс. Видели ли вы когда-нибудь своими глазами убийства на улицах Петрограда?

Брайент. Нет. Я была в Зимнем дворце в день его падения. Я оставалась там весь день с членами правительства Керенского и юнкерами. Они предвидели, что им придется сдаться, и мне хотелось присутствовать при падении дворца. Я хотела посмотреть, во что выльются события, чтобы впоследствии их описать.

Около пяти часов я решила, что никакого штурма не будет, и попросила позволения покинуть дворец. Выходя из дворца, я узнала, что в Смольном происходит грандиозный митинг, и отправилась туда. В то время как мы были на митинге, до нашего слуха донесся грохот артиллерийской стрельбы. Выбежав на улицу, увидя большой грузовик, собиравшийся трогаться с места, мы попросили позволения поехать на нем, что нам было разрешено. Проехав весь Невский проспект и приблизившись к Зимнему дворцу, мы увидели, что он только-что пал; мы вбежали нэ го с первыми частями. Вместе со мной были мисс Бити, м-р Рид и м-р Вильямс.

Юмс. Само собой разумеется, при этом вы видели убитых?

Брайент. Нет.

Юмс. Ни одного убитого?

Брайент. Я не говорю, что никто не был убит, но мне не пришлось своими глазами видеть сцены убийства.

Юмс. Разве большевистская революция и свержение Керенского произошли совсем без кровопролития?

Брайент. Нет. Я говорю, что не видела ни одного убитого. Известное число большевиков пало при взятии Зимнего дворца, но в виду ночной темноты я их не могла разглядеть; юнкеров среди убитых, однако, не было. Я не говорила, что революция была бескровной.

Юмс. Приходилось ли вам быть свидетельницей актов убийства на улицах Петрограда?

Брайент. Да, я видела убийство одного человека. Я шла по улице, когда какой-то головорез выстрелил с крыши и убил прохожего.

Юмс. Это было до или после воцарения большевиков?

Брайент. Это случилось после захвата власти большевиками.

Юмс. И что произошло тогда?

Брайент. Тогда матросы выбежали из дома советов и из других домов с криками „провокатор", так как они поняли, что кто-то пытается вызвать беспорядки. Они бегали по улицам, стараясь отыскать стрелявшего. — Это был единственный виденный мною случай.

Юмс. Единственный?

Брайент. Да, если не считать „винных погромов".

Юмс. Известен ли вам тот факт, что как сейчас, так и во время вашего пребывания там, на улицах Петрограда, ежедневно хладнокровно расстреливают людей?

Брайент. Не знаю, так ли это. Я уверена, что среди лиц, возглавлявших американские официальные организации в России, найдется не менее десяти свидетелей, которые будут показывать противное.

Юмс. Итак, заявления всех этих почтенных людей, дававших здесь свои показания о событиях, которые они действительно видели собственными глазами, являются ложью?

Брайент. Я присутствовала здесь большую часть времени, и я не слышала, чтобы они говорили, что действительно видели такие вещи.

Юмс. Все выступавшие свидетели, как один, показывали, что видали эти вещи собственными глазами.

Брайент. Возможно, что они видели, я же — нет. Не хотите же вы, чтобы я показывала о вещах, которых я не наблюдала?

Юмс. И в течение всего времени вашего пребывания там вы не наблюдали случаев голодной смерти на улицах, когда люди падали мертвыми?

Брайент. Нет, я не видела, чтобы кто-нибудь упал мертвым.

Юмс. И вы жили там до середины января?

Брайент. Да.

Стерлинг. Видели ли вы людей, просящих хлеба, пищи и т. п.?

Брайент. В России всегда имелось много нищих, но, насколько мне известно, их теперь меньше, чем раньше.

Стерлинг. И вы не видали нищих на улице?

Брайент. Очень мало нищих, не больше, чем я вижу здесь, в Соединенных Штатах.

Нельсон. Не потому ли там нет нищих, что они вступили в Красную армию?

Брайент. Если они стары и слабы, то, конечно, они не могут поступить в Красную армию. Она состоит преимущественно из молодых людей.

Овермэн. Видели ли вы там каких-нибудь германских офицеров?

Брайент. Конечно, нет. Я видела некоторых германских военнопленных, которых большевики организовали для борьбы против их собственного правительства.

Стерлинг. И им удалось побудить германских военнопленных, чтобы те сражались против Германии?

Брайент. Да, и их использовали, главным образом, для контрабандной отправки в Германию агитационной литературы, в целях подготовки свержения германского правительства.

Юмс. Когда эти части были организованы, в каких местах они участвовали в боях против Германии?

Брайент. Они боролись вместе с советской армией, они сражались с германцами и оттеснили их обратно к русским границам, как вам должно быть известно. Они продвинулись вплоть до Киева и Риги.

Овермэн. Можете разрешить публике вернуться, если она согласна вести себя спокойно.

[Двери комиссионной комнаты вновь открываются, и подкомиссия продолжает допрос при открытых дверях.]

Овермэн. Какова была цель митинга, который происходил у вас в Поли?

Браейнт. Нашей целью было выразить протест против интервенции в России. Я, как американка, признающая право самоопределения, не могу признавать интервенцию. Я не вижу, как мы можем бороться одновременно за демократию и самоопределение во Франции и против того и другого — в Сибири. Я полагаю, что мы должны отозвать наши части из России, и что в интересах обеих наций было бы восстановление дружеских сношений.

Нельсон. Вы стремитесь к укреплению большевистской власти в России?

Брайент. Я думаю, что решить это должны сами русские.

Нельсон. Я спрашиваю вас, думаете ли вы, что большевики должны оставаться в России?

Брайент. Я уже ответила вам: я признаю право самоопределения.

Нельсон. Желаете ли вы от всей души, чтобы большевистское правительство в его настоящем виде укрепилось в России?

Брайент. Если русские этого хотят, то—да, если же они этого не хотят — нет.

Стерлинг. Не пытается ли Советское правительство утвердиться силою?

Брайент. О, да. Все правительства, включая и наше, поступали так.

Нельсон. Употребляя силу против русского народа, который с ним несогласен?

Брайент. Да, мы также употребляем силу против английского короля и его армии.

Нельсон. А почему бы остальной части русского народа не иметь права выражать свою волю?

Брайент. Почему бы нашим тори не иметь тогда этого права?

Нельсон. Почему большевики прибегают к силе, чтобы разоружить всех и каждого?

Брайент. Таков путь, на котором осуществляются революции.

Нельсон. И это вы называете свободой?

Брайент. Это — неизбежная переходная стадия, пройти которую необходимо при установлении всякого правительства. И нам пришлось ее пройти; нам пришлось разоружить наших тори, и мы даже расстреляли некоторых из них.

Нельсон. Значит, вы ставите на одну доску русских людей, несогласных с большевиками, и американских тори?

Брайент. Я сравниваю русские высшие классы с тори.

Нельсон. Вы думаете, что те, кто несогласен с большевистским правительством и с их царством террора, являются тори и должны быть либо убиты, либо разоружены, либо высланы из страны?

Брайент. Я не говорю, что они должны быть либо убиты, либо разоружены или изгнаны из страны.

Нельсон. Что же вы с ними хотите сделать?

Брайент. Я бы предоставила русскому народу самостоятельно разрешить этот вопрос, точно так же, как они предоставили нам решать его во время нашей гражданской войны.

Нельсон. Вы бы позволили им продолжать убивать друг друга?

Брайент. Я за то, чтобы русские сами решили этот вопрос.

Стерлинг. Мисс Брайент, вам известен, не правда-ли, тот факт, что русские красногвардейцы сплошь да рядом входили в тюрьмы, выводили оттуда людей и, не подвергая суду, расстреливали на месте?

Брайент. Мне не известно это по личным наблюдениям.

Стерлинг. Имеете ли вы полное основание верить, что слышанное вами — правда?

Брайент. Нет. Я этого не думаю, ибо о России рассказывают столько выдумок, что не верится, чтобы это когда-нибудь случилось.

Стерлинг. Вы не придаете веры тем сообщениям, которые были сделаны здесь свидетелями, сидевшими в русских тюрьмах и видевшими, как гвардейцы уводили арестованных на расстрел?

Брайент. Я не сомневаюсь в том, что в России в настоящее время существует террор как красный, так и белый.

Стерлинг. Вы готовы это признать?

Брайент. Да, это естественный ход революции.

Нельсон. Вы сочувствуете красному террору? Вы считаете его своим призванием?

Брайент. Моим призванием? Я вас не понимаю. Моя точка зрения просто такова, что я признаю право самоопределения, и думаю, что русские должны сами разрешить все вопросы.

Нельсон. Самоопределение на острие штыка?

Брайент. Всем государствам приходилось самоопределяться силой штыка. Никогда ни одно правительство не устанавливалось иначе, как после войны.

Нельсон. О, да. Многие из них возникли таким путем. Знакомы ли вы с Лигой Наций? *(Смех.)* Она, как-будто, образовалась без кровопролития.

Брайент. Погибло семнадцать миллионов жизней! А сделала ли она что-нибудь до сих пор?

Нельсон. Разработан широкий план.

Думаете ли вы, что Керенский установил бы честное правительство?

Брайент. Я верю, что он был честный человек, но он не пользовался поддержкой союзников и поэтому пал.

Нельсон. Вы думаете, что он был так же хорош, как и большевики?

Брайент. Как Советское правительство? Нет, ибо он был только терпим русским народом. Это было только временное правительство, терпимое советами. Они не одобрили способа его действий, и они его свергли.

Нельсон. Почему вы называете большевиков временным правительством?

Брайент. Я этого не говорила. Это — политическая партия, подобно демократам, находящимся теперь у власти в Америке.

Нельсон. Это политическая партия? Это не правительство? Советская власть в России, это — хаос?

Брайент. Ничего подобного. Вы не понимаете меня.

Юмс. Настоящее правительство, это — диктатура?

Брайент. Да, как переходная стадия.

Юмс. Неограниченная диктатура?

Брайент. Да, это так называемая диктатура пролетариата. Это власть большинства над меньшинством, диктатура многих.

Юмс. Сколько там, в России, политических партий?

Брайент. Там довольно много политических партий, и все они социалистические, за исключением кадетской. Вы видите, в этом и заключается ошибка, которую там делали, ошибка, которую делает и прибывшая сюда бабушка революции Брешковская. Она отмежевывается от большевиков, но, ведь они социалисты, как и эта женщина. Она сидела в тюрьме именно за то, что она социалистка.

Овермэн. А все же она прибыла сюда и сказала, что народ там умирает с голоду.

Брайент. Не думаю, чтобы она это знала.

Овермэн. И она говорит, что народ молит нас о помощи.

Брайент. Я думаю, что она старая женщина с великим прошлым и жалким настоящим.

Нельсон. Думаете ли вы, что после двадцатилетнего пребывания в Сибири...

Брайент. Думаю, что и я бы свихнулась. В доме на Генристрит, где ожидали Брешковскую все старые лэди, которые знали ее всю жизнь, были очень встревожены за нее, потому что одним из ее первых вопросов было: „Где моя дорогая Эмма?“ — Она подразумевала Эмму Гольдман, с которой она жила, когда раньше была здесь. Ей сказали, что она в тюрьме; тогда Брешковская заявила, что хочет к ней пойти. Ей объяснили, что это очень далеко и видеть ее невозможно. Она была этим крайне подавлена. Когда она говорит с вами, она совершенно не знает, что вы думаете, а вы не знаете, что думает она. Вы друг друга не понимаете, говорите на разных языках.

Овермэн. Я прекрасно понял, что она говорила. Она сказала, что в Петрограде, при большевистском правительстве, люди все печальны, подавлены, просят милостыню и умирают с голоду.

Брайент. Что бы вы сказали, если бы кто-нибудь отсюда отправился в Россию и попросил послать сюда армию?

Овермэн. Вы не очень-то уважаете старую лэди?

Брайент. Я питаю к ней глубокое уважение. Мои слова не означают неуважения.

Уолкот. Вы думаете, что она страдает старческим слабоумием, не так ли?

Брайент. Я думаю, что она не разбирается в событиях. Мне хотелось бы рассказать вам один эпизод с Чичериным, комиссаром иностранных дел. В то время, как Брешковская скрывалась в Москве, туда прибыл из Нью-Иорка один еврейский журналист. Первое, что он сказал Чичерину, было: „Можете ли вы мне указать, где находится Брешковская? В Америке распространяют слухи, будто она убита“. Чичерин ответил: „Она живет в конце улицы, очень недалеко отсюда. Но не говорите, что мы это знаем, чтобы не огорчать старую лэди. Она воображает, что мы хотим ее убить, и будет гораздо спокойнее, если будет предполагать, что мы не знаем, где она живет. Если она захочет покинуть Россию, мы закроем на это глаза“.

Нельсон. Правда ли, миссис Рид, что большевистское правительство или советское правительство делит народ на два класса — капиталистов и пролетариев?

Брайент. Да, сэр.

Нельсон. Капиталистка вы или пролетарка?

Брайент. Поскольку я по профессии газетный репортер и ничего не имею...

Нельсон. Отвечайте на вопрос. Принадлежите ли вы к классу капиталистов или к пролетариату?

Брайент. Я очень бедна, следовательно, принадлежу к пролетариату.

Нельсон. Вы бы не могли выполнить свою миссию, не будучи пролетаркой?

Брайнет. Мне неизвестно, что у меня есть миссия; но если вы хотите мне дать таковую — пожалуйста.

Нельсон. Миссис Рид, я хочу по совести вам сказать, что вы находитесь в более глубоком заблуждении, чем мадам Брешковская.

Брайент. Почему так, сенатор Нельсон?

Нельсон. И мне больно за вас. Но вы молоды и можете исправиться.

ЗАСЕДАНИЕ 21 ФЕВРАЛЯ

Показание Луизы Брайент.

[Продолжение.]

Брайент. Я хочу знать, почему, после моего вчерашнего показания, вы послали м-ру Вильямсу телеграмму следующего содержания, „Не считайте действительной телеграмму от февраля 19. Судебный вызов отменяется“.

И правда ли, что вы также отменили вызов полковника Робинса из боязни, что здесь обнаружится слишком много истины?

Юмс. Насколько мне известно, я не являюсь свидетелем, и эта тема не касается свидетельницы.

Брайент. М-р Вильямс все время служил здесь предметом обсуждения.

Юмс. Мы телеграфировали м-ру Вильямсу, чтобы он приехал, но мы не получили ответа; поэтому я аннулировал посланную ему телеграмму.

Брайент. Он будет здесь в 4 час. 30 мин. вечера.

Я хочу вернуться к вопросу о национализации женщин, которому здесь было уделено столько внимания. Я этим вопросом чрезвычайно интересуюсь.

Прежде всего женщины в России пользуются наравне с мужчинами избирательными правами, и я не могу представить себе, как это можно предполагать, что женщины будут голосовать за свою национализацию.

Во-вторых женщины всегда играли в России очень значительную роль. Я считаю, что русские женщины политически еще более активны, чем русские мужчины.

Женщин принимают на работу наравне с мужчинами, и они получают ту же плату за ту же работу. Они занимают одинаковое место в профсоюзах. Их не отстраняют ни от какой работы. Я никогда не была ни в одной стране, где бы женщины были так свободны, как в России, и где к ним относятся не как к самкам, а как к человеческим существам. Это весьма подходящая страна для иммиграции суф-

фражисток. Когда я была в России, меня спрашивали, сколько женщин у нас заседает в конгрессе и в сенате. Я бы хотела вам рассказать об этом разговоре, если мне будет это позволено.

Стерлинг. Можете.

Брайент. Я рассказала им о Джэнет Рэнкин, единственной женщине в конгрессе, о том, что мы подняли вокруг нее большой шум, и что мы не знаем, будет ли у нас когда-нибудь другая женщина в парламенте. Они были очень удивлены. Они не могли понять, почему, при столь длительном существовании у нас демократии, наши женщины в своем большинстве даже не раскрепощены. Как видите, они во многих отношениях критикуют нас точно так же, как мы их. Но они никогда не доходили до того, чтобы говорить, что все американцы — мормоны только потому, что в Соединенных Штатах существует мормонство. Они прочли наши брачные законы и поняли их, хотя и считают их нелепыми. Мы же, в Соединенных Штатах, выхватили маленький отрывок из одного декрета, напечатанного анархистским клубом, и приняли его за выражение взглядов всей России. Об этом-то я и хотела сказать, потому что я не могу допустить мысли, чтобы кто-либо из этой комиссии был столь наивен, чтобы поверить, что русские женщины национализированы.

Теперь о Владимире. Первые четыре параграфа этого декрета — подлинные, остальное было прибавлено, как сатира, юмористическим журналом „Муха". В этом в России увидели не что иное, как веселую шутку.

Юмс. Являлись ли эти добавления, сделанные юмористическим журналом, материалом такого рода, который мы, в Соединенных Штатах, считаем скабрезным?

Брайент. О, нет, ничего подобного... по крайней мере не в России.

Юмс. Хотите ли вы этим сказать, что содержание этого декрета, после первых четырех параграфов, не имеет скабрезного характера и было бы пропущено цензурой?

Брайент. Я хочу вам сначала объяснить...

Юмс. Точно отвечайте на вопрос, а затем сможете дать какие угодно пояснения.

Брайент. Да, но...

Юмс. Опубликование такого материала было бы разрешено в нашей стране?

Брайент. Нет, не было бы разрешено. Теперь дайте мне разъяснить дело.

Юмс. Позвольте вас спросить, возможно ли представить себе, что уважение к женщинам и к нравственности стоит на столь высоком

уровне, как вы старались нас убедить, раз материалы подобного рода печатаются в юмористических листках, в качестве шутки, и рассматриваются как шутка, а не как серьезное нарушение любого нравственного кодекса любой культурной расы?

Брайент. То же самое было напечатано во Франции, как нечто комическое. Видите ли, русский и французский и все европейские народы не имеют наших пуританских взглядов насчет того, что им следует и чего им не следует печатать. Они считают эти вещи очень забавными. Мы же в Америке не пропустили бы в нашу страну ни единой строчки или рисунка, напечатанных в обыкновенном французском юмористическом иллюстрированном журнале. Мы не признаем таких вещей, а европейские народы считают их очень комичными.

Юмс. В таком случае, нравственный кодекс Америки стоит значительно выше, чем русский?

Брайент. Я бы не сказала, что он выше. Он сильно разнится от русского и не столь гибок. Я бы сказала, что мы более пуритански настроены, чем люди тех стран.

Юмс. Вы полагаете, что русский и французский обычай печатать такие непристойности предпочтительнее нашего нравственного кодекса, не одобряющего таких приемов?

Брайент. Я не говорю, что он предпочтительнее, но, как и в отношении всех европейских дел, я думаю, что не мое, как американки, дело указывать русским и французам, что им не следует печатать в их газетах; поэтому я смотрела на это только глазами нейтрального наблюдателя, не определяя своей точки зрения в том или ином смысле.

Юмс. Считаете ли вы, что мы пуритане, раз мы не одобряем этих вещей?

Брайент. Я думаю, что да, если сопоставить с тем, что другие народы позволяют печатать в газетах. Моя точка зрения относительно России сводится к тому, что мы чрезмерно вмешиваемся в ее дела. Немного еще — мы станем указывать русским, какой костюм им одевать, отправляясь в театр. Мы не позволяем им делать то, чего они желают.

Юмс. Вы одобряете, — неправда ли, — их декреты, так называемые законы, введенные русским правительством?

Брайент. Я сказала вам вчера, что я ни одобряю, ни порицаю их. Моя точка зрения, которую я последовательно защищаю и с которой меня никто не собьет, сводится к тому, что я не признаю интервенции и не признаю за Америкой права вторгаться в Россию и посылать войска для улаживания внутренних дел России.

Юмс. Значит, вы считаете, что России должна быть предоставлена полная свобода самоопределения?

Брайент. Несомненно.

Юмс. Одобряете ли вы, что русское правительство стремится контролировать политическую деятельность других стран?

Брайент. Мне неизвестно о такой деятельности советского правительства.

Уолкот. Позвольте мне сделать одно замечание. Если я вас понял, вы вчера признавали, что они вмешиваются в политические дела других наций, в частности Германии.

Брайент. Вы не отрицаете факта, что они вызвали германскую революцию и этим ускорили окончание войны. Это был один из их приемов борьбы.

Уолкот. Совершенно бесполезно задавать вопросы. Я возвращаю по вашему адресу ту жалобу, которую вы предъявляли нашей комиссии. Вы не даете мне кончить вопроса. Продолжайте ваш рассказ.

Брайент. Один из их приемов борьбы заключался в разложении Германии изнутри. Они делали это, и притом весьма успешно. Любой военный скажет вам, что, если бы этого не было, война продолжалась бы гораздо дольше, чем это было в действительности.

Уолкот. Сомневаюсь, чтобы какой-либо военный это сказал. умаю, что военный сказал бы, что германцы были разбиты на западном фронте, и что именно это и вызвало окончание войны.

Брайент. Но поражение германцев на западном фронте не означало непременно, что кайзеру нужно было отказаться от престола. Военное поражение не всегда означает смену правительства.

Уолкот. Думаю, что означает.

Брайент. Эберт и Шейдеман всегда стояли за кайзера, — так зачем же им понадобилось выступать против него?

Уолкот. Не думаю, чтобы вы и я были призваны обсуждать военные проблемы.

Брайент. Я с вами вполне согласна, сенатор. Вот почему я думаю, что банковским клеркам и секретарям Христианской ассоциации молодых людей или очень старым лэди не следовало бы являться к вам с заявлениями, что нам нужно послать столько-то солдат в Россию, ибо не думаю, чтобы они что-нибудь смыслили в военных делах. Я не позволила бы себе указывать комиссии, сколько полков нужно отправить в Россию, чтобы одолеть большевиков.

Овермэн. Вы против того, чтобы туда отправлялись какие бы то ни было части вообще?

Брайент. Да, разумеется, против этого, потому что народ в России не желает их присутствия там.

Уолкот. Хорошо; вы можете продолжать, мисс Брайент.

Брайент. Я хотела в особенности подчеркнуть один факт: за все время, что я была в России, я ни разу не слышала, чтобы русские обвиняли Америку и говорили, что они ее ненавидят. Наоборот, они, повидимому, питали более дружественные чувства к нам, чем к какой-либо другой нации.

Другой пункт, который я хотела отметить, это — то, что в царстве террора, о котором столько толковали эти люди, за все это бурное время в России не был убит ни один американец. Я имею в виду штатских, — лиц, которые не принимали активного участия в войне.

Уолкот. А все же людей бросали в тюрьму. Американский консул был заключен в тюрьму, где он находится и поныне.

Брайент. Да, потому что они обвиняли его в организации контр-революции, и я думаю, что у них есть серьезные улики против него.

Один из свидетелей сказал, что в числе комиссаров был какой-то американский негр. Это заявление доказывает полное невежество в русских делах. В Петрограде, действительно, жил один американский негр, но он был профессиональным игроком.

Уолкот. Это и есть тот человек, которого они называют проф. Гордон?

Брайент. Я думаю, что это он самый и есть. Впрочем, не знаю. Этот негр был арестован Временным правительством и посажен в тюрьму, потому что они не хотели, чтобы он шлялся повсюду. После того, как советы пришли к власти, они постоянно имели неприятности из-за этого негра; но он не хотел вернуться домой, оставался там и продолжал играть. Тогда они его арестовали, передали в американское консульство и попросили отослать его домой. Он, разумеется, никакого отношения к правительству не имел.

Уолкот. Мне очень интересно узнать, есть ли какие-нибудь факты о России, которые вы хотели бы сообщить в дополнение к тому, что уже рассказали?

Брайент. Нет, мне прибавить нечего. Моя точка зрения заключается в том, что я признаю право самоопределения и не думаю, что русские такие звери и фанатики, какими их пытались изобразить многие из свидетелей.

Юмс. Кто из свидетелей заявлял, что русские звери? Отзывался ли какой-либо свидетель о русском народе иначе, как в самом благожелательном духе?

Брайент. Когда они говорят, что людей убивают тысячами, что людей замаривают голодом, то я склонна рассматривать такие заявления, как нечто равносильное обвинению в зверстве.

Уолкот. Несомненно, некоторое количество было убито.

Брайент. Конечно не мало было убито и в нашу гражданскую войну и во всех гражданских войнах.

После перерыва.

(Заседание происходит под председательством сенатора Уолкота.)

Показания Джона Рида.

[Свидетель отказывается принести присягу и вместо нее дает торжественное обещание. Далее свидетель показывает, что он проживает в Нью-Иорке с 1911 г., до этого времени жил около четырех лет в Базеле, а еще раньше в Орегоне, где и родился; сразу после возникновения мировой войны поехал в Европу в качестве репортера журнала „Metropolitan Magazine", при чем сперва прибыл во Францию в дни битвы на Марне, затем поехал в Германию, где побывал на передовых позициях; оттуда отправился в Англию, опять во Францию, снова в Англию и оттуда, наконец, приблизительно в феврале 1915 г., вернулся в Америку. В марте 1915 г. свидетель вторично отправляется в Европу и на этот раз посещает Италию, Грецию, Сербию, Болгарию, Румынию, Турцию и Россию, в которой провел около двух месяцев, начиная с конца апреля или с мая 1915 г. Вернувшись в Америку, в конце 1915 г., свидетель в третий раз отправился в Европу 17 августа 1917 г. в сопровождении своей жены.]

Юмс. У вас, разумеется, были паспорта для этого путешествия?

Рид. Да.

Юмс. Были ли вами даны кое-какие обещания государственному департаменту при получении этих паспортов?

Рид. Да. Я точно не помню словесной их формулировки, но, насколько помнится, мне предложили дать обещание, что я не буду представлять социалистическую партию на Стокгольмской конференции.

Юмс. Занимались ли вы политической деятельностью в России?

Рид. Да.

Юмс. Участвовали ли вы в политических выступлениях?

Рид. Полагаю, что вы можете назвать это политическими выступлениями.

Юмс. В таком случае вы нарушили присягу, данную вами при получении паспортов, так как вы делали то, что вы, под присягой, обещали не делать.

Рид. Нет, это не верно. Я понимал это обязательство в строго политическом смысле, а не в смысле совершения известной политической работы для Советского правительства против Германии.

Юмс. Вы произносили там речи, не так ли?

Рид. Я произнес всего несколько речей, при чем я выступал не как политический деятель и не как представитель той или иной политической организации.

Юмс. Вы говорили перед третьим съездом советов солдатских и рабочих депутатов — не так ли? Вы, м-р Вильямс, и м-р Рейнштейн также выступали при открытии съезда?

Рид. Да.

Юмс. В каких других политических выступлениях вы там участвовали?

Рид. Я был членом бюро международной революционной пропаганды при комиссариате иностранных дел.

Юмс. Это та самая организация, во главе которой стоял м-р Рейнштейн?

Рид. Да.

Юмс. Сколько времени вы были заняты этим делом?

Рид. Около двух месяцев.

Юмс. Каков был официальный устав этого бюро пропаганды?

Рид. Это был один из отделов комиссариата иностранных дел.

Юмс. Каковы были задачи этой организации: издание газет, агитационной литературы, что-нибудь другое?

Рид. Мы сотрудничали в газетно-издательском деле, и моя работа заключалась в редактировании переводов декретов и постановлений советского правительства на английский язык. Помимо этого, я участвовал в собирании информационного материала и в распределении литературы, предназначенной для посылки в германские окопы.

Юмс. Какое количество газет вы издавали? В каких газетах сотрудничали?

Рид. Я был очень маленьким винтиком в сложной машине. Я получал материал и передавал его по назначению. У меня здесь при себе статья с подробным описанием этого бюро печати, во главе которого стоял Радек. Одна газета выпускалась нами на немецком языке. Она называлась сперва „Fakel“ (факел), а затем „Völker-Friede“ (мир народов) и выпускалась в количестве 500 000 в день. Мы выпускали венгерскую газету, тоже с полумиллионным тиражом, чешскую с тиражом в 250 000 экземпляров, румынскую в 250 000 экземпляров и турецкую — в количестве четверти миллиона экземпляров. Кроме того, мы переводили все декреты и т. д.

Юмс. Вы прибыли в Россию, вероятно, месяца за два до большевистской революции, не так ли?

Рид. Да, около этого, немного больше.

Юмс. Каково было в то время положение дел в России?

Рид. Это было как раз после выступления Корнилова. Корнилов двинул войска на Петроград и пытался установить военную диктатуру. В правительстве Керенского произошел раскол. Половина членов кабинета Керенского сразу стала на сторону Корнилова. Керенский же издал декрет, объявивший Корнилова вне закона, и вооружил граждан, чтобы отразить его наступление. В тот момент, когда Керенский вооружил граждан, случилось нечто такое, чего он не ожидал: револю-

*

ционно-демократические организации поднялись и захватили всю власть. Не прошло и пяти дней, как они вполне подчинили себе Временное правительство. Своей собственной пропагандой и своими собственными организациями они уничтожили корниловскую армию. У меня есть копии прокламаций, которые ими были выпущены. Таким образом, когда Керенский снова пытался вернуть себе руководящую роль, — после того, как демократические организации разбили Корнилова, — было уже слишком поздно, ибо демократические организации доказали, что они сильнее Временного правительства и проявили гораздо большую решимость в борьбе с Корниловым.

Юмс. Я хочу, чтобы вы рассказали о существующих там в настоящее время условиях: что там? мир или гражданская война, террор или анархия или что-либо другое?

Рид. Там была гражданская война. Корнилов шел на Петроград, и, с течением времени, дела правительства Керенского становились все хуже. Затем, когда я прибыл туда, украинское правительство которое, в глазах союзников, очень патриотично, стремилось выторговать себе сепаратный мир с Германией. Винниченко заявил, что, если это ему будет выгодно, он заключит сепаратный мир с Германией; Финляндия же объявила себя независимой. Россия перестала существовать как единое целое. Временное правительство было совершенно бессильно. В его состав входило несколько социалистических министров, которые не скупились на обещания народу. Чернов обещал, что будут проведены некоторые мероприятия, касающиеся аграрного вопроса; но, попав в кабинет, он оказался бессильным, потому что буржуазные министры не хотели действовать с ним заодно. Все, что он смог сделать, после трех месяцев (как раз ко времени моего приезда), это — предложить небольшой законопроект о посылке комиссий по стране в целях производства оценки земель. Однако, эти комиссии были немедленно арестованы землевладельцами и посажены в тюрьму. Землевладельцы не хотели слушать Временное правительство, а возбужденные крестьяне стали сами захватывать землю. Правительство не могло оказать никакого давления на помещиков, но зато могло давить на крестьян: оно послало казаков для водворения порядка.

Юмс. Но ведь конечной целью Временного правительства было обеспечить созыв учредительного собрания, которое приняло бы законы, предусматривающие распределение земли и выполнение социалистических мероприятий, которые предлагал Чернов?

Рид. Да.

Юмс. И он хотел сделать это через учредительное собрание, избранное народом, и народ стал волноваться в виду оттяжки созыва учредительного собрания?

Рид. Совершенно верно. Это одна из причин, почему они стали волноваться.

Юмс. Где вы были во время большевистской революции? Находились ли вы в Петрограде?

Рид. Я был в Петрограде.

Юмс. Опишите, пожалуйста, точно, как происходили события по вашим личным наблюдениям.

Рид. Для этого мне придется немного вернуться назад. Происходившее после корниловского восстания в Петрограде демократическое совещание однажды ночью постановило созвать представительное собрание без участия делегатов от имущих классов. Это был прекрасный демократический шаг.

Юмс. Можете вы указать дату этого факта?

Рид. Это было в середине сентября. Умеренные социалисты поспешили в Зимний дворец. Они говорили, что дела принимают чрезвычайно серьезный оборот, что это поведет к расколу всей России на два лагеря. Керенский заявил, что, если имущие классы не будут допущены, он подаст в отставку. Он сказал, что Россия погибает, и что германцы, повидимому, приступили к высадке десанта. И вот его парламентеры вернулись на демократическое совещание и заявили, что если будет созвано представительное собрание без представительства имущих классов, то правительство падет. Таким путем умеренным социалистам удалось склонить делегатов к голосованию в пользу допущения имущих классов, т.-е., другими словами, людей, поддерживавших Корнилова. Большевики стояли за чисто социалистическое правительство; они заявили протест против вынесенного совещанием решения и созвали на октябрь съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Этот съезд должен был состояться в сентябре, но шайка Керенского— я имею в виду представителей умеренных социалистов — отказалась его созвать. Если бы они могли предупредить созыв съезда, умеренные социалисты никогда бы его не созвали, потому что советы, один за другим, становились большевистскими.

С приближением дня созыва съезда советов против него выступило не только правительство, но и все вожди умеренных социалистов. Вскоре выяснилось, что либо съезд советов, собравшись, объявит, что Временное правительство не представляет народа, и сам возьмет власть в свои руки, после чего Временное правительство подаст в отставку, либо вспыхнет открытая борьба между обоими лагерями. Эта борьба между Временным правительством и советами солдатских и рабочих депутатов фактически уже длилась больше полгода. В России существовало два правительства.

Правительство Керенского, зная, что весь петроградский гарнизон стоит за большевиков, приказало вывести его из города, вопреки

воле солдатских депутатов. Гарнизон отказался покинуть город, не будучи уверен в том, что на смену ему будут присланы части, достаточно надежные в смысле защиты революции. Таким образом, конфликт между Временным правительством и военно-революционным комитетом, представлявшим петроградский гарнизон, сильно обострился и, в конце концов, привел к открытому столкновению; военно-революционный комитет заявил, что он не будет повиноваться Временному правительству, пока он не будет иметь представительства в генеральном штабе. Правительство Керенского, в ночь на 4 ноября, послало генерала в Смольный с сообщением, что оно согласно на такое представительство, но затем, в два часа ночи, генерал Маниковский взял обратно это заявление, исходившее от самого Керенского. В следующую ночь Керенский разослал воинские части, чтобы закрыть большевистские газеты, и отдал приказ об аресте советских вождей. На следующий день, однако, гарнизон выступил на защиту совета. Ночью до сведения Павловского полка, охранявшего генеральный штаб, дошло, что в штабе вырабатывается план окружения Смольного института и разгон советов. Павловский полк решил, что ему следует взять дело в свои руки. Полковой комитет, собравшись, постановил арестовать министров. Их арестовали и привели в Смольный, но собравшиеся там большевики сказали: „Мы не хотим никого арестовывать. Это преждевременно. Нам никто еще ничего не сделал". Они освободили министров, а в 6 часов утра получили окончательные, неоспоримые доказательства, что уже изданы приказы об аресте Ленина, Троцкого и всех остальных большевистских вождей. Тогда они послали отряды гарнизонных войск для занятия всех главных пунктов города. Собравшийся в ту же ночь съезд советов постановил взять в свои руки власть от имени всего народа, подавляющее большинство которого они представляли. В 11 часов ночи Зимний дворец пал под орудийным обстрелом.

Вслед за тем, движение распространилось в почти тождественной форме, почти с тождественными результатами, по всей России, а также по всей Сибири.

Юмс. Было ли пролито много крови и происходили ли крупные беспорядки при падении Зимнего дворца и при захвате власти большевиками?

Рид. Мне известно, что начальник милиции был застрелен при попытке арестовать редакторов большевистских газет. При взятии Зимнего дворца было убито 11 человек со стороны большевиков. Из людей, защищавших дворец, никто убит не был. Юнкеров, защищавших Зимний дворец и арестованных большевиками, последние отпустили. Я видел, как вооруженные красногвардейцы, выводя арестованных юнкеров за ворота, спрашивали их: „Будете ли вы когда-нибудь поды-

мать оружие против восставшего народа?“ Юнкера отвечали: „Нет,“— и им разрешалось беспрепятственно уйти.

Четыре дня спустя эти самые юнкера, защищавшие Зимний дворец, восстали и захватили телефонную станцию, а затем снова были взяты в плен. И на этот раз, благодаря вмешательству Альберта Риса Вильямса, их снова отпустили. Их опять спросили, подымут ли они оружие, и они снова сказали: „нет“, после чего их разоружили и отпустили на волю. Когда с юга пришли казаки Керенского, эти самые юнкера вышли и соединились с ними, после того, как дважды дали слово этого не делать. На этот раз около двадцати из них было убито.

Уолкот. Сколько юнкеров защищало Зимний дворец?

Рид. Около 250. Когда министры были арестованы, их пешком ночью отправили в Петропавловскую крепость. Толпа на улицах трижды пыталась расправиться с ними, но их защитили кронштадтские матросы, и ни один из них не был убит.

Уолкот. Министры Керенского были в Зимнем дворце,— не так ли?

Рид. Да.

Уолкот. Был ли там сам Керенский?

Рид. Нет, Керенский удрал на фронт; рано утром в тот самый день, когда произошли описанные события, он поехал на позиции и попытался поднять армию.

Но есть еще одно обстоятельство, которое необходимо выяснить, потому что на него будут, вероятно, ссылаться не один раз,—я говорю о так называемом изнасиловании женского баталиона, защищавшего Зимний дворец. Я приложил все старания, чтобы это проверить; у меня есть также отчет по этому вопросу анти-большевистской комиссии, которая была послана для производства дознания. Женский баталион находился в Зимнем дворце. Ему предложено было присягнуть на верность Керенскому. Во дворце находились только небольшие силы: около 250 этих женщин и 200 юнкеров. Юнкера заперли женский баталион в задней части дворца, в погребе, чтобы с женщинами ничего не могло случиться. Красногвардейцы, войдя в Зимний дворец, принялись его обыскивать, чтобы выяснить, не спрятаны ли где-нибудь юнкера. Обнаружив местонахождение женского баталиона, они и не подумали причинить ему вред, так как к этому времени первоначальное возбуждение успело улечься. Красногвардейцы долгое время не знали, как им поступить с женщинами. Заставить их выйти из дворца они не могли, так как те опасались, что их собираются убить. В конце концов, красногвардейцы привели одного беспартийного офицера, который не будучи большевиком, считался, однако, честным малым. Он сказал женщинам, что он не большевик и что он позаботится о том, чтобы

с ними поступили корректно. Большинство женщин было отправлено на Финляндский вокзал и оттуда — в Левашово; но многие предпочли остаться в городе, и большевики ходили с ними по городу почти всю ночь, пока, наконец, удалось найти дом, где можно было их разместить. Три недели спустя все женщины были привезены в город, им дали женское платье — и баталион был распущен. Распространились слухи, будто многие из этих женщин были изнасилованы, некоторые выброшены из окон, а четыре покончили с собою. Отчет петроградской думы, которая выступала против большевиков, гласил, что одна женщина была, очевидно, изнасилована, ни одна не была убита, ни одна не была выброшена из окна, и только одна женщина покончила с собой, оставив записку, в которой заявляла, что она разочаровалась в своих идеалах.

Юмс. Теперь, м-р Рид, расскажите нам, каковы были условия в период времени от вашего приезда до революции и позже, впредь до вашего отъезда.

Рид. Последний месяц правления Керенского был отмечен, во-первых, сокращением хлебного пайка с 2 фунтов в день до 1 фунта, затем до полуфунта, до четверти фунта и, наконец, в последнюю неделю хлеб совсем исчез. Грабежи и преступления усилились до таких размеров, что с трудом можно было ходить по улицам. Газеты кишели подобными случаями. Совершенно разложилась не только правительственная, но и муниципальная власть. Городская милиция была совершенно дезорганизована; чистка улиц и все остальное было заброщено. Кооперативное распределение продовольствия — молока и т. д. — расстроилось.

В первые три недели большевистской власти город превосходно охранялся и в нем поддерживался полный порядок. После этого времени на сцену выступили новые факторы, существенно изменившие положение, и одним из них были разгромы винных погребов. Солдаты некоторых полков узнали, что существуют винные погреба, и в казармы были посланы телефонные сообщения и записки с указанием местонахождения этих погребов; в некоторых из этих провокационных записок солдатам предлагалось пойти и забрать вино в указанных местах. Дело в том, что было очень холодно, а солдаты были все время на воздухе, на улицах, сражаясь большую часть времени и т. д. Некоторые из них поддались соблазну и взломали погреба. В течение приблизительно двух недель солдаты по ночам врывались в погреба, пили вино и затем бродили по городу, разряжая ружья в воздух. Они принесли некоторый вред, но он был незначителен.

Юмс. Насколько я вас понял, вы несколько минут тому назад сказали, что после этих первых трех недель были очень небольшие бес-

порядки, и что все успокоилось. Теперь же вы сказали, что солдаты сражались на улицах все время, и, следовательно, им хотелось выпить. Нам желательно получить разъяснение на этот счет.

Рид. Я не говорю о гражданской войне; я говорю о преступлениях, о задержании людей и их расстрелах.

Юмс. Но уличные бои продолжались все время?

Рид. Уличные бои велись не все время.

Юмс. Когда же происходили бои?

Рид. Бои происходили только в следующие дни. Был бой в день падения Зимнего дворца, в пятницу. Борьба возобновилась в следующее воскресенье и понедельник, когда юнкера сделали контр-революционную попытку. Была борьба в следующий четверг ночью и в пятницу утром, когда сообщили, что Керенский находится в четырех милях от города и намерен в него вступить.

Юмс. Соответствовало ли это действительности?

Рид. Нет, но был такой слух. Керенский находился в восьми милях от города.

Юмс. Продолжайте.

Рид. Советы сами прекратили разгромы винных погребов. Они сначала послали кронштадтских матросов и попробовали действовать убеждением. Они придерживались такой тактики около двух недель. Но разгромы винных погребов продолжались. Поэтому советы признали, что следует немедленно что-нибудь предпринять. Центральный исполнительный комитет советов принял постановление о применении силы. Прения продолжались около четырех с половиной часов, по окончании которых были высланы броневики с пулеметами, которые положили конец бесчинствам. После троекратного предупреждения комиссаров солдаты добровольно покидали погреба; иногда комиссары входили туда и разбивали бутылки, выбрасывая их все на улицу, и вино разливалось. Та же участь постигла и погреб Зимнего дворца, стоивший около 4 миллионов долларов. Если солдаты отказывались покидать погреба, их расстреливали.

Юмс. Какие изменения были внесены в систему снабжения населения продовольствием с приходом большевистской власти?

Рид. Правительство Керенского ушло, не оставив, конечно, в городе никаких запасов. Кроме того, советское правительство оказалось перед фактом забастовки чиновников. Забастовали чиновники всех министерств, забастовали банковские служащие, забастовали работники крупных торговых домов. Даже телефонистки прекратили работу в виде протеста против большевиков. Наконец, кооперативные товарищества отказались снабжать город продовольствием, пока не будет свергнуто большевистское правительство.

Большевики подозревали, что спекулянты собрали в городе большие запасы продовольствия, которые продавались по чрезвычайно высоким ценам. Поэтому они начали обходить крупные склады, о которых им было сообщено, и забирали продовольствие, распределяя его среди населения. В течение всего времени моего пребывания в России при Советской власти, там ни разу не было так мало хлеба, как в последнюю неделю или в последние полторы недели правления Керенского. Когда наступил конец октября, нам снова стали давать по $1^1/_2$ фунта (в день), и способ, с помощью которого советы этого достигли, был очень интересен. Видите ли, большевистское правительство не имело возможности пользоваться государственной машиной, потому что она была парализована. Они не могли полагаться на высших чиновников, а только на организованную волю трудящихся. И вот они на 24 дня закрыли Сибирский железнодорожный путь для всего пассажирского железнодорожного движения, забрали 13 поездов, вменили в обязанность фабричным комитетам различных фабрик нагрузить эти поезда предметами, необходимыми крестьянам, и отправили специальные отряды обменять эти предметы на продовльствие, потому что керенки не имели никакой ценности.

Юмс. Где они достали одежду и товары для обмена у крестьян на запасы продовольствия?

Рид. Они получили их от фабричных рабочих.

Юмс. Эти товары были реквизированы?

Рид. Да, они были реквизированы.

Юмс. Были ли фабрики в это время национализированы?

Рид. Очень многие из них были фактически национализированы, так как многие владельцы бежали за 6 — 8 месяцев до этого, и рабочие взяли управление этими заводами в свои руки. Я знал много фабрик, рабочие которых продолжали работать после того, как фабрики были официально закрыты. Владельцы их скрылись за границу.

Юмс. Наблюдали ли вы какие-либо случаи голодной смерти в Петрограде?

Рид. Пищу не так легко было достать.

Юмс. Случаи голодной смерти?

Рид. Я никогда не видел настоящей голодной смерти. Я видел очень голодных людей. В этом не может быть сомнения. Я сам бывал очень голоден.

Юмс. Положение становилось очень тревожным ко времени вашего отъезда?

Рид. Пустяки, по сравнению с последней неделей правления Керенского. К тому же в городе, можно сказать, был такой порядок, как никогда до этого. В то время, действительно, существовала очень

строгая охрана. Конечно, было бы глупо говорить, что в городе тогда не случались преступления.

Юмс. М-р Рид, желаете ли вы еще что-нибудь сообщить относительно тех условий, которые вы наблюдали в Петрограде?

Рид. Я хотел бы кое-что сообщить о способе, которым поддерживают в действии фабрики, потому что, думаю, очень мало людей что-нибудь в этом смыслит.

Весь промышленный механизм в России контролируется так называемым советом рабочего контроля, и этот совет рабочего контроля состоит из делегатов от профсоюзов, определяющих заработную плату, рабочий день и прочие условия труда каждой отрасли производства, и всероссийского совета фабричных комитетов, который осуществляет контроль над производством на фабриках. Я хочу здесь отметить, что в России национализировано 304 предприятия, а все остальные находятся в частных руках, хотя и они полностью подчинены контролю рабочих.

Юмс. Таким образом, не все фабрики национализированы?

Рид. О, нет!

Юмс. Но, воздерживаясь от их национализации, большевики нарушают один из своих основных принципов.

Рид. Советское правительство вовсе не является одним из теоретических построений, которым оно, по мнению многих, должно быть. Правительство в России чрезвычайно практично. Оно великолепно понимает, что капиталиста игнорировать невозможно. Большевики знают, что, если капиталисты не нападают на них с оружием в руках, они сделают это с помощью капитала.

Уолкот. Заключается ли философия их международной политики в том, чтобы попытаться сделать весь мир социалистическим?

Рид. Думаю, что да. Однако, они намерены добиться этого не с помощью вторжения армии, а путем пропаганды своего учения, т.-е. международного социализма.

Уолкот. Лица, облеченные властью советским правительством, поощряют эту пропаганду, — не правда ли?

Рид. Думаю, что поощряют.

Я видел два или три очень интересных примера фабрик, руководимых рабочими, в том числе государственный оружейный завод в Сестрорецке. Мне здесь, пожалуй, не поверят, когда приведу цифры, но их нетрудно проверить. Правда, это был государственный завод при старом режиме, и потому он страдал всякими дефектами, и производительность его была невелика. Так или иначе, но рабочие уменьшили расходы по эксплуатации фабрики на 50 процентов, сократили рабочий день от $11^1/_2$ часов до 8 часов и подняли производительность на

45 процентов. Помимо того, они взяли в свои руки город, провели канализацию, которой раньше не было, построили трехъэтажное школьное здание и госпиталь. Это был образцовый завод, и лица, стоявшие во главе местного совета, имели большой организационный опыт, ибо в числе их были люди, побывавшие в Америке.

Уолкот. Вы говорите, что видели это сами?

Рид. Да.

Юмс. Это предприятие было все время государственным?

Рид. Да; но национализированное государственное предприятие и национализированное частное — одинаковы в смысле управления.

Уолкот. Использовали ли они прежний персонал, когда взяли предприятие в свои руки?

Рид. Это очень любопытный момент. Эти государственные заводы были построены старой властью, и, конечно, когда пал царь, большинство директоров сбежало или было выброшено рабочими, которые их ненавидели. Таким образом, государственные фабрики и заводы в России фактически приступили к проведению системы рабочего контроля на один год раньше, чем частные фабрики. Правительство Керенского было совершенно не способно установить контроль над фабриками. Фактически ими руководили сами рабочие, а отнюдь не министерство труда, торговли и промышленности.

Юмс. Было ли распространено мнение, что при царском режиме многие из чиновников, состоявших на государственной службе, являлись сторонниками Германии и не сочувствовали войне против Германии.

Рид. Да.

Юмс. Не являлась ли неудовлетворительная организация государственного оружейного завода в Сестрорецке одной из причин, значительно содействовавших тому, что русская армия на фронте испытывала недостаток в снаряжении?

Рид. Очень возможно. Но вы должны помнить, что не малую роль сыграла не только неспособность добыть снаряды, но и сокращение производства снарядов, не подходивших, к тому же, к калибру орудий. Это, несомненно, имело место. Суд над генералом Сухомлиновым ясно показал, что царский военный министр велел изготовлять снаряды, не подходящие по калибру к орудиям, и эта система продолжалась на некоторых русских заводах даже при Керенском. Я не хочу сказать, что Керенскому это было известно, но его начальник штаба Корнилов вызвал падение Риги для того, чтобы добиться ликвидации солдатских комитетов.

Юмс. Другими словами, крупные злоупотребления на оружейных заводах не были устранены с приходом к власти Керенского, но продолжались и при нем?

Рид. Это, в общем, правильно, но только не в отношении тех заводов, которые перешли в ведение рабочих.

Уолкот. Ваше доказательство на примере названного завода сводится к тому, что правительственное руководство при царском режиме было менее эффективным, чем советское управление. Но этот частный случай не доказывает преимущества советского управления перед частной промышленностью.

Рид. Этот отдельный случай этого не доказывает. Однако, недавно один американец, член американской железнодорожной комиссии, в интервью засвидетельствовал успешность результатов советского руководства по сравнению с частным.

Юмс. Так вот, м-р Рид, правда ли, что вы в прошлом проповедывали анархизм и были прямо или косвенно связаны с анархистским движением? Не пропагандировали ли вы анархистские учения?

Рид. Не помню, чтобы я это делал. Вообще я не понимаю, что вы имеете в виду, говоря „анархистские учения".

Юмс. Я имею в виду упразднение всякого правительства.

Рид. Нет, никогда. Я решительный противник этого.

Юмс. М-р Рид, сколько времени вы пробыли на передовых позициях в Германии?

Рид. Месяца полтора или два.

Юмс. Правда ли, что во время вашего пребывания в германских окопах, вы, ради развлечения или по другим мотивам, участвовали в стрельбе из германских пулеметов?

Рид. Нет, я никогда не стрелял из германских пулеметов.

Юмс. Разве вы сами не заявляли, что, будучи в германских окопах, вы стреляли из германского пулемета?

Рид. Нет, я никогда этого не заявлял. Я подвергся всяческим преследованиям за эту предполагаемую стрельбу по французским окопам. Я неоднократно опровергал это измышление в „Нью-Иорк Геральде" и в других газетах. Думаю, лучше будет, если я расскажу, как происходило дело. В Германии я встретился с корреспондентом от „Нью-Иорк Ивнинг-Пост", Робертом Денном. Мы вместе отправились в германские окопы. Мы вошли в них ночью, когда никаких боевых действий не происходило. За передовыми окопами, на второй линии, бывший с нами немецкий офицер взял у солдата ружье и сказал: „Хотите посмотреть, как оно действует?" Мне никогда не приходило в голову стрелять по кому бы то ни было. Я абсолютный противник такого рода вещей. Кроме того, я жил во Франции и более симпатизирую французам, чем любому другому народу, за исключением собственного. Денн написал статью в „Ивнинг-Пост", в которой он назвал меня и себя вольными стрелками в окопах. В этой статье он рассказывает,

что он не брал в руки предложенного германским офицером ружья до тех пор, пока из него не выстрелил я, пацифист (что, между прочим, тоже неправда). На самом деле, никто из нас не стрелял. Не знаю, сколько раз нужно это опровергать, но я готов и впредь выступать с опровержениями.

Юмс. Итак, это одна из обычных „потрясающих" историй военных корреспондентов, представляющая сплошной вымысел?

Рид. Чистый вымысел, поскольку это касается меня.

Юмс. Стали ли бы вы способствовать, в отношении нашей страны, национализации промышленности и земли посредством прямого действия, по методу советского правительства в России?

Рид. Я бы способствовал национализации промышленности и земли, но вопрос о методе — это лишь вопрос о том, возможно ли вообще это сделать каким-либо путем. Я никогда не думал, что это может быть проведено совсем мирным путем. Я придерживаюсь мнения, что, если большинство народа в нашей стране этого желает, то оно добьется своей цели.

Уолкот. Я тоже думаю, что они этого добьются легально, конституционными методами.

Рид. Любым способом, который будет для этого пригоден.

Уолкот. Если национализация не проводится конституционным путем, это доказывает, что большинство ее не желает.

Рид. Может быть — да, а может быть и нет.

Уолкот. Вы думаете, что это не так?

Рид. Я не уверен, что, когда эти реформы назреют, наше правительство окажется достаточно податливым, чтобы допустить их проведение.

Уолкот. Но чтобы не допустить осуществления воли большинства, нам пришлось бы изменить нашу конституцию.

Рид. Однако, мы не потрудились изменить нашу конституцю, когда посылали войска в Россию без объявления войны?

Уолкот. Мы имеем на это право.

Рид. Мы не отменили и того параграфа конституции, который гласит, что нельзя ограничивать и аннулировать свободу слова; а все же она ограничена и аннулирована.

Уолкот. Я не знаю, где это имеет место. Если вы подразумеваете под свободой слова право проповедывать насилие и поджоги, она должна быть аннулирована,

Уолкот. Проповедывали ли вы, при ваших поездках по стране, национализацию промышленности и земли по примеру советов?

Рид. Нет. Я убежден в том, что национализация необходима, и я всегда указывал на превосходные результаты, достигнутые таким путем

в России. Однако я вовсе не думаю, что эти перемены должны совершаться во всех странах в совершенно одинаковой форме. Они будут проведены в жизнь сообразно с различными условиями, существующими в разных странах.

Юмс. М-р Рид, заявляли вы или нет на митинге в Ионкерсе, в последнее воскресенье, что три миллиона винтовок находится в руках трех миллионов рабочих в России, и что очень скоро три миллиона винтовок окажутся и в руках рабочих Соединенных Штатов, которые используют их таким же образом, как это сделали там, в России?

Рид. Никогда в жизни я этого не говорил. Что за нелепость! Как это можно вложить три миллиона винтовок в руки трех миллионов американских рабочих!

Юмс. Какую же ссылку на винтовки вы сделали в этой речи?

Рид. Я о винтовках совершенно не упоминал. Помню, я описывал условия в России и сказал, что там, в России, три миллиона человек сорганизовано против мировых империалистов для защиты социалистического отечества.

Юмс. И вам не припоминается...

Рид. Я не мог ничего подобного сказать, майор Юмс. Как вложить для этой цели три миллиона винтовок в руки трех миллионов американских рабочих?.. Это невозможно!

Юмс. Стоите ли вы за революцию в Соединенных Штатах?

Рид. Я всегда проповедывал революцию в Соединенных Штатах.

Юмс. Проповедывали ли вы в какой-нибудь из ваших речей революцию в Соединенных Штатах, аналогичную революции в России?

Рид. Революция не означает непременно нечто совершаемое силой. Под революцией я понимаю глубокую социальную перемену. Я не знаю, как она может быть достигнута.

Уолкот. Известно ли вам, м-р Рид, что слово „революция“ в обычном употреблении заключает в себе идею насилия?

Рид. Да, в действительности все эти глубокие социальные перемены, к сожалению, всегда сопровождались применением силы; ни одна не произошла без этого.

Уолкот. Не употребляли ли вы слово „революция“ в смысле насилия?

Рид. Я думаю, что воля народа так или иначе будет осуществлена, если не с помощью закона, то путем силы. Это никогда не происходило мирно, хотя допускаю и такую возможность. Впрочем, если я говорю что-нибудь противное закону, я готов за это отвечать.

Уолкот. Я говорю только о честном отношении к американскому народу и к вам самим при употреблении слова, которое так или

иначе связано с идеей вооруженного насилия. Если вы не имели в виду вооруженного насилия, вам следовало выяснить это в своих выступлениях.

Рид. Я неоднократно разъяснял свою позицию и никогда не скрывал, что я революционный социалист.

Уолкот. Под революционным социализмом вы, как я полагаю, понимаете свержение существующего капиталистического (по вашей терминологии) строя мирными средствами?

Рид. Если возможно — мирными, если невозможно — всеми прочими средствами.

Юмс. Не заявляли вы во время ваших публичных выступлений, что организация большевистского движения в Америке проводится вами столь систематически, что вы не будете удивлены, если что-нибудь случится еще до конца года, в частности — в Нью-Иорке, Рочестере, Детруа, Филадельфии, Балтиморе, Буффало и Клевелэнде?

Рид. Нет сэр, я этого никогда не говорил.

Юмс. Вы были назначены большевистским правительством на пост генерального консула в Нью-Иорке, — не так ли?

Рид. Да.

Юмс. Вы, вероятно, получили назначение от Троцкого?

Рид. Да.

Юмс. Являлись ли вы после вашего возвращения в Америку официальным представителем большевистского правительства в нашей стране?

Рид. Нет.

Юмс. Находитесь ли в сношениях с официальными лицами большевистского правительства?

Рид. Я несколько раз виделся с людьми, уезжавшими за границу, и посылал через них записки.

Юмс. Вы поддерживали с ними сношения через добровольных курьеров?

Рид. Нет; я не получил за все время моего пребывания здесь ни словечка непосредственно от кого-либо из советских комиссаров и никогда не посылал им ни слова.

Юмс. Сообщались ли вы с ними через посредников?

Рид. Я посылал письма Рейшнтейну несколько раз и писал также Воровскому, который находится теперь в Швеции. Никому другому я ничего не посылал. Это делалось через государственный департамент.

Юмс. Вы никогда не пытались официально представлять советское правительство в этой стране?

Рид. Нет, никогда.

Уолкот. Вы говорите, что никогда их не представляли?

Рид. Нет.

Уолкот. Знаете ли вы каких-нибудь лиц, представляющих это правительство в нашей стране?

Рид. Нет, не знаю. Альберт Вильямс имеет разрешение открыть советское бюро информации.

Уолкот. Известно ли вам, кто несет расходы по управлению этим бюро?

Рид. Оно так и не было открыто из-за отсутствия денег.

Уолкот. Знаете ли вы о ком-нибудь, кто здесь получает деньги из какого-либо источника — русского, американского или иного — для распространения информации о советской власти?

Рид. За свои выступления на митингах я обычно получал гонорар, так как это — мой единственный заработок. Я хотел открыть бюро информации и обходил некоторых лиц в Нью-Иорке, от которых думал получить немного денег; полагаю, что мне удастся еще собрать некоторую сумму для осуществления этой цели. Вы знаете, в Нью-Иорке есть богатые женщины, которым нечего делать со своими деньгами, если не тратить их иногда на что-нибудь в этом роде. *(Смех.)* Когда нам нужно издать брошюру, я иду к какому-нибудь знакомому или к двум, беру 1000 долларов и заказываю перевод русской брошюры, русского декрета или чего-нибудь подобного, а затем мы издаем их и распространяем повсюду в Соединенных Штатах. Деньги, вырученные от продажи брошюр, окупают их стоимость, а чистый доход мы вкладываем в новую брошюру. Однако, таким путем накопить деньги невозможно. В Соединенных Штатах трудно заработать деньги, сообщая правду о России.

Уолкот. Итак, компенсация за сообщение истины о России состоит исключительно в вознаграждении, которое вы получаете за участие на митингах?

Рид. Кроме того, я иногда пишу статьи и получаю за них гонорар.

Уолкот. Выступали ли вы на последнем митинге здесь, в Вашингтоне?

Рид. Нет, не выступал. Меня считают слишком скомпрометированным для участия на этих крупных митингах.

Уолкот. Почему вас считают скомпрометированным?

Рид. Меня несколько раз привлекали к ответственности. Я был привлечен — довольно давно тому назад — за высказывание мыслей, которые сенатор Джонсон затем повторил в сенате; поэтому они не особенно торопятся с преданием меня суду.

Уолкот. Я хочу попросить стенографиста прочесть вопрос, который я вам поставил несколько времени тому назад.

(Стенографист читает.)

„Уолкот. Под революционным социализмом вы, как я полагаю, понимаете свержение существующего капитаталистического (по вашей терминологии) строя мирными средствами...“

Уолкот. Так вот, я хочу включить в этот вопрос слово „законными“, так что место это будет читаться: „мирными и законными средствами“.

Рид. На это я отвечу, что закон всегда создается людьми, стоящими у власти. Русское советское правительство имеет свои законы, некоторые из которых я имею здесь при себе. Не следует забывать, что закон одного поколения не есть закон другого поколения. Так, включенные в собрании государственных законов так называемые „синие законы“ Коннектикута, запрещающие мужу целовать свою жену по воскресеньям, уже потеряли свою силу.

Уолкот. Не понимаю, что вы этим хотите сказать. Объясните, пожалуйста, какое это имеет отношение к вопросу?

Рид. Я хотел сказать, что если вы употребляете слово „законный“...

Уолкот. Я под этим подразумеваю соответствие с формами действующего теперь закона.

Рид. В этом соответствии нет никакой необходимости, так как законы меняются сообразно с желаниями людей.

Уолкот. Изменение законов также происходит согласно формам существующих законов.

Рид. Однако, эти формы также меняются.

Юмс. Считаете ли вы, что новые законы должны получить силу посредством способа, указанного в конституции?

Рид. Я думаю, что конституция также может быть изменена.

Уолкот. Есть одна основная идея, которая была у создателей нашего государства, именно: если человек трудится и приобретает имущество, его право собственности должно быть обеспечено, и это право гарантируется в конституции. Советское же правительство идет в разрез с этой основной идеей.

Рид. Оно делает это по той единственной причине, что желает осуществить эту идею.

Уолкот. Оно ее уничтожает.

Рид. Оно отнимает право собственности, но не право пользования. Советское правительство стремится обеспечить каждому свободное право пользования плодами своего труда.

Уолкот. Советское правительство хочет заменить частное право собственности частным правом пользования. Давать человеку пожизненно пользоваться продуктами своего труда, вместо того, чтобы предоставить ему владеть ими, как собственностью.

Рид. В чем разница? Разве он что-нибудь выиграет оттого, что будет чем-нибудь владеть по праву собственности?

Уолкот. Да, он выиграет, потому что сможет всегда пользоваться объектом.

Рид. Он может пользоваться им и при советском строе.

Юмс. До тех пор, пока он не состарится?

Рид. Да, если это рабочий, то до тех пор пока он не состарится.

Юмс. А затем он становится пенсионером государства?

Рид. Да.

Юмс. Ему совершенно не разрешается копить что-нибудь для себя?

Рид. Он может копить все, что ему будет угодно, в продолжение всей его жизни.

Юмс. Он не может скопить деньги на дом?

Рид. Он может копить деньги на дом и строить, как ему заблагорассудится.

Уолкот. Вы говорите, что там человек не в праве пользоваться для себя чужим трудом?

Рид. На фермах это не разрешается. Каждому уделяется столько земли, сколько он сам может обработать, и советское правительство пытается поощрить сельских хозяев к ведению хозяйств-коммун. Группа хозяев, предположим человек 30, берет 30 участков земли и обрабатывает их сообща. Они снабжаются семенами, сельскохозяйственными машинами и всем вообще необходимым, включая агрономическую помощь. У меня в руках имеется декрет о содействии обработке земли с помощью тракторов.

Уолкот. Предположим, что человек не работает, как следует, вместе с другими; что они тогда делают с ним? выбрасывают?

Рид. Русские крестьяне в течение столетий работали общинами на русских государственных землях, и они знают, как себя вести. Если в Советской России человек не работает, он не ест — вот и все. Если существует какая-либо (уважительная) причина тому, что он не работает, его переводят на пенсию, но если он не желает работать...

Уолкот. Это вызывает в моей памяти одну местность, где у нас была коммунистическая система, — Джемстоун. Двое или трое делали всю работу, а остальные из этой группы бродяжничали, а капитану Джону Смиту приходилось ходить за ними с ружьем.

Уолкот. М-р Рид, желаете ли вы еще кое-что сказать в дополнение к этому показанию?

Рид. Я как раз хотел сказать, что по-моему чрезвычайно важно, чтобы были вызваны лица, недавно побывавшие в России и относящиеся благожелательно к советскому правительству. Я имею в виду не со-

*

циалистов, а людей в роде Франка Кедди и лиц, подобных Раймонду Робинсу, которые находились в очень тесном соприкосновении с советским правительством.

Юмс. Не можете ли вы снабдить комиссию копиями переводов всех цитированных здесь декретов, дабы мы могли дополнить ваше свидетельство?

Рид. Думаю, что все это я могу вам достать. Я, однако, не вполне уверен, что смогу добыть вам все виденные мною декреты.

ЗАСЕДАНИЕ 22 ФЕВРАЛЯ.

Присутствуют: сенаторы Овермэн (председатель), Уолкот и майор Юмс.

Показания Альберта Риса Вильямса.

[После приведения к присяге председателем, м-р Вильямс показал, что он родился в Огайо; находился в Париже в начале войны; прибыл в Петроград в июне 1916 г. в качестве корреспондента „Нью-Иорк Ивнинг Пост"; поехал оттуда в Москву, затем на Украину; после этого посетил Балтийский флот в Гельсингфорсе; далее, отправился на русский фронт у Риги; посетил целый ряд деревень, затем выехал по Сибирской железной дороге и отбыл из Владивостока в Америку в июне 1918 г.]

Юмс. Расскажите нам, что вы видели и наблюдали во время правления Керенского.

Вильямс. Я наблюдал все возраставшую общую дезорганизацию, явившуюся результатом мировой войны. Затем, совершив поездку внутрь страны, я был свидетелем дальнейшего развития разрухи. На Рижском фронте я видел большое количество солдат, ходивших совершенно босыми по замерзающей грязи. Я видел, как они набрасывались на поле турнепсов и пожирали их. На моих глазах лошади падали мертвыми из-за недостатка корма.

Юмс. Когда вы были на фронте?

Вильямс. Около середины сентября 1917 г., как раз после того, как немцы повели наступление через Ригу. Я видел в России, повсюду, все увеличивавшийся развал. В это время в возникших советских организациях началось, на моих глазах, обсуждение вопроса о том, что нужно народу.

Овермэн. Вы говорите по-русски?

Вильямс. Не могу похвалиться, что говорю очень бегло, но могу читать газеты. Большую часть своего времени я проводил среди солдат в армии, среди крестьян в деревнях и среди рабочих на фабриках.

Советы в течение лета 1917 г. становились все сильнее и сильнее. Мало-по-малу в сознании народных масс начали зарождаться некоторые весьма определенные идеи и отчетливо формулированные требования.

У нас по отношению к земле господствует индивидуалистический взгляд, но в России на счет конфискации земли придерживаются иного мнения. 95 процентов всего русского народа считают, что земля никогда по праву не принадлежала крупным помещикам; поэтому их лозунгом всегда было: „Земля божья и народная". В советах это старое требование было формулировано в виде весьма определенного лозунга. „Земля — народу".

Овермэн. Согласны ли вы с тем, о чем здесь говорили, а именно, что 85 процентов русского народа невежественны как дети, и не знают ничего, кроме своих прав или, вернее, того, что они считают своими правами?

Вильямс. Думаю, что, вероятно, не более 50 процентов русского народа умеют читать и писать, но я считаю, что русские обладают незаурядными умственными способностями. Я был крайне поражен, когда в деревнях сталкивался с их простой деревенской мудростью.

Овермэн. Это поистине замечательный народ, раз они в один год научаются читать и писать...

Вильямс. Очень многие из них научились читать и писать в армии. Но даже те русские, которые не умеют читать, не хуже разбираются в вопросах экономики, политики и т. д., чем средний американец. Однажды я познакомился с большевистским агитатором в маленькой приволжской деревне. Этот человек пользовался большим доверием со стороны крестьян, потому что он был сыном учителя. Ему как-то пришлось говорить на крестьянском сходе около четырех часов без перерыва. Позже он сказал мне, что, повидимому, он не переубедил ни одного человека. Эти старые крестьяне были крайне сдержанны в своих суждениях. Они слушали все, что он говорил, а затем, в течение многих дней, совместно обсуждали сказанное. По истечении трех месяцев этот человек вернулся и обнаружил, что, примерно, одна треть крестьян приняла очень многие из высказанных им мыслей и отвергла остальные. Они отбросили все то, что считали неприменимым к их положению, и удержали то, что им казалось подходящим.

Более того: на них производили слабое впечатление те необыкновенные вещи, которые, мы, иностранцы, им рассказывали о заграничных странах. Они не слишком восторгаются американскими учреждениями. Они не боятся того, что мы считаем плохим, но опасаются того, что мы считаем хорошим. Русским чуждо американское стремление тратить всю свою энергию на зарабатывание средств к жизни; они предпочитают тратить ее на самое жизнь. Их очень мало привлекает наша здешняя жизнь с грязными улицами окраин и дворцами, с нищими и миллионерами, с ожесточенной классовой войной, с враждой между имущими и неимущими. Однажды я спросил одного русского, почему

они не захотели ограничиться первой революцией и удовольствоваться тем, чтобы создать такую страну, как демократическая Америка, демократическая Франция или Англия. Он ответил следующее: „Я живал в Англии. Я знаю, что в Лондоне есть Восточная часть и есть Западная часть; знаю также, что у вас в Америке есть 5-я Авеню. Мы не для того шли на смерть, на каторгу, в тюрьмы и в сибирскую ссылку, чтобы создать здесь в России цивилизацию, в которой будет Восточная часть и 5-я Авеню". Другими словами, там замечается естественная реакция против несправедливостей и крайностей бедности и богатства во всех государствах Запада. Вот почему они не хотели остановить революцию как раз на том месте, на котором останавливались мы во всех наших революциях, т.-е. на политическом преобразовании. Они хотели довести ее до конца и превратить в социальную революцию.

Юмс. К концу революции Керенского там наблюдался рост анархии, — не так ли?

Вильямс. Как я уже сказал, в виду этого состояния анархии, большевики нашли возможным взять власть в свои руки.

Солдаты бросали винтовки и уходили из окопов. Члены христианской ассоциации молодежи рассказывали мне, что это наблюдалось задолго до того, как на сцене появились большевики.

Овермэн. Каково точное значение слова „большевики"?

Вильямс. Я спросил у одного русского, как он понимает слово „большевизм", и он ответил: „Это кратчайший путь к социализму".

Представьте себе состояние русских солдат; предположим, что представитель Керенского подходит к ним и говорит: „Доблестные русские солдаты! ради славы великой России мы будем продолжать борьбу, пока не захватим Константинополя". А солдаты на это отвечали: „Нам не нужен Константинополь, мы хотим мира". И русские солдаты стали говорить между собой: „Правительство Керенского преследует империалистические цели. Оно хочет захватить земли других народов. Мы не хотим, чтобы другие народы забрали нашу землю, но и бороться за захват чужих стран мы также не намерены". Тогда некоторым солдатам начала приходить в голову мысль, что и союзники питают империалистические планы, стремясь к захвату земель и другой военной добычи. Таково же было настроение среди рабочих. Правительство Керенского не хотело предоставить им то, чего они желали, именно — контроль над фабриками.

Теперь прошу вас, по мере возможности, вникнуть в психологию рабочего, которому неустанно твердили, что он свободный человек. „Свободный человек, — рассуждал он, — может, до известной степени, контролировать свою жизнь. Большую часть моей жизни я провел на фабриках. Поэтому я считаю, что я должен иметь некоторое право

контроля над фабриками". Вот почему, когда правительство Керенского отказалось предоставить рабочим контроль над фабриками, они весьма анархистским способом захватили фабрики, что во многих случаях сопровождалось разрушением машин и материалов. То же было и с землей, которая стихийно захватывалась крестьянами.

В ответ на требования: „Земля — народу", „мир — народу", „фабрики — рабочим", — правительство Керенского с его молодыми и неопытными министрами ограничивалось заявлениями: „Подождите до конца войны", „подождите до созыва учредительного собрания". Проходил месяц за месяцем; месяц за месяцем росли беспокойство и гнев народа. И народ говорил: „Если эти слабые люди, называющие себя правительством, ничего решительно не могут сделать, мы сами что-нибудь предпримем". Что же сделало правительство Керенского? Оно подослало к ним своих лучших людей — „дедушку" и „бабушку" революции — Чайковского и Брешковскую — и, кроме того, двух крупных меньшевистских вождей — Церетели и Чхеидзе, которые пользовались доверием народа. Они были очень красноречивыми ораторами, и их попросили воздействовать всей силой своего красноречия на массы, чтобы прекратить то, что Керенский называл „безумными требованиями масс". Однако, они с таким же успехом могли бы растрачивать свое красноречие перед вулканом. Когда правительство послало отряды для подавления восстания, войска стали переходить на сторону народа. Союзники пытались искусственно поддержать жизнь правительства Керенского впрыскиванием угроз и обещаний; но это ничуть не помогло. В момент, когда были нужны люди стальной воли, правительство Керенского оказалось слабым и беспомощным как дитя.

Овермэн. Знали ли вы Керенского?

Вильямс. Нет, я не был близко знаком с Керенским. Я только случайно встречался с ним.

Таково было положение в сентябре и октябре 1917 г.

Я не претендую на нечто большее, чем на простое изложение взглядов, — если хотите, пристрастных взглядов — народных масс, среди которых я проводил свое время, но ведь не менее пристрастны и заслушанные в этой комиссии мнения тех лиц, которые жили среди людей, проигравших от этой революции. Всякая революция — очень печальное событие для одних и счастливое для других. И здесь, как и во всем остальном, одни люди выигрывают, а другие проигрывают. Я легко могу представить себе страдания людей, живших раньше, как в раю, и внезапно вынужденных заняться трудом; представляю себе и страдания людей, насильственно лишенных своего имущества. Настроения этих людей нашли свое отражение в Америке в речах почти всех лиц, которым было разрешено высказать свое мнение, ибо они жили с постра-

давшим классом, с теми, кто в революцию проиграл, и кто, естественно, полон гнева и злобы, ожесточения и жажды мести.

Теперь разрешите мне вернуться к положению, создавшемуся в 1917 г., когда крестьяне захватывали земли, рабочие завладевали фабриками, а солдаты бежали из окопов. В этом положении нашлась группа людей, которая, повидимому, понимала, что происходит в России, людей, которые имели голову на плечах и сознавали, что могучему, стихийному, широкому, радикальному движению должна соответствовать столь же широкая и радикальная программа; людей, пользовавшихся доверием масс и потому знавших, как овладеть этими стихийными силами и как направить их на созидательную цель; людей, которые понимали народ и за которыми народ готов был итти. В данном случае, я имею в виду не советы, а партию большевиков. Впрочем, мало сказать, что они понимали народ или пользовались доверием народа: они сами представляли собою частицу народа. Большевистская партия состояла преимущественно из представителей трудящихся классов. В ней не было столько образованных представителей интеллигенции, как в партии меньшевиков или эс-эров. Она была партией рабочего класса, и поэтому понимала, что нужно трудящемуся люду. Большевики говорили языком народа, мыслили, как народ, и умели выражать народные идеи. Эти люди были исполнены величайшей веры в великие природные стремления и движения народа. Я думаю, что в этом-то и заключается основное различие между демократом и не демократом. Истинный демократ тот, кто верит в народ, верит, что его стремления в общем ведут к правильной цели.

Мне кажется, что, в частности, большевистская интеллигенция полна величайшей веры в народ. Они верят, что „освобождение широких масс рабочего класса будет делом самих рабочих", а не результатом какой-либо искусственной схемы, придуманной собравшимися представителями интеллигенции и навязанной народу. Помню, группа рабочих одной фабрики пришла как-то к Ленину и спросила его, как наладить работу фабрики. Он развел руками и сказал: „Откуда мне знать, как пустить в ход фабрику? Пойдите и попробуйте, а затем, возвращайтесь и расскажите, что вы сделали, и тогда я постараюсь кое-чему научиться на ваших промахах и ошибках и — прибавил он шутя — напишу об этом книгу".

Большевистская интеллигенция говорила: „Пусть народ сам управляет собою". Интеллигенция же другого толка заявляла: „Мы сами знаем, что нужно народу, и дадим ему это". Большевики же на это возражали: „Предоставьте народу самому выяснить, чего он хочет, и мы постараемся помочь ему осуществить его желания".

Далее, большевики говорили: „Правительство Керенского не имеет силы, оно не пользуется авторитетом, никто его не уважает. Кабинет

бессилен. Между тем, взгляните, рабочие и крестьяне, насколько жизненна та организация, которую вы сами построили". Они подразумевали Советы.

Весьма замечательное явление в человеческой истории то, что, три дня спустя после падения царя, в каждом городе, в каждой деревне, по всей русской земле, возникли эти новые органы, называемые советами.

Я беседовал с одним капитаном, который рассказывал, что его судно в дни падения самодержавия было в итальянских водах и что уже через два дня после революции экипаж образовал совет, который был точным сколком организованного в Петрограде совета; однако, у них не было связи с ним, и они очень мало, вернее, почти ничего не знали о советах 1905 г. Поразительно, что в таком отдалении возник этот новый правительственный орган.

Царь был лишен трона, и революция была совершена, как и все революции, голодными массами. Двинувшись из района Выборгской стороны, они заполнили улицы Петрограда. Они появились на Невском, несмотря на казачьи патрули, пулеметы и полицию. С пением они шли вперед, убеждая солдат и казаков, пока те не перешли на сторону народа и не примкнули к революции.

Когда революция победила, на сцене появились другие лица — юристы, политики и т. д. Они сказали: „Доблестные рабочие, вернитесь на фабрики; храбрые солдаты, возвращайтесь в окопы; славные крестьяне вернитесь к земле. Мы согласны взвалить на наши плечи ответственность за составление великого революционного правительства, что является далеко не легким делом". С русским народом очень легко ладить. Он крайне послушен и терпелив, и он беспрекословно вернулся к своим занятиям. Но, в то же время, это далеко не глупый народ: прежде чем разойтись, рабочие сорганизовались. Каждый военный завод послал представителей из расчета: один делегат на 500 рабочих; таким же порядком были избраны делегаты от всех прочих заводов, мастерских, учительских организаций, инженеров и т. д. Эти делегаты, собравшись, образовали так называемые советы. Таким образом, в каждом совете есть люди, знающие разные специальности; шахтеры, знающие горное дело, учителя, сведущие в педагогике, инженеры, знающие инженерное дело. Они — лучшие люди в каждой из соответствующих отраслей. Их избирают по групповому и профессиональному признаку, в то время, как во всех наших политических и административных органах делегаты избираются по признаку территориальному, т.-е. по округам, районам и т. д.

Овермэн. Есть ли у них центральное место, куда собираются эти делегаты?

Вильямс. Каждый город имеет свое помещение совета.

Овермэн. Понимаю, но есть ли у них центральное место, куда население городов и деревень посылало бы своих делегатов?

Вильямс. Происходит это следующим образом. Во Владивостоке, в Иркутске и в Киеве, сообразно с величиной района или города, совет избирает делегата, и он посылается в Москву, где через определенные промежутки времени происходит Всероссийский съезд советов, в котором участвует от 1200 до 1500 делегатов. На последнем съезде, на котором я присутствовал, было около 1400 делегатов; из них, в грубых цифрах, 800 большевиков, около 300 левых эс-эров, приблизительно 150 меньшевиков, около 100 от других партий и десятка два анархистов. Эти делегаты регулярно избираются и посылаются на Всероссийский съезд советов. Съезд рассматривает все декреты и законы, изданные так называемым Центральным Исполнительным Комитетом, который избирается съездом советов и напоминает наш конгресс. Сессия Всероссийского съезда продолжается всего дней десять — четырнадцать. При закрытии съезда он выделяет из своего состава упомянутый исполнительный комитет, который во всякое время может назначить или отставить любого из членов совета народных комиссаров. Такова, в грубых чертах, схема советской формы правления.

Уолкот. Значит, правительственная власть фактически находится в руках комиссаров?

Вильямс. Да.

Уолкот. Они не избираются народом?

Вильямс. Они не избираются народом непосредственно.

Уолкот. Они избираются Центральным Исполнительным Комитетом?

Вильямс. Да.

Уолкот. Который, в свою очередь, избирается Всероссийским съездом советов?

Вильямс. Да.

Уолкот. Каковой, в свою очередь составляется из делегатов, избранных местными советами?

Вильямс. Да.

Уолкот. Каковые, в свою очередь, избираются народом?

Вильямс. Да.

Уолкот. Таким образом, целых четыре инстанции отделяют правителей России от избирателей?

Вильямс. Так это, или нет — мне бы хотелось, чтобы русские испробовали этот государственный аппарат нового типа и попытались его усовершенствовать, если они это смогут. Вероятно, они в состоянии выработать организацию, которая окажется, пожалуй, более совер-

шенной, чем наша собственная. Но и с точки зрения экспериментального исследования было бы весьма ценно испробовать новый государственный порядок, который стремится лучше отражать желания народа и более соответствует новейшим промышленным и экономическим условиям. Думаю, что это им удастся, сенатор, хотя точно не знаю. Во всяком случае я выступаю в защиту того, чтобы дать России возможность самостоятельно провести испытание социального порядка, совершенно отличного от строя всех остальных стран мира.

Теперь, позвольте вернуться к советам, возникшим весною 1917 г. Они вырастали повсюду. Народ в них учился говорить. По выражению м-ра Рута „Россия превратилась в нацию из 100 миллионов ораторов", и поток речей разливался вокруг этих народных собраний. Они к этому времени научились объединяться и коллективно работать. Было при этом сделано не мало громадных ошибок, но все же советская система росла. Местные советы постепенно были объединены в широкую сеть, разбросанную по всей стране. И когда организация Керенского обнаружила свое полное бессилие, большивики пришли к народным массам и сказали им: „Советы — это организация, созданная собственным вашим умом, собственным вашим сердцем. Они обладают властью, авторитетом, организационными способностями, и если вы хотите иметь правительство, которое дало бы вам и землю, и мир, и фабрики, то это правительство у вас уже есть в лице советов".

Другими словами, внутри старой государственной машины вырос совершенно новый орган, опиравшийся на весь народ, чего не имела старая государственная машина. Большевики задолго до Октябрьской революции открыто заявили, что советы намерены взять правительственную власть, что они уже являются действительной властью в России, ибо другой власти в этой стране нет. Явившись в Мариинский дворец, где заседали члены органа, именовавшего себя русским правительством, большевики сказали этим людям, чтобы они отправились по домам, так как они не представляют русского народа. Затем большевики направились к Временному правительству, находившемуся в Зимнем дворце, и почти без борьбы свергли его.

Я думаю, верна мысль, что право на существование всякого правительства или учреждения обнаруживается по тому количеству людей, которые в момент опасности приходят к нему на выручку. Когда правительство Керенского было в опасности, единственные, кто присоединился к нему, были: женский батальон, некоторое количество юнкеров и несколько отдельных казачьих организаций. Так называемая большевистская революция была совершена в Петрограде при количестве жертв, не превысившем 15 или 18 человек. Это были по большей части большевики, стоявшие возле Зимнего дворца и застреленные

засевшими во дворце юнкерами. Последние потеряли одного человека, и, кажется, одна из женщин женского батальона упала в обморок.

В это время было выпущено сообщение, будто 200 женщин из женского батальона были изнасилованы большевиками. Английская газета „Дэйли Ньюс“ неоднократно сообщала, что ген. Нокс (Knox) из британской миссии явился в Смольный, чтобы заявить протест против изнасилования этих 200 женщин. В действительности же с ними обращались очень вежливо. Им велели распустить организацию и отправиться по домам. Ни одна из них не подверглась какому-либо оскорблению. Я говорю это только потому, что весь Петроград облетел слух об изнасиловании женского батальона. Поэтому, когда к вам сюда прибывают люди из Петрограда и говорят, что, мол, такой-то или такой-то сказал им то-то и то-то, а Икс или Игрек — сообщил ему такие-то факты, значит, он повторяет те же слухи, те же измышления, которыми нас постоянно пичкали и которые в девяти случаях из десяти оказывались неправдой.

Сенаторы, если бы я верил в подлинность хоть половины тех слухов, которые сообщались противниками правительства рабочих и крестьян в России, если бы я верил в реальность хотя бы половины описанных ими зверств, я от всего сердца согласился бы на истребление всех большевиков до единого. На самом же деле, ноябрьская революция в Петрограде была совершенно бескровной. В Москве при захвате правительственной власти советом погибло, вероятно, около 1000 человек. Некоторые исчисляют жертвы даже в 2000 человек. В Иркутске произошла ожесточенная и кровопролитная борьба. Город пострадал от боев, как и другие места в стране. Если вы возьмете самые преувеличенные оценки количества убитых вплоть до июня 1919 г., когда Советская власть добилась полного господства над всей территорией от Атлантического до Тихого океана, если вы сложите все эти цифры и разделите полученную сумму на количество населения, вы увидите, что эта великая и грозная революция стоила жизни не более чем одному человеку на 1000 человек населения.

Овермэн. Сколько, по-вашему, было всего убито?

Вильямс. Знаете, говорят, есть три рода лжи: простая ложь, бессовестная ложь и — статистика; поэтому я не решаюсь приводить какие-нибудь определенные данные относительно числа убитых.

Овермэн. Вы можете сообщить свое собственное мнение на этот счет?

Вильямс. Мое личное мнение таково, что до июня 1919 г., т.-е. вплоть до момента союзнической интервенции, было убито от 40 до 50 тысяч. Я категорически утверждаю, что после 14 месяцев революции и укрепления революционного порядка Советской республики было убито не более одного человека на тысячу.

Уолкот. Встречали ли вы когда-нибудь женщину, командовавшую батальоном смерти?

Вильямс. Нет не встречал.

Уолкот. Знаете ли вы что-нибудь о ней?

Вильямс. Весьма смутно. Я читал о ней очень мало. Я знаком с одним репортером, Бесси Битти, которая жила в женском батальоне недолгое время и знала их очень близко.

Уолкот. У меня есть книга, озаглавленная „Яшка" и написанная Марией Бочкаревой.

Вильямс. Я читал некоторые выдержки из этой книги.

Уолкот. Я не прочел всей книги, но мое внимание привлекло одно ее замечание, которое проливает свет на положение дел в Петрограде. Она прибыла в Петроград 18 января 1918 г. Вот что она говорит о положении в городе к моменту ее приезда *(читает):*

„В городе свирепствовал красный террор. Река была полна трупов убитых и линчеванных офицеров. Оставшиеся в живых находились в ужасном положении, боясь показаться публично, в виду настроения толпы, и поэтому находились на краю гибели от голодной смерти. Еще ужаснее было положение в провинции".

Этот ее рассказ как-будто плохо гармонирует с тем, что вы там видели.

Вильямс. Абсолютно не гармонирует, сенатор; позвольте мне только сделать одно разъяснение, которому я могу придать весьма категорическую форму. Я думаю, что книга была написана каким-нибудь журналистом, а не ею, и сделано это было для того, чтобы поймать на удочку американского обывателя.

Уолкот. Почему вы так думаете?

Вильямс. Она не умеет писать по-английски. Я думаю, что она необразованная женщина.

Уолкот. Она могла написать по-русски.

Вильямс. Не уверен в этом. Конечно, она могла сделать такое заявление. В противовес этим сообщениям об ужасах, творившихся в Петрогроде и Москве в январе, феврале, марте и апреле 1918 г., легко выставить не менее десяти достоверных свидетелей, которые могли бы явиться сюда. Прежде всего, в то время в Петрограде было три женщины-корреспондента. Каждая из них скажет вам, что по улицам Москвы и Петрограда можно было ходить столь же безопасно, как и по улицам Чикаго и Нью-Иорка. Если вы пожелаете допросить этих свидетелей, они установят то, что я утверждаю сейчас: что они ничего не видели из тех вещей, которые будто бы наблюдала эта женщина, как она заверяет в названной книге.

Позвольте мне теперь заметить, что вам тут систематически толковали об ужасах красного террора. Но здесь был свидетель, который

сказал, что он видел не только красный, но и белый террор. Белый террор, это тот, который существует в местах, где Советская власть свергнута. Вспомните рассказ м-ра Аккермана в „Нью-Иорк Таймсе". В одной из своих корреспонденций он приводит эпизод, когда поезд, отошедший с Урала с 2100 пленными большевиками, прибыл в Николаевск с 1300. Он спросил, что стало с остальными, и узнал, что в поезде отсутствовали какие бы то ни было гигиенические условия, а также продовольствие, и эти люди либо умерли от голода, либо покончили с собою, либо были убиты при попытке к бегству. Он сообщил, что пленные умирали на руках работников американского Красного Креста, когда последние снимали их с поезда. Это преступление, как и многие другие, лежит на совести врагов Советской власти.

Тот же корреспондент Аккерман рассказывает, что Калмыкову было разрешено итти впереди наступающих союзников, при чем он действовал с такой беспощадной жестокостью, что люди не осмеливались даже убирать трупы расстрелянных им жертв. Трупы оставались лежать на улицах, покинутые на съедение собакам. В Хабаровске 16 советских учителей, которые преподавали детям по новому методу Монтессори, были скошены пулеметами, и кровь учителей обагрила цветочные грядки, которые они сделали с своими учениками.

Я не обвиняю в жестокости ни ту, ни другую сторону, но я знаю, что на ум и воображение американского народа большое впечатление произвел рассказ о пяти великих князьях, брошенных в колодец. На упомянутом поезде погибло 800 большевиков, а большевики — как бы вы к ним ни относились — это рабочие и работницы, которые мостили улицы, сеяли рожь, строили дома, копали уголь и поддерживали движение на железных дорогах. С другой стороны, пять великих князей, — люди, которые все время жирели на крови и слезах русского народа. Мое чувство сострадания достаточно широко, чтобы включить в свою сферу любое человеческое существо, но думаю, если мне придется выбирать, кому уделить свои симпатии, — этим ли великим князьям, которые жили все время кровью и потом русского народа, или же восьмистам рабочих и крестьян, — то я не буду колебаться ни одной минуты.

Овермэн. Нас интересуют только факты. Не забывайте, что наше время ограничено.

Вильямс. Я продолжаю. Этот случай жестокости я оставляю в стороне. Позвольте констатировать лишь следующее. Я знаю, что мы живем в очень неспокойное время. Но призовите на суд истории с одной стороны большевиков, обвиняемых в красном терроре, а с другой — белогвардейцев и черносотенцев, обвиняемых в белом терроре, и предложите им поднять руки. Я знаю, когда они подымут руки, мозолистые и загрубелые от работы руки крестьян и рабочих будут сиять

белизной по сравнению с обагренными кровью руками этих привилегированных лэди и джентльменов.

Овермэн. Мне бы хотелось узнать, каковы были проявления террора после завоевания власти большевиками в Петрограде и Москве?

Вильямс. Сенатор, я старался это именно выяснить.

Овермэн. Я знаю ваш взгляд. Я дал вам возможность его высказать и теперь очень ясно понял вашу точку зрения и верю в некоторые вещи, сказанные вами; мне нужны факты.

Вильямс. Сенатор, конкретные данные говорят, что во время революции в Петрограде погибло не более 20 человек; в Киеве — 2000; в Москве — 1000. Беря общее количество в течение этого периода от ноября 1917 г. (или даже раньше, — от марта 1917 г.) до июня 1918 г. получим в итоге не более 45 000 жертв. Думаю, что это даже преувеличенная оценка.

Уолкот. Вы включаете в эту цифру число казненных, осужденных за различные преступления, людей, которые были брошены в тюрьмы, затем выведены и расстреляны?

Вильямс. Да, я включаю их.

Овермэн. Что вы можете сказать по поводу утверждения, что людей там доводили до голодной смерти?

Вильямс. Сенатор, когда я прибыл в Россию, во время Керенского, положение было очень плохо. Продовольственные условия не улучшились и при советском строе. Было крайне трудно добыть себе пищу. Конечно, люди, имевшие деньги, могли всюду получить все, что хотели. К сожалению, это не изменилось и при Советской власти. До того, как советский строй был вполне налажен, люди, имевшие деньги, могли жить весьма недурно. Но паек был уменьшен в общем масштабе. И вот, думается мне...

Уолкот. Вы переходите на другую тему?

Вильямс. Нет, я именно говорю по существу. Думаю, что частично это следовало отнести на счет естественной дезорганизации, связанной с переходом власти в России к большевикам. Но припомните, что в марте 1917 г. была голодная революция, и что был голод в течение всего правления Керенского, и что был голод в момент захвата власти советами. Поразителен, однако, факт, что в настоящее время население не возлагает на советы ответственность за голод. Рабочие и крестьяне оправдывают советы, потому что советы имеют теперь широкую возможность возлагать всю ответственность за голод на союзников. Когда советских руководителей спрашивают: „Почему у нас нет продовольствия в Москве и Петрограде?“, они отвечают, что это происходит вследствие того, что союзники отрезали подвоз хлеба по великому сибирскому пути.

Овермэн. Кстати, позвольте спросить вас, происходят ли там такие вещи, как грабежи, обходы домов с конфискацией продовольствия и ценностей?

Вильямс. Они забирают продовольствие и ценности. Думаю, что было бы одним из чудес истории, если бы в революционное время не происходили такие явления.

Овермэн. Я спрашиваю, правда ли это?

Вильямс. Думаю, что правда. Впрочем, мне известно, что рассказы о грабежах страшно преувеличены. Я никогда не был свидетелем таких фактов. Единственный отмеченный мною случай был тогда, когда меня ограбили самого. Я уехал из Петрограда в августе 1917 г. с чемоданом, содержавшим, между прочим, 80 долларов золотом. Несколько солдат влезли в поезд, схватили наши чемоданы и выбросили их из окна; затем они их вскрыли и похитили содержимое. Позднее они прислали обратно паспорта с извинениями, заявив, что такие вещи им не нужны.

Теперь о грабежах, о которых вот здесь столько толковали. Если эти свидетели заслуживают доверия, и если они утверждают, что, действительно, видели то, о чем они сообщают, и что это не просто слух, я поверю их рассказам. С другой стороны, мы можем выставить перед этой комиссией 15 или 18 американцев, которые расскажут, что они объездили Россию вдоль и поперек за это время и ни разу не видели ни одного случая грабежа. Характерно, что из сотен американцев, находившихся в России, ни один не был задет пулей; очень немногие из них хоть один день оставалась без обеда, а большинство „вырвалось“ из России в международном спальном вагоне.

Уолкот. Был ли кто-нибудь из них брошен в тюрьму?

Вильямс. Да, некоторые были заключены в тюрьму.

Позвольте теперь вернуться к вопросу о голоде в Петрограде и Москве. Мне хотелось бы, чтобы вы попробовали представить себе те затруднения, при которых приходится работать Советскому правительству. Представитель крупного капитала, Рябушинский, сказал: „Пусть костлявая рука голода схватит народ за горло и заставит его опомниться“. Капиталисты пытались саботировать работу промышленности, разрушали фабрики и всеми способами срывали экономическую организацию страны. В нашей стране есть человек, который, как мне известно, похвалялся, что дезорганизовал работу фабрики до такой степени, что ее не удалось восстановить в течение четырех месяцев.

Запомните, что врагам Советской власти вовсе не вредят, как они утверждают, беспорядки в России: им вредит царящий там порядок. Им не страшна анархия, потому что это как раз то, чего они желают, но им страшна возможность освобождения России от анархии. Чтобы

вызвать беспорядок и хаос в России, они прибегали в первый период революции к следующему средству: они спускались в винные погреба, откупоривали бочки с вином и зазывали туда солдат и матросов вместе с худшими хулиганскими элементами.

Овермэн. Не будете ли вы добры немного подвинуть свой стул? Я люблю видеть свидетеля, когда он дает показания.

Вильямс. Спасибо, сенатор; это очень лестно. Мне казалось, что после всего того, что говорилось обо мне здесь, в Вашингтоне, комиссия захочет меня повесить, а не глядеть на меня.

Овермэн. Вы не находите, что замечание о том, что комиссия хочет вас повесить, совершенно лишнее?

Вильямс. Беру назад это замечание, но я думал, что после тех небылиц, которые приводились обо мне некоторыми лицами, у вас может появиться такое желание.

Овермэн. Разве, по-вашему, мы не обращались с вами должным образом? Считаю, что ваше замечание решительно ничем не вызвано.

Вильямс. При этих разгромах винных погребов последние, как я уже сказал, взламывались, и хулиганы, грабители и подонки общества, которые всегда всплывают на поверхность во время революции, зазывались в погреба, где они напивались до полного опъянения. Существовало намерение вывести их на улицу для учинения грабежей, убийств и мятежа. Советское правительство обнаружило твердость своей руки. Оно послало в эти места пулеметы и броневики и, чтобы положить конец безобразиям, направило броневики на толпу. Конечно, это было крайнее средство, но оно расстроило попытку превратить людей в пьяных грабителей и бунтовщиков.

Кроме того, сенаторы, вы должны вспомнить, что, когда рабочие и крестьяне взяли власть в России, интеллигентные и образованные классы занимали ту позицию, на которую они так часто становятся в отношении масс бедняков и обездоленных. Так, интеллигенция говорила: „Что могут сделать эти темные массы? Разумеется, ничего. Мы быстрее доведем их до краха, если откажемся с ними работать“. Громадное большинство интеллигенции вначале не хотело иметь ничего общего с Советским правительством, и потому большевики должны были сами поддерживать телефонную связь, управлять банками и т. д. При этом многое они перепортили, совершили массу ошибок разного рода, но они отличались огромной настойчивостью.

Некоторая часть высоко-образованной интеллигенции перешла на сторону рабочих и крестьян. Так, например, во Владивостоке сын генерал-губернатора стал большевиком и позднее сделался председателем совета. С четырьмя другими студентами он день и ночь не-

усыпно работал. Он принадлежал к числу интеллигентов, стремившихся побороть тяжелые условия, в которых приходилось работать Советскому правительству. Максим Горький, — которого русские люди глубоко уважают, видя в нем духовного вождя, — в своем последнем заявлении без околичностей говорит, что он вплоть до самого недавнего времени был врагом Советской власти. Сейчас же он заявляет: „Я все еще несогласен со многими приемами, но я утверждаю, что, когда будущие историки оглянутся на этот год Советской власти, они остановятся, изумленные и пораженные, перед творчеством рабочих и крестьян в области культуры и искусства".

Овермэн. Были ли большевиками закрыты газеты?

Вильямс. Они закрыли очень много газет; я к этому вопросу вернусь несколько позднее. Я хочу дать вам представление о тех затруднениях, которые приходилось преодолевать правительству. Я говорил, что разгромы винных погребов были направлены против Советской власти. Во-вторых, против Советского правительства велась борьба путем саботажа, попытками вызвать голод, затоплением шахт и разрушением промышленности.

Советы были отлучены от церкви по той простой причине, что они отделили церковь от государства, конфисковали также обширные земли и поместья, принадлежавшие монастырям, и поставили в России все религии — католическую, еврейскую, протестантскую — на одну доску, как в Америке.

В прежнее время религия была монополией государства, монополией православной церкви. В настоящее время не делается никакого различия между какими бы то ни было религиозными организациями. Большевики были отлучены от церкви прежде всего потому, что советы закрыли некоторые богатые источники ее доходов.

Всем известно далее, как революция была гильотинирована германцами. К тому же, она подвергалась систематическому бойкоту и блокаде со стороны союзников, под руководством Франции и Великобритании, стремившихся задушить советскую Россию. Под прикрытием дипломатических привилегий в союзнических посольствах организовались всевозможные заговоры против Советского правительства и советских официальных лиц. Тот факт, что Советское правительство, осаждаемое и травимое со всех сторон, все-таки существует, показывает прочность его фундамента. В последнее время заслуживают особого внимания два заявления: одно — Максима Горького, в котором он говорит о великом росте культурного дела, другое — Ллойд-Джорджа — о быстром увеличении военного могущества большевиков. Я убежден в том, что это большое, растущее военное могущество и большое, растущее культурное дело не могут опираться исключительно на со-

*

стояние беспорядка, хаоса и анархии, как это изображалось большинством выступавших здесь свидетелей.

Юмс. Следили ли вы за свидетельскими показаниями м-ра Симмонса перед этой комиссией?

Вильямс. Весьма невнимательно. Единственное, на что я обратил внимание, это то, что он получил сведения „из высоко-авторитетного источника" о моем назначении представителем Советского правительства; что он может раскрыть фамилию информировавшего его человека, но только по секрету, ибо этот человек, в случае разоблачения его имени, вероятно, будет убит...

Какую веру можно придать всем прочим показаниям м-ра Симмонса о России, когда он приводит, как большой секрет, факт, уже известный десяткам миллионов русских, опубликованный в официальных московских органах. Более того, этот факт был опубликован в „Нэйшон" и в ряде других американских органов. Он отмечался в объявлениях о моих митингах и неоднократно сообщался с трибуны, с которой я говорил.

Юмс. Значит, это — факт, что печать, враждебная большевистскому строю, была задушена?

Вильямс. Я могу говорить лишь о том, что происходило до времени моего отъезда.

Юмс. Была ли она задушена ко времени вашего отъезда?

Вильямс. Вплоть до моего отъезда свободно циркулировали все газеты. В среднем на одну большевистскую газету приходилось три антибольшевистских. Полагаю, что до моего отбытия были закрыты только те газеты, которые призывали к насильственному свержению Советской власти или же разоблачали некоторые военные тайны.

Юмс. Одобряете ли вы и проповедывали ли вы в своих печатных и устных публичных выступлениях применение саботажа в нашей стране?

Вильямс. Вам следует определить этот термин. Что такое саботаж? Того, что в обиходе известно, как саботаж, я не одобряю.

Юмс. Под саботажем я подразумеваю уничтожение имущества, вмешательство в производство, воспрепятствование успешной работе машин.

Вильямс. Я воздерживаюсь как от одобрения, так и от неодобрения всего этого. Я не могу порицать ураган или вулкан, или советы в России. Я знаю, что это неизбежные вещи. Если вы принимаете вселенную, вы должны с нею принять и все эти явления.

Юмс. Становились ли вы, в ваших публичных заявлениях, на ту точку зрения, что цель оправдывает средство?

Вильямс. Нет, я никогда не высказывал такой точки зрения.

Юмс. Не лежит ли она в основе политики Советского правительства в России?

Вильямс. Нет, конечно, нет. Они пытались применять самые корректные, гуманные и мягкие меры.

Юмс. Не придерживались ли вожди Советской власти взгляда, что цель оправдывает средство?

Вильямс. Нет, эта идея не лежит в основе советской политики. Если бы какое-нибудь другое правительство пришло к власти, ни один из советских руководителей не поверил бы в необходимость убийства официальных лиц нового правительства. Они не думают, что цель — разрушение старого порядка — оправдывает убийство как средство.

Юмс. Не разделяют ли некоторые группы в Соединенных Штатах, перед которыми вы, быть-может, выступали, этого взгляда, что цель оправдывает средство?

Вильямс. Да, безусловно, — такие группы есть. Я говорил однажды перед одной крупной организацией — филадельфийским Сити-клубом и другим клубом купцов и банкиров. По окончании доклада я слышал, как некоторые из этих господ заявляли: „Единственный способ, которым можно разрешить эту проблему, это — вывести большевиков на улицу и вздернуть на фонарь“. В нашей стране очень много людей, верящих в такие методы. Для них решение социалистической проблемы сводится к тому, чтобы изгнать большевиков или истребить их пулеметами.

Позвольте мне теперь ответить м-ру Юмсу. Он говорит, что в нашей стране господствует демократия. Это хорошо в теории, — но как это осуществляется на практике? На деле это осуществляется таким путем. Люди, имеющие крупные деньги, обладают абсолютным контролем над печатью, в значительной степени имеют контроль над преподаванием в школах и в еще более широкой степени осуществляют контроль над законодательством. Другими словами, общественное мнение фабрикуется маленькой группой, которая желает навязать народу известные мнения, известные идеи и известное мировоззрение.

Уолкот. Я хочу поставить вам еще один или два вопроса. Ваша работа здесь, со времени приезда из России, заключалась, насколько я понял, в том, чтобы разъяснять, на основании имеющихся у вас сведений, что̀ представляет собою в действительности советское правительство в России. Высказывались ли вы устно или в печати за установление советского строя в нашей стране?

Вильямс. Нет, я этого не делал.

Уолкот. У меня создалось такое впечатление, что вы это делали; ваша миссия — разрешите мне называть ее так за неимением более под-

ходящего слова — заключалась в том, чтобы вести здесь пропаганду в пользу установления этой формы правления. Ошибочно ли мое понимание?

Вильямс. Оно ошибочно. Мое отношение к советскому строю в России было следующее. Я не знаю, как и вы, является ли советский строй удачной формой правления; он не имел еще свободы действия и не подвергался надлежащему испытанию. Как я уже подчеркивал, советскому правительству приходится вести работу в чрезвычайно тяжелых условиях. Единственное, чего я добивался в Америке, это — внушить понимание того, что этот строй отнюдь не представляет собою оргии хаоса и разрушения, но что он является честной попыткой создать правительство на основе, к которой народ там, повидимому, относится с доверием. И я выступал в Аерике за то, чтобы мы предоставили этому правительству свободу устроить свою судьбу по-своему. Позиция, которую нам надлежит занять, это — позиция выжидания; мы должны посмотреть, возможны ли при советском правительстве лучшие формы жизни, культуры, искусства и распределения ценностей, чем те, которые выработаны у нас. Я лично ничуть не сомневаюсь, что если с течением времени советской строй докажет некоторые свои преимущества перед нашей формой правления, то мы сможем принять эту форму правления и усвоить эти идеи у нас.

ЗАСЕДАНИЕ 24 ФЕВРАЛЯ.

Присутствуют: сенаторы Овермэн (председатель) и Уолкот.

Показание Альберта Риса Вильямса.

[Продолжение.]

Я понимаю, как трудно комиссии определить свою точку зрения, когда здесь столько противоречивых показаний людей, честность которых, повидимому, не вызывает сомнений. Так, есть немало таких, которые скажут всем, что Советское правительство пыталось и пытается обеспечить закон и порядок, что оно опирается на симпатии широких масс русского народа. Но есть и другие люди, которые приходят сюда и говорят совершенно иные вещи. Они рисуют Россию, как страну, целиком охваченную пламенем грабежей, убийств и анархии.

Я думаю, что психология этих последних свидетелей напоминает настроение Бёрка, столь яростно нападавшего на французскую революцию. Бокль очень удачно сказал о Бёрке: „Его сочувствие к страданиям современников было столь сильно, что оно стерло всякое воспоминание о тех страданиях, которыми революция была вызвана".

Вторая причина, почему эти свидетели всячески расписывают весь этот ужасный хаос, беспорядок и убийства, якобы происходящие в России, заключается вероятно в том, что голод и лишения, являющиеся результатом войны и революции, производят угнетающее воздействие на психику людей и заставляют их видеть все в мрачном свете.

В-третьих, не следует упускать из виду, что эти свидетели берут частные случаи и строят на них весьма широкие обобщения. Вы, сенаторы, хорошо знаете, что, если сделать на основании газетных отчетов месячную сводку количества линчеваний, грабежей, убийств и крушений поездов в Америке, то может получиться очень мрачная картина. Но это не будет правильной картиной положения дел в Америке.

Овермэн. Считаете ли вы, что сколько-нибудь значительная часть русского народа стоит за большевизм?

Вильямс. Да, я думаю, что советы пользуются полным доверием со стороны русскаго народа. Советская власть существует уже

15 месяцев, в то время как вначале пророчествовали, что она будет свергнута через три дня, потом — через три недели, через три месяца и т. д. На самом же деле она сейчас сильнее, чем когда-либо.

Овермэн. Возможно, что это правда; но я вас спрашивал, думаете ли вы, что русский народ, независимо от его отношения к советам, верит в большевизм?

Вильямс. В ответ на это я могу сослаться на выборы. При советском строе около 90 процентов мужчин и женщин, достигших 18 лет, имеют право голоса. На выборах советов они в подавляющем большинстве голосуют за советскую форму правления. На это возражают: „Да, но эти выборы — неправильные выборы, они производятся под внешним давлением и происходят в атмосфере террора. Вместо ответа, достаточно привести один пример. Во Владивостоке советская власть была уничтожена чехо-словаками, при содействии японцев и англичан. Месяц спустя они назначили выборы в этом городе, говоря: „Теперь, когда тираны в тюрьме, когда большевистская диктатура уничтожена, у вас будут свободные выборы“. Участвовало в выборах 17 политических партий. Владивосток не был советским городом, и большевистская власть существовала там очень недолго. Тем не менее, когда стали подсчитывать списки, оказалось, что список № 17 (большевистский) собрал больше голосов, чем все остальные шестнадцать вместе взятые. Не думаю, сенатор, чтобы это произошло потому, что население Владивостока состояло целиком из большевиков. Полагаю, что своим голосованием население хотело выразить свой протест против союзнической интервенции. Таков конкретный пример выборов, произведенных не при режиме Советской власти.

Позвольте мне, сенатор Овермэн, прибавить нечто еще более показательное: один канадский офицер, вернувшийся из Омска шесть недель тому назад, говорил, что в городе Омске, по его мнению, 75 процентов населения стали уже большевиками.

Уолкот. С другой стороны у нас здесь были свидетели, недавно выехавшие из России. Эти свидетели определяют количество большевиков только в три процента всего населения.

Юмс. Пять процентов.

Уолкот. Вы правы, пять пропентов.

Вильямс. Нетрудно произвести подсчет. С фронта вернулось около 12 000 000 солдат. Половина из них возвратились с винтовками. Это дает 6 или 8 миллионов ружей в России. И вот, если бы в России существовало широкое и глубокое антисоветское движение, эти винтовки несомненно были бы использованы силами, стремившимися сокрушить Советскую власть. Но этого не случилось. Каждый раз, когда возникала новая угроза Советской власти, эти миллионы винтовок и штыков вста-

вали на защиту советов. На это противники обычно возражают, что в руках большевиков находятся пулеметы.

Уолкот. И прочие боевые припасы?

Вильямс. Да, и боевые припасы. Но нельзя забывать, что в России есть четыре или пять прочных ячеек организованных антисоветских сил. Например, ячейка в Архангельске, куда перебросили около 20 000 солдат, в том числе 5 000 американцев и некоторое количество французов и итальянцев. Согласно полученным оттуда сообщениям, к десяткам тысяч союзнических солдат присоединилось только 1 200 русских. Англичане послали туда около 700 — 800 офицеров-инструкторов, чтобы их обучать, но на каждого инструктора пришлось всего по одному человеку. В Сибири мы выставили против советов около 75 000 чехо-словаков и 60 000 японцев, не считая английских, французских и американских частей. И вот, что же мы видим в Сибири? Мы видим, что, хотя врагам Советской власти была оказана самая широкая поддержка, как моральная, так и экономическая, ни одно из созданных правительств фактически не могло бы удержаться ни одного дня после удаления союзнических войск. Их эвакуация немедленно привела бы к восстановлению Советской власти.

Уолкот. Это ваше предсказание?

Вильямс. Да. Недаром враги Советской власти умоляют об увеличении союзных войск, а не об эвакуации тех, которые находятся в России в настоящее время. Вам известно, что в настоящее время по всей Америке циркулирует письмо одного английского атташе, в котором он говорит: „Ради бога, признайте Советское правительство, ибо никакое другое в России невозможно“.

Меня могут упрекнуть, что я приукрашиваю действительное положение в России. Я этого не делаю. Я знаю, что условия жизни там сейчас очень тяжелы. Во Владивостоке я слышал однажды, как один оратор проклинал Советскую власть за то, что она давала много обещаний народу. Он говорил: „Где ткани, которые они обещали? Где хлеб? Они не только не дали хлеба народу, но, наоборот, сократили паек“. Несмотря на то, что внешняя правота была на его стороне, аудитория выразила резкое неодобрение его речи, и в этом нет ничего удивительного. Народ нуждался в хлебе, жилище, обуви и одежде, но есть еще нечто другое, что ему нужно не меньше, чем хлеб. Рабочий теперь обладает сознанием своей власти. Пусть эта власть несколько жестока, но он ее любит. Впервые к нему относятся не как к животному, а как к человеческому существу. В каждом человеке заложено стремление к великим дерзаниям, к творчеству. И вот теперь благодаря советам, те, кто был раньше порабощен, получают возможность кое-что сделать для создания нового мира и нового порядка.

Вы говорите: они — фанатики. Но в каждом человеке дремлет стремление к лучшему будущему. Его нужно только пробудить. Советы его и пробудили. Они представляют собою воплощение великой мечты. Правильно или нет, эти люди думают, что они выполняют свой долг по отношению ко всему миру. Они чувствуют, что так или иначе, весь остальной мир придет к ним, чтобы позаимствовать создаваемый ими новый общественный строй. Я допускаю, что там, в России, нет порядка, замечается недостаток хлеба, одежды и всего необходимого для жизни. Но я не думаю, что антисоветские свидетели не заглянули в сердце и душу русского народа, так как они не видят того, что советский строй опирается на поддержку всего народа.

Юмс. Вы сказали, что вы выступаете здесь как поборник большевизма, что вы защищаете большевизм, что вы были его защитником и являетесь им и сейчас.

Вильямс. Совершенно верно.

Уолкот. Разрешите мне сделать одно замечание. Все остальные выступавшие свидетели произвели на меня впечатление беспристрастных людей, в то время как вы определенно признали — насколько мне помнится, — в начале нашего показания, что вы являетесь, в известном смысле, сторонником большевиков.

Вильямс. Совершенно верно. Я пытался доказать, что в Америке информация о России обычно черпается из кругов, близких к тем пяти процентами русского народа, которые враждебно относятся к революции. Я вполне согласен допустить, что этим людям много пришлось страдать. Но я пришел сюда, чтобы выразить настроения остальных 95 процентов русского народа.

Уолкот. Кстати, эти многочисленные свидетели, выступавшие здесь, стали бы резко оспаривать ваше мнение, что 95 процентов народа стоят за большевиков.

Вильямс. Я это знаю, и я являюсь одним из тех трех свидетелей, которые стремятся здесь выдвинуть другую точку зрения. Но ваши умы полны тем, что вам говорили бывшие здесь лица. Их идеи сильнее влияют на вас, чем мои.

Уолкот. Все другие свидетели были беспристрастны, вы, — по вашему собственному признанию, — не беспристрастны.

Вильямс. Я не знаю такого свидетеля, который не глядел бы на вещи с предвзятой точки зрения. Я не хочу убеждать себя, что я беспристрастен, ибо моя предвзятость именно создалась на основании того, что я видел. Я недавно прочел в газетах о трех работавших со мной в России молодых людях, к которым я питал глубочайшее уважение и почтение, — трех юношах в возрасте от 19 до 26 лет, недавно расстрелянных в Сибири. Мне трудно, читая такие вещи, оста-

ваться холодным и безучастным, ибо это равносильно тому, как если бы был расстрелян мой единственный брат. Я знаю, что антисоветские свидетели должны волей-неволей отражать настроения класса, среди которого они жили и влияние которого испытывали. Я, со своей стороны, нахожусь под влиянием факта, что люди, с которыми я жил, и которых я так глубоко уважал, были убиты. Порой эта мысль прямо сводит меня с ума.

Я верю в Советскую власть как в великую творческую силу, соответствующую нуждам русского народа. Я верю в нее всей душой, ибо другие правительства самым фактом своей гибели доказали, что они не имели права на существование. Мы знаем, что царское правительство немедленно пало, лишь только разложилась армия. Что касается правительства Керенского, то достаточно было окружить министров в Зимнем дворце, чтобы вызвать падение правительства. Наоборот, чтобы смести Советское правительство, вам пришлось бы уничтожить все местные органы самоуправления.

Уолкот. Мне кажется, что ваша логика слаба. Очевидно был какой-то факто , вызвавший свержение правительства Керенского. Не было ли таковым стремление народа немедленно захватить собственность, вместо того чтобы ждать долгое время созыва учредительного собрания?

Вильямс. Думаю, что вы правы.

Уолкот. Если это так, то разве не верно, что большевистская программа основывалась не на высоких идеалах свободы, как они выражены в советской форме правления, а на свойственных человеческой природе эгоистических стремлениях?

Вильямс. Думаю, что вы совершенно правы. Во всех крупных социальных движениях, хотя бы и имеющих известные идеологические цели, решающую роль играют, как мне кажется, экономические, или, если хотите, эгоистические мотивы. Я против этого не спорю. Я бы хотел, чтобы это было иначе; но нам приходится принять это как факт. Вы правы, говоря, что в течение лета 1917 г. русский народ истомился; он перестал верить, что когда-либо соберется учредительное собрание и что наступит конец войне. Крестьяне, заявляя, что земля „божья и народная", пошли захватывать земли, жгли помещичьи усадьбы и скирды и совершали много грубых и жестоких актов. Мы видели, как рабочие таким же образом захватывали фабрики, временами портили и уничтожали материал. Мы видели солдат, которые из-за отвращения к войне бросали винтовки и десятками тысяч покидали фронт. Массы, усталые от войны, истощенные и разочарованные, как будто толкали Россию в бездну хаоса, анархии и мрака. Я указывал, что, по моему глубокому убеждению, если бы не нашлась группа людей, понимавшая, что для руководства этим могучим, глубоким и стихийным

народным движением требуется правительство, не останавливающееся перед самыми радикальными мерами, Россия действительно была бы ввергнута в анархию, хаос и мрак. Но большевики сумели овладеть этими разыгравшимися стихийными силами и направить их на созидательную цель. Они пользовались доверием народа, и народ возложил на них все свои надежды. Как я говорил раньше, мы должны понять психологию русского народа. Девятнадцать из каждых двадцати русских считают, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Они никогда не думали, что крупные помещики имеют какое-нибудь право на землю. Крестьяне, которые по собственному почину захватили земли без всякой законной санкции, вовсе не считали, что они делают нечто незаконное.

Советское правительство стремится выявить и организовать естественные скрытые силы, которыми мы не пользуемся. Я хотел бы показать вам одну из брошюр, которые были розданы демобилизованным солдатам при их возвращении домой из окопов. Брошюра была написана человеком, понимавшим психологию солдат. Солдаты были большей частью крестьяне. Брошюра прежде всего говорит покидающим окопы солдатам: „Вы отправитесь в Москву или Петроград. Не тратьте все ваше время на разъезды в трамваях, которые и без того переполнены. Идите на такую-то улицу в центральный крестьянский дом и попросите там литературу. Если вы неграмотны, попросите рабочего прочесть ее вам. Если этот рабочий, в поте лица потрудившийся целый день, рассердится, не сердитесь на него“. Далее говорится: „Идите в советское ваше правительство, и, если вы не сможете пожать руку Ленину или Троцкому, то вспомните, что они очень заняты и поглощены разными делами. Поэтому не обижайтесь на них“.

Затем в брошюре сказано: „Солдаты, на поезде не проводите все ваше время, играя в карты, постарайтесь найти одного или двух людей из вашей деревни и побеседуйте с ними о положении. Если вы сами не можете прочесть имеющихся у вас брошюр, обратитесь к какому-нибудь грамотею.“

Далее, в отделе III, читаем: „По прибытии в деревню, один—два дня посвятите отдыху. Затем попытайтесь рассказать крестьянам все, что вы знаете о политическом положении. Постарайтесь узнать, как у них обстоит дело с пьянством. Примите меры против спаивания народа водкой. Подумайте, что̀ вы можете сделать для организации местной военной секции. Узнайте, как обстоят дела с посевом. Постарайтесь втолковать им, что рабочие в городах заняты борьбой с врагами и не имеют возможности изготовлять плуги, лопаты и грабли для крестьян и что поэтому крестьяне должны давать им хлеб, даже если не получат взамен нужных им плугов, лопат и граблей“ и т. д.

Кроме того, в книжке содержались самые точные и ясно изложенные инструкции относительно порядка демобилизации и разъезда солдат по домам. Вот почему возвращение 12 000 000 человек сопровождалось минимальным количеством грабежей и убийств. Конечно, такие случаи были. Я сам ездил на поездах, в которых солдаты разбивали окна и располагались на крышах вагонов, но удивительным доказательством организаторской способности Советской власти был тот факт, что она смогла влить снова в деревню и промышленность 12 000 000 народу.

На днях я видел в Чикаго профессора Ломоносова, и он вручил мне много доставленного из России материала о положительной работе, произведенной Советским правительством.

Уолкот. Кто он такой?

Вильямс. Профессор Ломоносов был одним из трех лиц, посланных сюда при Керенском. Это автор 15 томов по железнодорожному делу. Он написал несколько статей, в которых объяснял, почему русские должны сотрудничать с Советской властью. Он лично разработал и предоставил мне целую массу материалов, касающихся деятельности Советского правительства. Я хочу вам их оставить.

Уолкот. Это все проекты?

Вильямс. Отчасти проекты, отчасти уже осуществленные планы.

Юмс. Мистер Вильямс, разрешите предложить вам еще один вопрос. Поехали ли вы в Россию как газетный корреспондент, или как писатель?

Вильямс. Я отправился туда по поручению газеты „Нью-Иорк Ивнинг-Пост“.

Юмс. Получали ли вы от нее жалованье?

Вильямс. Нет.

Юмс. Вы пробыли в России около года?

Вильямс. Да.

Юмс. Сколько времени вы пробыли на службе русского большевистского правительства?

Вильямс. Приблизительно пять — шесть недель.

Юмс. Вы говорили в субботу, что вами получено 300 рублей за какую-то произведенную вами работу?

Вильямс. Да.

Юмс. Получали ли вы, кроме того, вознаграждение от русского правительства?

Вильямс. Я этого хорошо не помню. Думаю, что общая сумма полученная мною, выражается цифрой в 536 рублей. Сюда, пожалуй, следует еще прибавить право пребывания в гостинице „Националь“ по удешевленному тарифу и льготный билет на проезд по Сибирской железной дороге.

Юмс. Это единственное полученное вами вознаграждение; остальные расходы вы покрывали сами?

Вильямс. Во время моего пребывания в России я взял взаймы у Робинса 6000 рублей, на которые он имеет мою расписку. Все жалованье, полученное мною от Советского правительства, не превышает 60 долларов.

Юмс. Вы рассчитывали получать от них деньги и в дальнейшем, после открытия информационного бюро?

Вильямс. В случае открытия мною бюро информации, деньги должны будут черпаться из американских источников. Всем известно, что жалованье любого комиссара русского правительства составляет 600 рублей, т.-е. приблизительно 60 долларов.

Юмс. Здесь много говорили насчет контрибуций, которые вымогались этими людьми, получавшими 60 долларов в месяц. Что вам об этом известно?

Вильямс. Не думаете ли вы, чего доброго, что Советская власть...

Юмс. Ее методы у нас именуются грабежом. В России пользуются более почтенным названием „контрибуции".

Вильямс. Относительно всех крупных вождей наверное почти все свидетели, выступившие перед этой комиссией, подтвердят, что это — люди незапятнанной честности и идеалисты чистейшей воды. Они не боялись ответственности, не боялись смерти и не боялись работы, что в России весьма замечательное явление. Никто не может ни в чем обвинить этих людей. Итак, какие основания имеются для того, чтобы предъявлять им обвинения в хищениях? Когда большевики взяли государственную власть, Советское правительство, как мы уже упоминали, саботировалось ителлигенцией, которая отказалась помогать рабочим и крестьянам в их великом труде. Поэтому большевики вынуждены были привлекать к работе людей без большого разбора. Таким образом, в совет проникло много грабителей и преступников. По официальным данным, 40 процентов людей, расстрелянных во время красного террора, были советские представители власти, признанные виновными во взяточничестве или воровстве.

Вот что случилось там: великий стопятидесятимиллионный народ вдруг разбил свои цепи и из мрака подземелья вышел на свободу. В первые месяцы он был ослеплен дневным светом, но затем серьезно принялся за суровую тяжелую работу по перестройке человеческой жизни на основе справедливости, выставляя идеалом новое человеческое братство. Кто-то, кажется, сказал, что они стремятся к небу, но, чтобы достигнуть его, идут через ад. Думаю, что в этом утверждении есть некоторая доля правды, но разве мы не знаем, что для

того, чтобы произвести на свет ребенка, нужно испытать ужасные мучительные страдания и совершить подвиг самоотвержения?

Уолкот. Какими способами финансировались ваши лекционные турнэ в Америке? Говоря о лекциях, я имею в виду те, на которых вы выступали с речами, касающимися России, большевиков и Советского правительства.

Вильямс. На прошлой неделе я выступал на большом митинге рабочего института в Чикаго. Входная плата была установлена в 15 центов, и 5000 человек ее уплатило. Аудитория очень интересовалась положением дел в России. От этого митинга я получил 150 долларов. На следующий день я говорил в Чикагском городском клубе. Там собираются дельцы, которые могут позволить себе заплатить за митинг, но я заработал там только 65-центовый обед.

Уолкот. Вы говорите, что вы получаете вознаграждение от интересующихся Советской Россией людей? Что же, это регулярный источник дохода?

Вильямс. Нет, это очень непостоянный источник дохода. Наиболее регулярный доход получается от брошюры под заглавием „Большевики и Советы“, за которую я получаю полцента с каждого проданного экземпляра. Затем я получаю известное вознаграждение за статьи, написанные мною для „Нью-Репеблик“, „Нэйшон“ и т. д.

Уолкот. Словом, вы получаете гонорар за ваши статьи?

Вильямс. Да.

Уолкот. Есть ли еще какая-либо организация, которая снабжает вас деньгами?

Вильямс. Таковой нет.

Уолкот. Я ставлю эти вопросы не из праздного любопытства. Долг комиссии — выяснить, как организована пропаганда, если таковая ведется, и каковы источники, из которых черпают те или иные суммы для ее поддержания.

Вильямс. Насколько мне известно, до сих пор ни один цент не был прислан в Америку из России для целей пропаганды. Позвольте мне спросить, не было ли задачей комиссии включить в сферу своего изучения все русские политические партии и их пропагандистскую деятельность в Америке?

Уолкот. Мне не помнится, чтобы резолюция сената была столь широкой.

Вильямс. Значительная часть американского общества желает узнать, каковы источники средств для пропаганды, организованной в столь широком масштабе, с целью вызвать интервенцию в России, которая, как всякий теперь знает, является совершенно бесполезным и обанкротившимся предприятием.

Уолкот. Это уж конечно не входило в задачи комиссии.

Вильямс. В подлинном тексте резолюции говорится „о всех политических группах в России, ведущих агитацию в Америке“. Я повторяю, что ваше расследование, если оно доберется до корней, обнаружит, откуда получает свои средства так называемое русское информационное бюро, ведущее ожесточенную пропаганду против советов, как оно эти средства тратит, и кто его агенты.

ЗАСЕДАНИЕ 6 МАРТА.

Присутствовали: сенаторы Овермэн, Стерлинг, Нельсон и майор Юмс.

Показания Раймонда Робинса.

[Приведенный к присяге председателем, свидетель показывает, что он проживает в Чикаго, в России провел 11 месяцев с июля 1917 г. по 1 июня 1918 г., состоя на службе в американской миссии Красного Креста в России, во главе которого находился в течение последних шести месяцев. За время своего пребывания в России свидетель дважды побывал в Сибири, около недели провел на юге России, шесть — семь месяцев в Петрограде, около трех месяцев в Москве и несколько раз посещал Вологду.]

Юмс. Вы прибыли в Россию после мартовской революции?

Робинс. Да; на мне, как на члене миссии Красного Креста, лежала обязанность ведать делом снабжения продовольствием и забота о беженцах военного времени. В течение первых недель моего пребывания в России, когда я работал в Сибири и в южной России, в хлебных областях Украины, у меня создалось убеждение, которое я и сообщил своему начальству, что в России продовольствие для питания населения имеется в изобилии; что весь вопрос заключается в накоплении его и распределении из районов производящих — в районы потребляющие, и что этому делу в значительной степени препятствует развал всей экономической системы и транспорта, не могущих, как следует, функционировать под контролем Временного правительства. Председатель совета министров Керенский ограничился увольнением нескольких высших чиновников старой самодержавной бюрократии, но фактически оставил в неприкосновенности бюрократию, в руках которой попрежнему осталось руководство железнодорожным делом и предприятиями общественного пользования. Эта группа старых чиновников была далеко не в восторге от революции. Они не сочувствовали революции и занимались интригами, саботажем, искажали смысл приказаний. Они не оставляли работы, но и не работали.

В первые же недели я обнаружил, что Временное правительство не пустило прочных корней в русской жизни как новый орган общественного контроля или политической связи. Реальная власть его существовала в большей или меньшей степени только в Петрограде,

Москве и немногих других местах. Я встретился с фактами, характеризующими это положение тогда, когда, с мандатами Керенского в кармане, пытался вести порученное мне дело. При посещении деревень или городов я обращался к местным жителям с просьбою выполнить приказание, а они при виде мандатов от Керенского только смеялись и говорили: „Повидайте-ка прежде председателя совета". Я в то время не знал, что такое совет. Я слышал это слово, но совершенно не понимал его значения. Я спросил: „Что такое совет?" Мне ответили: „Это рабочие, солдатские и крестьянские депутаты". Я сказал им: „Это революционная организация. Мне же нужна гражданская организация — земская управа, волостное управление — словом какая-нибудь регулярная гражданская власть". Они возразили: „Это не приведет ни к чему. Вам лучше повидать председателя совета". Во многих случаях, сенатор, когда мне удавалось увидеть председателя местного совета, и он — не вследствие приказа Керенского, а по собственному решению, соглашался сделать то, о чем я просил, мое желание выполнялось без всяких помех. Если мне нужен был поезд, я его получал, если нужны были шесть телег для перевозки зерна из деревень на станцию, мне давали эти шесть телег. Я на деле убедился, что реальная власть принадлежит советам, а не органам Временного правительства.

Старая монархическая власть опиралась на небольшую группу людей, осуществлявшую управление из центра. Революция смела с лица земли эту группу. Связь национальной жизни России ослабела. Она оставалась бессильной и покинутой. Ни первое революционное правительство, ни Временное правительство Керенского не сумели проникнуть в провинцию и в деревню. Однако, бок-о-бок со старыми отжившими учреждениями, на ряду с попытками вдохнуть жизнь во Временное правительство, в русской жизни вырастал совет — новая определенно революционная, социальная власть, объединявшая, в чем я лично убедился, очень большую часть населения России, — рабочих, крестьян и солдат. Так как мне приходилось сотрудничать с этой новой социальной властью, я был заинтересован в том, чтобы выяснить, какова была ее сущность, насколько она была прочной, чего можно было ожидать от ее сотрудничества как для русского народа, так и для дела союзников. Пытаясь выяснить причины происхождения советской власти, я пришел к заключению, что она возникла из двух источников: первым из них были рабочие, крестьянские и солдатские революционные организации, восходящие к революции 1905 г.; другая ветвь восходила к древнейшей славянской истории, к общинной власти, к старому деревенскому „миру", учреждению, возникшему на почве общинного землевладения.

Возвратившись в Петроград, я в своем докладе о создавшихся условиях считал по невежеству, что мы могли восполнить недостаточную власть Временного правительства Керенского попыткой опереться на военные силы. В виду того, что заготовка и распределение продовольствия являлись основным условием боеспособности армии, было вполне правильно пользоваться в этом деле всеми средствами, какие могли оказаться полезными. На совещании с участием военного министра Савинкова, министра земледелия Чернова, министра финансов Некрасова, премьер-министра Керенского и главнокомандующего Корнилова, начальника военных сил на фронте, было решено назначить полномочного комиссара по продовольственным делам.

Стерлинг. Все это случилось при власти Керенского?

Робинс. Да. Одно время, в августе 1917 г., предполагалось, что таким комиссаром будет Батолин, выходец из крестьян, хлебный спекулянт, способный и опытный торговец, — человек, имевший целую флотилию на Волге, около 800 агентов, разбросанных в хлебных областях Сибири и Украины, и множество банков. Он, по своей компетентности, мог оказать немалые услуги в деле заготовки и распределения продовольствия; он был согласен предоставить свою организацию в распоряжение правительства, подобно тому, как и в нашей собственной стране частные организации готовы были служить правительству во время войны. Далее было решено, чтобы один член американской миссии Красного Креста стал помощником комиссара продовольствия Батолина. Мы должны были обратиться к Гуверу, как продовольственному комиссару союзников, с просьбой предоставить некоторое количество тоннажа для перевозки в Россию молока и других предметов питания, которые нельзя было достать ни в России, ни в соседних с нею странах: Швеции, Норвегии и Дании. Далее, мы должны были выпустить обращение к русскому народу, призывая его к бережливости, гарантируя ему, что вопрос с продовольствием будет разрешен компетентными органами, что мы преодолеем все трудности, будем бороться за революционную Россию и свободу других наций, равно как и против германской автократии. По этим пунктам было достигнуто соглашение. Однако, назначение Батолина откладывалось со дня на день, пока, наконец, Керенский не заявил: „Назначение мною будет подписано не раньше окончания Московской конференции. Эта конференция значительно укрепит положение Временного правительства, и мы тогда подпишем это назначение и примемся за дело“. Я, естественно, жаждал приступить к работе, потому что продовольственное положение в России требовало немедленных мероприятий. Я поехал в Москву, Московская конференция хорошо отражала картину общего положения в России.

*

Здесь было 1500 делегатов, представлявших различные группы в России, так называемую буржуазию, помещиков, промышленников, крестьян, казаков, флот, банковские круги, дворян, — словом все группы, за исключением царской семьи и великих князей. Из 1500 делегатов там было 300 рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от советов. Они знали, чего они хотели. Они хотели взять землю и дать ее трудящемуся крестьянству. Они намерены были организовать рабочий контроль над фабриками и приступить к проведению в жизнь принципов революционного социализма, в духе которого они воспитывались в течение 40—50 лет. В последний день съезда произошел явный раскол между главнокомандующим армией Корниловым и Керенским.

Овермэн. Был ли Корнилов казаком?

Робинс. Да, он был казацким генералом. В конце этого последнего дня еще ранее назревшие разногласия выразились в обмене резкостями между некоторыми казачьими офицерами и Керенским и в остром конфликте между обеими группами, т.-е. между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и представителями старого порядка — с другой. О Корнилове говорилось, что он реакционер, желающий восстановить самодержавие. Мое личное мнение, основывающееся на моем личном с ним знакомстве, противоположно этому взгляду.

Стерлинг. В этом расхождении на конференции группа Керенского представляла солдат и рабочих?

Робинс. В основном — да. Корнилов был, по-моему, честный, патриотически настроенный казачий генерал, человек с посредственными способностями и большим честолюбием, человек, который был одержим в течение всего периода, как и почти все русские военные, наполеоновской манией: он хотел стать русским Наполеоном. Реакционные группы со всех сторон внушали ему идею, что он станет господином положения в России, что он может создать порядок и дисциплину из хаоса в России, и что он призван к этому делу. Правда, реакционеры не говорили Корнилову, что он должен восстановить старый порядок, но старались использовать его именно для этой цели. Положежение Керенского нисколько не укрепилось, благодаря Московской конференции; наоборот, оно стало еще слабее.

Нельсон. Вы перескакиваете на другую тему. Каков был результат московского съезда?

Робинс. Он окончился принятием ряда бумажных резолюций. Никаких важных решений вынесено не было, и в результате еще ярче обнаружилась господствовавшая в России неразбериха. После нашего возвращения в Петроград, Керенский откладывал назначение Батолина под тем или иным предлогом до тех пор, пока мы не очутились перед лицом корниловской авантюры. Корнилов выпустил прокламацию из

ставки верховного главнокомандующего, в которой выступил с обвинением против Керенского и Временного правительства и заявлял о своем намерении установить дисциплину и порядок. В то же время он двинулся со своими частями на Петроград. По моему мнению, Керенский перед лицом создавшегося положения был беспомощен как ребенок. Некоторые утверждают, что Керенский во время сентябрьской авантюры Корнилова помешал последнему восстановить законность и порядок в России. По-моему, это ребяческий взгляд. Насколько мне известно, дело происходило совершенно иначе. Как только началось наступление Корнилова, из Смольного, штаба Всероссийского совета, где заседал его исполнительный комитет, а не из Зимнего дворца, где находился Керенский и правительство Керенского, был выпущен приказ к Кронштадту — мобилизовать большевистских матросов флота. Они были переведены в Петроград, и расположились лагерем на Марсовом поле. По приказанию из Смольного, они сняли караулы юнкеров, расставленные кругом Зимнего дворца, и заменили их большевистскими моряками, превратив Керенского буквально в пленника на целых четыре дня, покуда не выяснилась неудача предприятия Корнилова. Из Смольного, а не из Зимнего дворца, вышел приказ окружить гостиницу „Асторию" большевистскими войсками, которые обыскали эту гостиницу, арестовали 40 генералов, слывших за сторонников старого режима, и так называемый штаб контр-революции вместе с его архивом. Далее был отдан приказ вырыть траншеи в окрестностях Петрограда, расставить пулеметы и установить орудия на крышах крупных зданий для встречи Корнилова и спасения революции от реакции. Объявлена была мобилизация красной гвардии в крупных фабричных районах Выборгской стороны. Мобилизованных рабочих обучали и подготовляли для отражения этого наступления; но ни одна часть этих войск не была пущена в ход, потому что вмешательство совета сделало свое дело без применения силы. „Вся власть советам", „Товарищи, вы не станете сражаться против революции" — вот те лозунги, которые нанесли поражение Корнилову.

В дни корниловского мятежа большевики явились к нам и заявили, что американский Красный Крест участвовал в корниловской авантюре. Офицер, стоявший в то время во главе этой миссии, заявил, что мы не имеем ничего общего с этой авантюрой и что не намерены содействовать целям, к которым она стремилась.

В дискуссиях того времени выявилось, как мне кажется, противоречие между психологией дипломатических и военных кругов, психологией файф о'клоков и бульваров и теми исключительными необычайными событиями, которые происходили в России. Если вы ознакомитесь с этими событиями, вы поймете невязку между столь противоречивыми показаниями одинаково искренних и одинаково честных людей.

Эта невязка была обусловлена тем, что одни свидетели, прислушиваясь к мнению файф о'клоков и бульваров, глядели на события глазами семи процентов населения, т.-е. той группы, которая при старом режиме была хозяином положения, другие же смотрели глазами этой бурлящей, необычайной, революционной России, представляющей около 93 процентов населения. Между этими двумя лагерями непрерывно происходила борьба мнений и мировоззрений. Семь процентов говорили, что за Корниловым идет два миллиона казаков, что наступление поддерживается всей буржуазией, поддерживается георгиевскими кавалерами, лигой армии и флота, посольствами и миссиями, союзниками и т. д., и что он восстановит порядок. Это вполне соответствовало чаяниям обывателя, но ошибка обывателя заключалась в том, что он смотрел на Россию, как на европейскую страну, — страну с многочисленным средним классом, который, обладая более или менее крупной собственностью, проникнут сознанием своих прав и является оплотом закона и порядка. Однако, такого оплота в России не было. Эти семь процентов владели всевозможными материальными благами и удерживали их силой казацкой шашки и нагайки. Остальные же 93 процента ничего не имели, за исключением своего труда, который к тому же прескверно оплачивался. Эти 93 процента теперь сбросили с лестницы те семь процентов и стали хозяевами положения, так как в их руках было 12 миллионов винтовок. Неужели можно думать о восстановлении прежнего положения путем наступления казацкого генерала, поддерживаемого семью процентами населения? Но именно эта попытка была сделана Корниловым, и в результате, когда он достиг Пскова, в его распоряжении оставалось менее 20 000 казаков. На следующее утро десять тысяч этих людей отказались наступать, Корнилов сдался и был взят в плен. При этом не было сделано ни одного выстрела и не было убито ни одного человека.

Овермэн. На какое расстояние Корнилов приблизился к Петрограду?

Робинс. На расстояние около 80 миль. Союзные представители участвовали в этой авантюре из искренних и патриотических побуждений. Будучи тесно связаны со старым режимом, они не входили ни в какие устные соглашения с новым строем, и внимательно прислушивались ко всему тому, что говорили семь процентов, сознававшие, что в случае укрепления революции, им придется навсегда распроститься со своими старыми привилегиями.

Овермэн. Когда вы говорите о союзных представителях, кого вы имеете в виду?

Робинс. Я имею в виду представителей в России союзных правительств: Франции, Англии, Америки и Италии.

Овермэн. Вы подразумеваете посольства?

Робинс. Посольства и официальные комиссии, за единственным исключением американского Красного Креста. В то время между нами не было конфликта: естественно, что, ознакомившись с положением, существовавшим в России, мы увидели, что должен быть сделан иной вывод, чем тот, на который опирались другие; к счастью, правильность нашей точки зрения подтвердили дальнейшие события.

После краха корниловской авантюры авторитет Керенского сильно пал, так как повсюду среди рабочих и крестьян говорили, что Керенский не сумел остановить контр-революции, а остановили ее они сами. Таким образом, Керенский все более и более выпускал из своих рук реальную власть.

Теперь уже было бесполезно пытаться объединить гражданскую и военную власть в лице Керенского и добиться результатов назначением опытного продовольственного администратора. Было решено выяснить, далеко ли проникла пропаганда пораженчества в казармы и в солдатскую массу.

В России существовали две группы, стремившиеся к дезорганизации русской армии; одна состояла из германских агентов, снабженных большими деньгами, очень ловких и опытных людей, другая — вполне искренняя, но, по моему мнению, находившаяся в ужасном заблуждении, состояла из большевиков, убежденных в том, что классовая борьба — единственная, о которой стоит говорить. На практике это учение сводилось к признанию того, что настоящая война между центральными державами и союзниками была вызвана соперничеством капиталистов из за обладания рынками; что единственная война, которую стоит вести, это — война классов за экономическую власть. Это революционно-социалистическое учение было широко распространено в России; оно поддерживалось планами германских агентов и их деньгами, поддерживалось ложно направленным, но вполне искренним революционным влиянием большевиков. Все это, однако, сводилось к одному, именно — к дезорганизации в России и к прорыву фронта. По приказанию моего начальства я посещал казармы, чтобы говорить перед русскими солдатами. За все время я выступал перед многими тысячами солдат всех родов оружия.

Я неоднократно рассказывал им об американской политической системе, об американской демократии; я объяснял им нашу систему партий и нашу систему свободного обучения, которая вызывала большой интерес по всей России. Они жаждали общего обучения, в котором им отказывали в течение множества поколений. Я говорил им о наших школах, — начиная от детского сада и кончая государственными университетами, — доступных для всех граждан обоего пола, и все это

их крайне интересовало. Затем я переходил к причинам вступления Америки в войну, подчеркивал тот факт, что Америка не вмешалась в войну, пока они не свергли своего царя; что все свободные народы борются против германского милитаризма; что союзники хотят помочь русским осуществить их революционную цель — свободу; что мы должны продолжать бороться, чтобы выиграть мировую войну против германской военной автократии. У меня были рекомендации от рабочих групп нашей страны, что мне открыло доступ в соответствующие организации и позволило выступать в качестве рабочего представителя, тем более, что в молодости я был горняком и умел говорить языком, понятным для народа. Я активно участвовал в рабочем движении в Америке, хотя я тогда был, да и теперь являюсь, антисоциалистом. После моей речи мы открывали каждый раз беседу в форме вопросов и ответов на вопросы; эта беседа продолжалась до тех пор, пока мы совсем не валились с ног от усталости. Ни одна аудитория на свете не способна извлечь от оратора столько, сколько русская аудитория.

Порой дело чуть не доходило до драки, но обыкновенно к концу беседы страсти затихали. В таких дискуссиях мы непосредственно знакомились с подлинными настроениями и запросами рабочих и крестьянских масс. А лозунгами этих масс было: „хлеб, земля, мир, спасение революции и отказ от участия в империалистической войне". Причину этому найти нетрудно. Дело в том, что Россия вступила в войну по приказу царя, и в глазах революционной России война была царским предприятием. Чувства, господствовавшие среди русских крестьян и рабочих, когда они свергали царя, сводились приблизительно к следующему: „Мы вышли сражаться, потому что царь приказал нам воевать; нам пришлось итти, ибо над нами были казацкая нагайка и шашка. Ради чего велась война? Ради империалистических целей самодержавия и православной церкви; ради водружения православного креста на св. Софии; ради захвата Дарданелл; ради вящшего могущества самодержавной власти. И вот мы пробыли три года в окопах. Мы потеряли 4 000 000 наших братьев, 2 000 000 из которых томятся в рабстве в лагерях центральных империй, а 2 000 000 убито; так почему же мы все еще воюем? Нас почти все время морили голодом и держали полуодетыми, а наши семьи страдали дома. Германские солдаты сражаются против нас только потому, что кайзер заставляет их делать это, подобно тому, как и нас принуждает воевать с ними царь".

Как только совершилась революция, — первая революция 1917 г., люди из буржуазного класса и высшей аристократии, постаравшиеся в начале войны занять места, которые раньше занимали немцы, были выброшены вместе с царем и аристократией. Это усилило паралич и привело к тому, что во главе администрации осталось меньше людей,

разбиравшихся в хозяйственных вопросах. Экономический паралич явно продолжался в течение всего правления Керенского. Причиной развала армии и дезорганизации русской жизни явилось экономическое обнищание, недостаток пищи, недостаток одежды, невозможность удовлетворить обычные потребности повседневной жизни. Все это создало благоприятную почву для пораженческой пропаганды.

Когда я начал понемногу разбираться в настроениях солдатских масс, я сделал доклад моему начальнику. Им был в то время полковник Вильям Б. Томпсон из Нью-Иорка.

Этот человек, прибыв в Россию, благодаря своим знакомствам, сделался легкой добычей очаровательных и интересных семи процентов населения. Его чествовали обедами, он посещал их собрания и вечеринки. Но он почуял настроение, господствовавшее на улице, и пришел к тем же выводам, которые сделал я из непосредственных наблюдений над массами. Я не имею никаких оснований ставить себе в заслугу эти выводы, так как они были навязаны мне самой жизнью. Я постоянно сталкивался с Советом, и, наконец понял, что он существует. Наоборот, этот светский человек, благодаря проницательности своего ума, сумел интуитивно разобраться в положении.

Он был начальником миссии. Он был полон горячего желания послужить американским национальным интересам. Мы обсуждали положение дел и, излагая вам теперь свое мнение на этот счет, я, большей частью, повторяю вещи, которые он мне внушил. Некоторые говорят, будто я руководил Томпсоном, но это неправда. Он обладал несомненно самым большим умом из всех членов американской миссии Красного Креста. Он думал за нас всех. Я заявляю в вашем присутствии под присягой, что, когда я переставал ориентироваться в этом сложном положении, — а это случалось неоднократно, — он звал меня к себе и говорил: „Вот правильный путь, Робинс“, — и каждый раз он оказывался прав. У него был безошибочный нюх, как у настоящей охотничьей собаки, и он всегда знал, куда клонится дело.

Он говорил: „Пораженчество все прочнее и прочнее укрепляется в России“. Я отвечал: „Да, полковник, оно стремится дезорганизовать всю страну. Что же касается союзной пропаганды, то она хуже, чем ничто“. Союзная пропаганда, сенатор Овермэн, сводилась к картинкам и листовкам на тему о том, как велика Франция, как сильна Англия, как могущественна Америка: „У нас будет через несколько недель на фронте 20 000 аэропланов. Через два—три месяца мы будем иметь на фронте 4 000 000 солдат. Мы выиграем войну одним махом“. Крестьянин, мужик, говорил: „Ах, вот как... ну, если союзник выиграет войну одним махом, мы, которые долгое время сражались и работали, поедем посмотреть на наших домашних“. И практическим результатом союзной

пропаганды было не укрепление, а ослабление настроения, насколько я мог судить по своим наблюдениям.

Мы были согласны в том, что совершенно невозможно заставить революционные массы смотреть на вещи глазами союзников, но в то же время возможно было побудить их бороться против Германии ради спасения революции. А если бы они стали служить нашему делу, то не все ли нам равно, ради чего это они делают? И мы говорили себе: „Мы должны изобразить защиту фронта и поражение германской военной автократии как спасение революции, что в сущности даже и верно. Мы должны сказать, что, в случае победы германской военной автократии, русская революция обречена на гибель. Мы должны расписывать это до тех пор, пока средний солдат и крестьянин не увидит за германскими штыками дворян и помещиков, пришедших вернуть себе земли, и промышленных феодалов, готовых вместо 8-часового рабочего дня и 15 рублей поденной платы, завоеванных революцией, вновь восстановить двухрублевую заработную плату и 12-часовой рабочий день дореволюционной эпохи полурабского существования на фабриках, заводах и в рудниках. Мы должны заставить их увидеть, что за германскими штыками идут великие князья, чтобы уничтожить их местные самоуправляющиеся советы. Если мы это сделаем, мы сможем спасти положение".

На втором или третьем совещании по этому вопросу всплыл вопрос о деньгах. Это было крупное предприятие. „Как вы его осуществите"? Да, стало вполне очевидно, что оно было неосуществимо. У нас не было аппарата для его осуществления, не было ни американского, ни союзнического бюро, которое можно было бы использовать для этой цели. Союзники в глазах крестьянской России были не лучше царского самодержавия. Предприятие должно было быть русским, и притом, революционным.

В то время в Зимнем дворце находилась мадам Брешковская, эта героическая фигура старой женщины, быть-может, величайшая революционная фигура своего времени. Мадам Брешковская, после сорокалетней службы революционному делу в России, находилась тогда в Зимнем дворце в Петрограде, вернувшись из Сибири, при чем ее возвращение оттуда вылилось в форму настоящего триумфального шествия. В Петрограде ее встретила бесчисленная толпа народу. Эта старая женщина, интеллигентка и революционерка, была проведена из вокзала в царскую комнату, где ее приветствовали министры и другие высокопоставленные лица. Теперь она жила в Зимнем дворце в великокняжеских комнатах, которые выходят окнами на Петропавловскую крепость, где она провела три года в заключении. Это было драматическое, потрясающее по своему величию, положение. Я знавал ее около 12 лет,

и тогда, когда она была в Америке, и помогал ей в некоторых областях ее работы в это время. Я знавал и Николая Чайковского, вполне искреннего, настоящего революционера, бывшего в то время главою крестьянской кооперации в России.

Полковник Томпсон дал свое согласие на организацию комитета гражданского воспитания в свободной России. Мадам Брешковская должна была быть председательницей комитета, а в качестве членов намечены были Николай Чайковский, Лазарев, русский революционер, который был раньше в Швейцарии заведывающим молочной фермой, в действительности служившей в течение многих лет подпольной квартирой для русских революционеров. Он пользовался большой популярностью, благодаря услугам, которые он оказал своей стране. Кроме того, там был генерал Нейслаковский, наиболее надежный человек из штаба Керенского, который деятельно сотрудничал с этим комитетом в военном отношении, и Давид Соскис, личный секретарь Керенского. Все эти лица должны были организовать „Комитет гражданского воспитания свободной России“. Программа была следующая: „Мы начнем с того, что купим несколько газет, в то же время будем издавать специальные агитационные брошюры для крестьян и рабочих, написанные простым общепонятным языком. Мы разошлем на фронт и в деревни это новое евангелие борьбы против германской военной автократии, отнюдь не в целях поддержки союзников, а ради спасения революции“.

При обсуждении этого плана естественно всплыл вопрос о деньгах и была высказана мысль, что дело связано с большими расходами; я высказал мнение, что для начала нам нужно не меньше 6 миллионов. В посольствах не было денег. В миссиях не было денег. В конце концов Вильям Б. Томпсон приказал мне начать дело; а когда я упомянул, что для этого нужна большая сумма, он сказал: „Вы получите кредит в Петроградском отделении Сити-Банка на 12 миллионов рублей“. Мы достали 12 миллионов рублей, и эти 12 миллионов рублей получены из кармана Вильяма Б. Томпсона, из его личного состояния. Это и есть те деньги, о которых в Америке кричали, будто они истрачены на большевиков. Вильям Б. Томпсон никогда и нигде не истратил ни одного доллара на большевиков, но истратил не один миллион долларов из собственных средств, чтобы сделать попытку воспрепятствовать большевикам захватить власть над Россией.

Итак, мы немедленно приступили к делу. Было ясно, что пропаганда должна носить преимущественно устный характер, ибо в России столько неграмотных, что нет возможности вести ее посредством печатного слова или даже плакатов. Связи мадам Брешковской и Николая Чайковского, а также наши связи с генеральным штабом позволили нам создать целый кадр пропагандистов — солдат и крестьян —

которых мы направляли в казармы и в деревни в целях пропаганды. У нас было более 800 мужчин и женщин, испытанных революционеров, находившихся под руководством мадам Брешковской и Николая Чайковского. Все они были вовлечены в работу. В то же время американскому правительству была телеграфно передана через Красный Крест просьба выслать в десятидневный срок один миллион долларов, высылать далее по три миллиона в месяц в течение трех месяцев, чтобы двинуть вперед наше дело.

Стерлинг. Могу ли я поставить вам вопрос? В чем состояло это просветительное дело?

Робинс. В разъяснении революционным элементам армии и деревне, насколько безусловно необходимо для спасения революции удержать фронт и нанести поражение германской военной автократии.

Стерлинг. Понимаю.

Робинс. Это было необходимо для их целей, но не для наших. Но случилось так, что это послужило на пользу и нашим интересам.

Стерлинг. Совершенно верно.

Робинс. Мы получили ответ на нашу каблограмму три слишком недели спустя после ее посылки, — двусмысленный ответ, в котором указывалось, что подобная программа вызывает некоторые сомнения, и что в Россию будет послан представитель комитета публичной информации, чтобы выяснить, насколько желательно ее осуществление. По получении этого ответа мы сильно урезали нашу широкую программу, волей-неволей ожидая утверждения со стороны нашего правительства, ибо мы не хотели предпринимать ничего такого, что, с точки зрения правительства, нам не следовало делать, хотя мы сознавали всю важность предпринятой нами задачи. Агенты правительства прибыли в Россию, когда власть уже более двух недель находилась в руках большевиков.

Когда я прибыл в Россию, меньшевики, непримиримые противники большевиков, имели большинство во всех советах в России. Большевики, руководимые опытными и дальновидными политиками, — кем бы они ни были в других отношениях, — провозгласили: „Вся власть Советам“ и, опираясь на эти три слова, овладели Россией.

Да, это было вполне очевидно, сила была на их стороне. Для России были открыты только две возможности: либо советы, либо старый режим. Вы можете не любить советов, но старый режим, всегда опиравшийся на какую-нибудь силу, неизбежно должен был, когда у него были отняты винтовки, опереться на силу чужеземных ружей. Но ближе всего были германские ружья, которые являлись орудием поддержки германского торгового, финансового и промышленного проникновения. Было очевидно, что, если дело дошло до единоборства

между русскими крестьянами и рабочими, с одной стороны, и русскими реакционерами — с другой, последние не преминут вступить в блок с германцами. Наглядным подтверждением этого является тот факт, что Милюков и кадеты, которые сначала были искренними и патриотически настроенными людьми, отправились в конце концов в Киев и сотрудничали там с германцами, не желая переходить на сторону революционных солдат, рабочих и крестьян России.

Таково было положение, с которым мы должны были считаться. Существовала угроза открытия фронта людьми, не имевшими вначале этого намерения. Чтобы удержаться против натиска революционных крестьян и рабочих, им нужно было стать на сторону германского империализма. Вот почему мы говорили: „Наши интересы в настоящее время находятся на стороне советов“. Если дело дойдет до столкновения между реакцией и советами, мы должны будем неизбежно стать на сторону последних.

Керенский сказал на одной из конференций приблизительно следующее: „Почему союзники не хотят понять Россию? Они принуждают меня, ради их интересов, проповедывать западно-европейский либерализм в течение двух третей времени, так что у меня остается всего одна треть для проповеди русского социализма, ради сохранения своей жизни на 24 часа“. Столкновение между этим теоретическим кабинетным мышлением, с одной стороны, и реальным положением дел в России, с другой, — вот что ослабляло положение Керенского и его временного правительства. А Керенский был истинным другом союзников и искренним другом революционной России, — это был человек, который мог бы выработать умеренную социалистическую программу.

Позвольте мне сообщить факт, являющийся хорошим примером того, как проявлялась кабинетная психология и как она вновь и вновь приходила в столкновение с действительностью. 3 ноября 1917 г. произошло совещание в помещении Красного Креста, в частном кабинете полковника Томпсона, бывшего тогда начальником Красного Креста. Это совещание было созвано потому, что растущее шаг за шагом могущество советов и их борьба с Временным правительством, в которой они побеждали при каждом столкновении, показали нам на деле, каково действительное положение вещей. Я в это время имел тайных агентов, рассеянных по различным полкам и казармам. Там существовала одна боевая единица, имевшая при создавшемся положении решающее значение. То была броневая часть — дивизион. Излишне вам объяснять, что тот путь, по которому движутся подобные броневики, вооруженные трехдюймовками, если им не противопоставляется крупная артиллерия, это путь, по которому идет сила. Я на некоторое время установил наблюдение за этой частью. Однажды утром служивший у меня человек,

управлявший одним из броневиков, пришел ко мне и сказал: „Эту ночь у нас был митинг. Наша часть почти поровну разделилась на сторонников большевиков и сторонников Временного правительства; но все они на сто процентов стоят за советы“. Таково было действительное положение. Мы знали, что большевики будут маневрировать с таким расчетом, чтобы, прикрываясь авторитетом советов, призвать солдат к оружию для их защиты. И для нас было ясно, к чему это приведет, если дело примет такой оборот.

Это собрание было созвано ради укрепления правительства Керенского и для того, чтобы, если возможно, добиться содействия союзников, чтобы перебросить мост от Керенского к советам. На совещании встретились: генерал Нокс, глава британской военной миссии в России и военный атташе английского посольства в Петрограде, способный и искренний генерал, патриот, ранее уже использованный против „людей, не признающих закона“, служивший в Индии и Египте, — истинное воплощение бронированного кулака, человек, по-моему, вполне искренний и патриотичный; далее, генерал Нейсель, начальник французской военной миссии и военный атташе французского посольства; генерал Вильям В. Джэдсон, глава американской военной миссии и военный атташе американского посольства; генерал Нейслаковский, Давид Соскис, полковник Томпсон и я. Я там был просто чем-то в роде секретаря полковника Томпсона.

Нельсон. Находился ли среди них Троцкий?

Робинс. Нет, сэр.

Нельсон. Мне казалось, вы упомянули только что имя Троцкого.

Робинс. Нет, генерала Нейслаковского. Вы меня не поняли, сенатор, Троцкий находился в то время по ту сторону окопов.

Полковник Томпсон — человек скупой на слова. Он из тех, которые предпочитают действовать, а не говорить. В краткой речи он указывал, для чего мы собрались. Затем генерал Нокс попросил слова и стал говорить о слабости Временного правительства, промахах Керенского, его некомпетентности; он-мол должен был убить Ленина и Троцкого; ему-де следовало перестрелять большевиков. А так как их было, вероятно, несколько миллионов, то это было совсем нетрудным делом. Затем он стал говорить о вещах, которые мы все знали и которые огорчали нас не менее, чем его самого, но все это были ходячие истины.

Он сел, и слово взял ген. Нейсель, восполнив в своей речи то, что упустил сказать ген. Нокс. Он так и эдак бичевал Россию, Керенского, армию, а они, действительно, заслуживали некоторой трепки. Он говорил о Тарнопольском поражении; он говорил об отчаянном положении на фронте и кончил речь чем-то в роде заявления, что русские солдаты это — трусливые завистливые собаки. Вы можете себе

представить, какое впечатление это произвело на русского генерала. Весь красный, оскорбленный, он встает и выходит из комнаты. М-р Соскис, только что перенесший воспаление легких, совершенно беспомощен. И вот мы остаемся одни — группа союзников, ничего не сделавшая, истратившая битых два с половиною часа на совершенно бессодержательную болтовню. Ген. Нокс, обращаясь ко мне, говорит: „Я не заинтересован в укреплении позиции Керенского. Я не верю в Керенского и в его правительство. Оно некомпетентно, бессильно и ни к чему не годно. Вы тратите зря деньги Томпсона". Я ответил: „Если трачу, то полковник знает об этом". Он продолжал: „Вам бы следовало быть с Корниловым" — и покраснел, вспомнив, что мне известно, что английские офицеры, одетые в русскую военную форму, в английских танках следовали за наступавшим Корниловым и едва не открыли огонь по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова; в результате положение союзников там изрядно осложнилось. Я сказал: „Мы не могли оказать никакой реальной помощи корниловской авантюре". Он ответил: „Пожалуй, это было преждевременным, но в настоящее время единственно, что остается в России, это Савинков, Каледин (казачий генерал) и военная диктатура. Этот народ должен иметь над собою кнут". Я сказал: „Генерал, вы может быть, получите диктатуру совершенно другого характера". Он ответил: „Вы подразумеваете этих прохвостов — Ленина, Троцкого и большевиков"? Я ответил: „Да, я их именно имею в виду". Он сказал: „Полковник Робинс, вы невоенный человек; вы ничего не смыслите в военных делах. Военные люди знают, как поступать с этими типами. Мы их просто ставим к стенке и расстреливаем". Я возразил: „Да, если вы их поймаете".

Стерлинг. Позвольте мне, кстати, спросить вас, в чем выражалась деятельность Ленина и Троцкого к тому времени, когда происходило это совещание?

Робинс. Они пропагандировали лозунги перехода власти к советам, — заявляли, что следующая сессия Всероссийского съезда советов возьмет власть в свои руки, — выдвигали лозунги: распределение земли среди крестьян, отказ солдат и рабочих всего мира от дальнейшего участия в империалистических войнах и т. д.

Я сказал генералу Ноксу: „Думаю, что вы дождетесь не той диктатуры, о которой мечтаете. Положим, генерал, что я ничего не смыслю в военных делах, но зато я немного знаю психологию народа. Я работал в народе всю мою жизнь. Я ездил по России, и мне кажется, что вы стоите перед лицом положения, созданного народом". Совещание закрылось, ни к чему не приведя, и эти господа вышли оттуда с мыслью: „что было вчера, будет и завтра".

В следующий понедельник — не неделей позже, а именно в следующий понедельник — большевики штыковой атакой захватили арсенал Петропавловской крепости, а во вторник они заняли телефонную станцию и телеграф; в среду же ночью они взяли штурмом Зимний дворец и арестовали тех членов правительства, которые не успели удрать. В ночь на 7 ноября, в два часа утра, они созвали второй Всероссийский съезд советов и провели декрет о распределении земли среди всех крестьян, самое определенное и необходимое требование в глазах революционной России, — во-вторых, декрет о предоставлении рабочим права контроля над фабриками и заводами, в третьих, декрет, передающий всю власть советам, при чем этот революционный орган признавался высшей государственной властью; наконец, в четвертых, декрет, предлагающий всеобщий демократический мир всему миру. Ленин и Троцкий были избраны на руководящие посты в правительстве. Другие представители народа были избраны комиссарами. Эта группа и до сих пор фактически держит власть в Европейской России. Полное перемещение центра власти в России произошло в обстановке полного непонимания союзниками смысла происходящих событий, характерным примером чего может служить только что описанное мною совещание.

Итак, сенаторы, мы оказались в весьма затруднительном положении. В дни, когда мы начинали пропаганду ради укрепления Керенского против большевиков, полковник Томпсон как-то призвал меня к себе; так как это была военная организация, я стоял перед ним на вытяжку. И он сказал: „Майор Робинс, вы знаете, что это значит?“ Я ответил: „Думаю, что это единственный и крупный шанс спасти положение“. Он сказал: „Нет, я хочу сказать, знаете ли вы, что это значит для вас? Это значит, что, если мы потерпим неудачу, вас расстреляют“. Я сказал: „Прекрасно. Люди получше и помоложе меня, которым, следовательно, пришлось потерять больше, чем мне, расстреливаются на западном фронте“. И я прибавил: „Полковник, если меня расстреляют, то вас повесят“. Он все время курил. „Я не буду удивлен, — сказал он наконец, — если вы окажетесь правы“.

Вот в каком положении мы находились. Мы сделали решительную попытку поддержать Керенского, который теперь был свергнут. У меня были люди на западном фронте, наблюдавшие тайком за ходом событий. Я видел Керенского на фронте и видел, как его части покинули его у Гатчины. Я слышал призыв, с которым большевики обращались к этим людям, спрашивая их, будут ли они сражаться против своих вооруженных братьев, своих русских товарищей, — спрашивая их, будут ли они поддерживать Керенского, слугу империалистических союзников, как они его называли, будут ли они продолжать свою борьбу против рабочих других стран? Я видел, как рассыпалась рота за ротой.

Я вернулся к начальству и сказал: „Полковник, нам следует действовать, не теряя ни одной минуты. Несомненно одно: Керенщина умерла и больше не воскреснет“. Никто не был так лойялен по отношению к правительству Керенского, никто так много не истратил на него денег из своих личных, частных средств, как полковник Б. Томпсон. Все мы в Красном Кресте сделали для Временного правительства все, что было в наших силах. Теперь мы больше не хотели оставаться в состоянии самообмана. Мы были в этом вопросе единодушны и сказали: „Все прошло. Мысль, что Керенский может собрать где-нибудь армию и вернуться для борьбы с советской Россией, — это чушь. Мысль, что Москва, святой град буржуазии, подымется и пойдет против Всероссийского съезда советов, — чушь. В этом нет ни слова правды. И мысль, что казаки вернутся с Дона, тоже чушь. Они никогда не придут оттуда: слишком много крестьян с винтовками находятся на пути. Мысль, что белая гвардия придет спасти нас из Финляндии, вздор и чушь. Власть, захваченная группой людей, засевших в Смольном, будет еще долго в их руках“. Как долго, — мы не знали, но во всяком случае достаточно долго, чтобы определить позицию России в мировой войне. Итак, мы столкнулись с вопросом, можно ли добиться чего-либо полезного для России и для дела союзников с помощью русских советов. Таково было наше положение, и мы должны были сделать выбор как можно скорее. У нас были запасы; — нам следовало обеспечить охрану этих запасов. Гарантии Керенского и авторитет его окончательно утратили свою силу. Эти запасы могли быть уже завтра разграблены, как принадлежащие контрреволюционерам, в виду поддержки нами Керенского. Нам следовало действовать быстро.

В этот момент во всем городе опять-таки сказалось настроение „семи процентов“. Сенаторы и джентльмены, вы знаете, что это значит. Вы это видели здесь в Америке. Они говорили: „Это—воры, убийцы и германские агенты, и они продержатся только три недели или, самое большее, шесть недель. Их сметут, и у нас будут тогда Милюков, Гучков, Родзянко, Шидловский и эти милые, достойные кадеты, с которыми мы можем иметь дело“. Для такого мнения никогда не было никакого основания в реальных фактах, но в это искренно верили в некоторых кругах. Наши люди и большинство союзников разделяли эту веру и их отношение выражалось в том, что они отворачивались и говорили: „Мы не хотим иметь ничего общего с этим скверным правительством. Они останутся очень недолго“.

Мы глядели на положение иначе. Мы смотрели на большевиков как на действительную власть в России. На нашем собрании я сделал сообщение, которое сводилось к следующему: „В России 180 миллионов народа. Они населяют одну шестую часть земли с богатыми

естественными ресурсами, с большим количеством полезного сырья. Предположим, что кайзер опередил нас в данный момент. Предположим, что в Смольном находятся германские мошенники и воры. В настоящую минуту власть в их руках. Но почему и нам нельзя войти в сношение с этими людьми? Разве не такие же хорошие мозги под американскими шляпами, как и под германскими шлемами? В течение известного времени все, что может быть сделано в России, сможет быть совершено только с помощью большевиков.

Нельсон. Чего вы надеялись добиться, вступая в разговоры с этой шайкой?

Робинс. Я расскажу вам об этом. Мне возражали, что большевики преступники. Я говорил: „Предположим, что это так; некоторые из нас работали в политической области и имели дело с американскими политическими вождями, развращенными и испорченными до мозга костей, что не мешает нам иметь с ними дело. Мы должны не упускать момента и сделать все, что будет возможно.

Я пошел к Троцкому. У нас были некоторые запасы в Петрограде — и мы поставили кругом склада охрану. Но мы должны были одновременно выхлопотать ей покровительство правительства. Я хотел выяснить, что̀ мы могли предпринять; по крайней мере узнать, что̀ он предложит нам делать, и затем, сопоставив слова Троцкого с его действиями, мы могли бы составить себе о нем мнение. Я явился к нему в его кабинет. Там находился некий капитан, стоявший подле его стола. Он как-то слышал мою речь в одной из казарм, когда я обвинял большевиков и поддерживал Керенского. Когда я вошел, он вздрогнул и вгляделся в меня, а затем стал, жестикулируя, меня уличать, обращаясь к Троцкому и заявляя, что я контр-революционер и сторонник Керенского. Через каждое слово слышалось „контр-революционер и сторонник Керенского“. Я поднял руку и сказал моему переводчику: „Скажите комиссару, чтобы он не заблуждался насчет меня. Я стоял за Керенского. Я прибыл в Россию, чтобы помочь русскому народу, и нашел Керенского на посту председателя революционного правительства России. Я начал работать с Керенским и работал с ним около трех месяцев, поскольку это было в моей власти. Я сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать комиссару получить власть“. Тут Троцкий вспылил, но, предупредив его ответ, я продолжал: „Скажите комиссару, что я отличаюсь от некоторых известных мне лиц тем, что, видя мертвеца, знаю, что это труп; я считаю Временное правительство мертвым и смотрю на комиссара как на лицо, обладающее всей той властью, которая непосредственно необходима сейчас в России“. При этих словах Троцкий несколько смягчился. Я прибавил: „Скажите комиссару, что я хочу знать, желает ли он, чтобы американский Красный

Крест оставался в России; можем ли мы служить русскому народу без вреда для наших национальных интересов; если же нет, то нам должна быть предоставлена возможность выехать". И я еще прибавил: „Я пришел сюда для того, чтобы объясниться с комиссаром на чистоту. Я против программы внутренней политики комиссара, поскольку она мне известна, но внутренние дела России меня не касаются, и я не намереваюсь в них вмешиваться. Обладай Каледин или Корнилов, или царь, или кто-либо другой той властью, которая находится сейчас в России в руках комиссара, я бы обратился к ним".

С того часа, как я сделал это заявление, я никогда не имел никаких недоразумений с Троцким. Он сказал, что желает, чтобы мы остались.

Представим себе на минуту его образ. Ему 38 лет; он русский еврей; революционер-эмигрант; оратор, — более одаренный, чем кто-либо из известных мне митинговых ораторов; он может сделать больше с народной толпой, чем кто-либо из слышанных мною трибунов, а я знавал большинство ораторов моего времени.

Овермэн. Образованный ли он человек?

Робинс. Да, чрезвычайно образованный человек. Однако, в нем сказываются слабости, присущие его дарованию. Он своего рода примадонна. В часы успеха он неблагоразумен, неудержимо-стремителен, своеволен, а в моменты неудач — подавлен, мрачен, раздражителен; тогда обнаруживается недостаточная стойкость его терпения и недостаточная крепость его нервов.

В этот период я был одно время неофициальным представителем американского правительства, по предложению посла Соединенных Штатов. Пришло время, когда в некоторых кругах стали считать, что всякое сотрудничество с советами было в корне ошибочно, а так как я поддерживал с ними сношения, — ибо мои ответственные задачи требовали для своего выполнения сношений с фактически существующим там правительством, — было выдвинуто требование прекращения этого сотрудничества.

От американского правительства пришел приказ, чтобы я прекратил свои сношения с советами. Посол Соединенных Штатов, в виду тогдашних условий в России, в виду того, что я был единственным союзническим представителем, поддерживавшим такой контакт, — а также, полагаю, потому, что он, вероятно, мне доверял, — потребовал, чтобы американское правительство взяло обратно это постановление, — и предписал мне продолжать свою работу, что̀ я и сделал. С этого времени до моего отъезда из России я находился в постоянном контакте с послом Соединенных Штатов, донося ему обо всех обнаруженных мною фактах, характеризующих положение вещей, и служа неофициальным посредником, через которого он передавал свои предложения и сообщения советской власти.

ЗАСЕДАНИЕ 8 МАРТА.

Присутствуют сенаторы: Овермэн, Нельсон, Стерлинг.

Показания Давида Фрэнсиса.

[Свидетель приводится к присяге председателем.]

Овермэн. Вы — посол нашей страны в России?

Фрэнсис. Да, я посол Соединенных Штатов в России с 9 марта 1916 г. Государственный департамент поручил мне приступить в России к переговорам о заключении торгового трактата. Я прибыл в Петроград 28 апреля. Исполнявший обязанности посла м-р Фредерик Моррис Диринг немедленно представил меня министру иностранных дел м-ру Сазонову. Я сказал м-ру Сазонову, что я хочу вести переговоры о торговом договоре и прибыл именно с этой целью. Он замахал руками и воскликнул: „Никаких новых договоров, пока наши отношения с нашими союзниками не будут определены и уточнены“. Я заметил, что, если бы мне это было известно, я бы не приехал. Он ответил, что очень об этом сожалеет.

Приблизительно неделю спустя я был представлен императору и императрице.

Три или четыре недели спустя в газетах был опубликовано соглашение между Россией и Японией, переговоры о котором велись Сазоновым и Мотоно, японским послом в Петрограде. Немедленно после опубликования этого договора я повидался с Сазоновым и сказал: „Мне передали, что вы не собирались вести переговоры о заключении каких бы то ни было трактатов“. Он сказал: „Я имел в виду торговые договоры“. Я возразил: „Вы мне этого не говорили“.

Спустя недели три после этого я снова явился в министерство иностранных дел, куда я заглядывал в это время довольно часто, чтобы проститься с Сазоновым, который уезжал в двухнедельный отпуск, в Финляндию. Он сказал, что чувствует себя нездоровым.

Утром, 19 июля (по новому стилю) я, развернув газету, прочел, что император принял отставку Сазонова; другими словами, он было уволен царем. Германия имела торговый договор с Россией, заключения

которого она добилась во время русско-японской войны и срок которого истекал в 1916 г. Он предоставлял Германии большие торговые преимущества, и в России возникла решительная оппозиция против его возобновления. Я всегда думал, что возобновление этого договора было одной из причин, побудивших Германию объявить войну России.

По моим наблюдениям Германия так прочно обосновалась в России, что, если бы война была отложена на 5 лет, то, мне кажется, было бы невозможно ее оттуда вытеснить. Германские шпионы заполняли все ведомства царского правительства. Великий князь Николай, с которым я никогда не встречался, говорил по выходе в отставку, что ставка верховного главнокомандующего была до такой степени переполнена германскими шпионами, что ему приходилось принимать особые предосторожности, дабы предупредить сообщение его приказов германцам.

Овермэн. Указывалось, что все крупные промышленные предприятия в России возглавлялись и руководились германцами.

Фрэнсис. Немцы руководили двумя или тремя банками в Петрограде. Немцы контролировали все торговые предприятия в России и не утратили этого контроля даже в начале войны. В руках немцев находилась вся сахарная промышленность, гидроэлектрические установки в Москве, Петрограде и Баку. Их полному контролю подчинялись все стеклянные заводы.

Таково было положение дел в момент моего прибытия в Россию. Мало того: я убедился, что в стране существует сильное недоверие к лойяльности царицы. В общем положение дел было очень тяжелым. Поэтому я был очень доволен, когда произошла первая революция. Это случилось 12 марта. Еще в предшествующие дни на улицах происходила беспорядочная стрельба. 12 марта один полк, казармы которого находились на расстоянии двух домов от американского посольства, взбунтовался и убил своего командира. Это было начало революции. На углу Сергиевской улицы и Литейного проспекта были возведены баррикады; полки, вызванные для подавления революции, немедленно перешли на сторону революционеров. Вызванные с фронта полки, войдя в город, были встречены на вокзале полками революционных партий и примкнули к ним. Мне самому надоело самодержавие, и я не был удивлен, что и русскому народу оно надоело. В четверг, 15 марта, император отрекся от престола, и Дума, которую император пытался было распустить, осталась в своем здании и назначила комитет, избравший Временное правительство из семи или девяти лиц.

Я узнал об отречении императора в четверг 15 марта. В следующее воскресенье я явился к Родзянко, который, поговорив со мной, направил меня к Милюкову. Я явился, чтобы ознакомиться с принци-

пами нового правительства и выяснить, насколько оно является жизнеспособным. Родзянко заявил мне, что оно удержится. Я увидел Милюкова, и он тоже сказал, что оно удержится. После этого я вернулся в свое посольство. Это было 18 марта. Я послал шифрованную каблограмму в двести слов нашему правительству, с просьбой разрешить мне признать Временное правительство, так как оно базировалось на правильных принципах, совпадавших с принципами нашего правительства, и имело лишь временные полномочия, которые должны были истечь в момент созыва учредительного собрания, избранного всем народом. Я далее сообщил своему правительству, что, по-моему, было бы политически целесообразным, чтобы я первый признал Временное правительство.

Я получил ответ 22 марта, с разрешением признать правительство. Я немедленно собрал весь штат служащих посольства, включая тех, кто по должности носил военную форму — это были только военные и морские атташе и персонал их сотрудников, — и отправился в 4 часа пополудни в Мариинский дворец, где собрались министры. Я признал правительство, выполнив все, какие только было возможно, формальности. Отвечавший мне министр иностранных дел Милюков выразил свое удовлетворение фактом признания.

Я немедленно установил тесные официальные и личные отношения с Временным правительством и поддерживал их в течение последующих восьми месяцев. Зато я не вступал ни в какие сношения с большевистским правительством, которое пришло к власти 7 ноября 1917 г. Я продолжал оставаться в Петрограде от 7 ноября до 27 февраля 1918 г. В течение всего этого времени я не имел никаких непосредственных сношений какого бы то ни было рода с большевиками или с Советской властью. Фактически я все это время выступал против всяких переговоров с большевиками.

Первым деморализующим актом при Временном правительстве был „приказ № 1“. Многие возлагали ответственность за этот приказ на Гучкова, бывшего тогда военным министром, но он до сего дня утверждает, что приказ был издан без его ведома. Этот приказ, изданный Советом, сводился к разжалованию всех офицеров в солдаты и предоставлению солдатам права избирать своих офицеров путем голосования.

Нельсон. Исходило ли это от правительства Керенского?

Фрэнсис. Этот приказ исходил от правительства Керенского и был издан при Гучкове. Несколько дней спустя Милюков подал в отставку. Милюков был устранен из кабинета в виду несогласия с ним Керенского. Керенский приобрел громадную популярность. Он спас одного человека от самосуда толпы и заявил, что доколе он министр

юстиции, никто не будет наказан без справедливого суда. Это сделало его чрезвычайно популярным — и по заслугам, ибо такого положения вещей в России не было в течение столетия или даже многих веков.

Итак, Милюков подал в отставку. Терещенко был назначен министром иностранных дел. Приблизительно две недели спустя я слышал, что ушел и Гучков. Я весь день его разыскивал, посылал за ним, телефонировал ему, но так и не смог его найти. Я добивался свидания с ним для того, чтобы сказать ему, что подавать в отставку — малодушие; что он не имеет права покинуть своих товарищей в момент, когда они в нем нуждаются.

Так и не найдя его, я на следующее утро узнал из газет, что он подал в отставку, что его отставка принята, и что Керенский назначен военным министром.

Дело, однако, в том, что Керенский был юристом — и ничего не смыслил в делах ведомства, руководить которым был призван. Одним из первых изданных им декретов был приказ об отмене смертной казни в армии. Это довершило ее разложение. Хотя восстание большевиков 3 и 4 июля было подавлено, демонстрации не прекращались. В этом была ошибка Керенского: он не заключил в тюрьму Ленина и Троцкого и не судил их за государственную измену, что ему следовало бы сделать.

Ленин — это мозг всего движения. Он — крупный интеллект. Он фанатик и, как мне кажется, искренно убежденный человек.

Я бы не мог сказать того же о Троцком. Я думаю, что Троцкий — авантюрист. Он более Ленина способен к практическому выполнению, но в случаях разногласий Ленин всегда был в состоянии одержать верх над Троцким.

Они скрывались вплоть до 7 ноября. Восстания ожидали 2 ноября, но оно не произошло. Я был в министерстве иностранных дел 7 ноября и, когда прощался с министром, спросил: „Чьи солдаты охраняют министерство?“ Он ответил: „Это — наши солдаты. Меня не удивит, если восстание произойдет этой ночью“. Я спросил: „Можете ли подавить его?“ Он ответил: „Думаю, что могу“. Я на это сказал: „Если вы в состоянии его подавить, то я хотел бы, чтобы оно произошло“.

Стерлинг. Кто был тогда министром иностранных дел?

Фрэнсис. Министром иностранных дел был тогда Терещенко. Он ответил: „Надеюсь, что оно произойдет, — безразлично, сможем ли мы его подавить или нет. Меня истомила эта неизвестность“. Временное правительство стояло все время под угрозой.

Кинг. Можете ли вы утверждать, что правительство Керенского приложило все усилия, чтобы продолжать войну с максимальной

энергией, допустимой при создавшихся условиях, и сохранить верность союзникам?

Фрэнсис. Думаю, что да. Помнится мне, что однажды послы Великобритании, Франции и Италии явились к Керенскому и заявили ему, что он не проявляет в ведении войны достаточной энергии. Позднее он посетил меня, чтобы выразить мне свою благодарность за то, что я не присоединился к их выступлению. Он заявил, что им сделано все, что было в его силах. Не помню, случилось ли это до или после его поездки на фронт, имевшей целью воодушевить солдат к наступлению. Наступление это вначале сопровождалось кое-каким успехом, однако, большевики все время пытались подкопаться под правительство Керенского.

Кинг. Итак, господин посол, вы говорите, что правительство Керенского стояло за законность и порядок и за установление демократической формы правления, в роде нашей?

Фрэнсис. Совершенно верно.

Кинг. И что руководящая роль в нем принадлежала патриотам, которые всячески пеклись о народной свободе и об установлении законности, порядка и демократической формы правления; что это правительство, пока оно было у власти, стремилось сделать все возможное для продолжения войны в тесном сотрудничестве с союзниками, против центральных держав?

Фрэнсис. Думаю, что так.

Кинг. И что в то время, как они отдавали свои силы этому похвальному и достойному делу, большевики, руководимые Лениным, Троцким и другими, стремились свергнуть их, во-первых, ради захвата власти и установления пролетарской диктатуры, а во-вторых, чтобы изменить делу союзников и вывести Россию из войны?

Фрэнсис. Совершенно верно. Я хочу сказать здесь, что, по моему мнению, Ленин был сначала германским агентом. Они никогда не позволили бы ему проехать через Германию, если бы они не думали или не знали, что смогут его использовать. Он тратил деньги, не стесняясь. Однако, Ленин был не столько против Германии, сколько за подготовку мировой социальной революции. Я телеграфировал государственному департаменту, что по моему мнению такова была его первоначальная цель. Он не отказался бы и от английских, американских или французских денег, чтобы воспользоваться ими для своего дела. Я думаю, что он искренний человек, с искренними убеждениями. Это, конечно, не значит, что он хоть отчасти прав, потому что позднее, когда его власть стала колебаться и не могла быть удержана другими способами, он поощрял или по крайней мере допускал разгул террора, не прекращающегося до сих пор в России.

Перехожу теперь к Брестскому миру. При первых переговорах, происходивших в январе или феврале 1918 г., Россия была представлена Троцким.

Авторитет Троцкого сильно возрос. Весь мир стал его аудиторией, и он был очень одаренный человек. Когда генерал Гофман сообщил ему и его товарищам, что он не намерен продолжать эти переговоры долее двух или трех дней и заявил: „Вы должны окончательно сказать, принимаете ли вы условия или нет", — Троцкий сделал свой драматический жест, сказав: „Мы отказываемся подписать эти драконовские условия, но Россия не будет больше воевать".

Германцы были поставлены этим в тупик. Троцкий вернулся в Петроград, а четыре или пять дней спустя германцы объявили о своем наступлении на Петроград и Москву. Троцкий ответил им, что это означает нарушение перемирия. Вместо ответа они продолжали наступление.

Германские армии подошли так близко к Петрограду, что я принужден был его покинуть. Еще за четыре недели до этого, я получил полномочия от моего правительства уехать из Петрограда, когда по-моему это будет необходимо. Уехали также и все мои коллеги. После отъезда сэра Джорджа Бьюкенена я был старшиной дипломатического корпуса. Мы ежедневно собирались в американском посольстве, — не все представители союзников, а только британский, французский, итальянский, японский послы и я, — и мы решили покинуть Петроград.

Я заявил им: „Я не намерен уезжать из России". — „Куда вы поедете?" — Я ответил: „В Вологду". — „Что вам известно о Вологде?" — Я сказал: „Ничего, кроме того, что в ней скрещивается сибирская и Московско-Архангельская железнодорожные линии". — „Ну, а если там небезопасно? Что вы тогда предпримете?" — Я ответил: „Поеду дальше на восток, в Вятку, а если и там опасно, двинусь в Пермь, а если небезопасно и там, перееду в Иркутск; если опасно и там, отправлюсь во Владивосток, где, как я знаю, меня защитит американское военное судно „Бруклин" под командой адмирала Найта". Я предложил им поехать со мной, но они все отказались, за исключением японского посольства и китайской миссии, которые, впрочем, оставались в Вологде два — три дня. Остальные миссии попробовали вернуться каждая в свое государство. Я оставался в Вологде пять месяцев, несмотря на то, что центральный совет в Москве несколько раз приглашал меня перенести туда свое постоянное местожительство. Они сказали, что дадут нам всем дачи.

Но я забегаю вперед. Когда были закончены первые переговоры в Брест-Литовске, и германская армия стала двигаться на Петроград и Москву, советское правительство заявило, что оно желает созыва вто-

рой конференции для обсуждения условий мира. На этот раз Троцкий не поехал, а послал Чичерина, и на второй Брест-Литовской конференции германцы навязали русским еще более тяжелые условия, чем раньше.

Кинг. Русские войска к этому времени перестали представлять собою боевую силу?

Фрэнсис. Да, конечно.

Кинг. Они отказались от каких бы то ни было военных операций и таким образом изменили союзникам?

Фрэнсис. Да.

Кинг. Делалось ли это во исполнение плана Ленина и Троцкого, стремившихся разрушить армию?

Фрэнсис. Думаю, что так.

В июне, когда я возвращался из Вологды в Петроград, крыши вагонов были покрыты солдатами; они кишели на осях вагонов и на платформах. Я прибыл в Москву в мае к похоронам нашего генерального консула, умершего там совершенно неожиданно. Советское правительство пыталось там вступить со мной в сношения, и я принял одного посетившего меня чиновника, но официальных сношений у меня с ними не было.

Тем временем, 17 марта, в день, когда Всероссийским съездом советов в Москве был ратифицирован Брест-Литовский мирный договор, я опубликовал обращение к русскому народу. Я призывал русских людей сорганизоваться и отразить завоевателей от границ России. Я говорил, что мы, американцы, и мое правительство все еще смотрим на русский народ как на своего союзника; что мы не намерены считаться с Брестским миром, и что вряд ли кто из союзников стал бы с ним считаться. Это обращение я опубликовал в русских газетал в русском переводе. Это было 17 марта, 18 дней спустя после моего приезда в Вологду. 4 июня 1918 г. я составил другое обращение. До этого я в интервью указывал на успехи, которые делала Америка в области военной подготовки, старался убедить русских людей, что война закончится поражением Германии и что им поэтому не следует связывать свою судьбу с потерянным делом; 4 июня я опубликовал обращение к русскому народу, в котором излагал причины войны. Это обращение вызвало новое требование Германии в Москве о моей высылке. Центральный совет, однако, ничем не реагировал на это требование.

Кинг. Какие меры приняли Ленин и Троцкий после захвата власти для демобилизации войск, и какую декларацию они опубликовали о прекращении Россией военных операций?

Фрэнсис. После переговоров о мире в Брест-Литовске и подписании его, солдатам было разрешено разойтись по домам. Им обещали мир; им обещали распределение собственности, раздел земли.

Овермэн. И хлеб?

Нельсон. Хлеб, мир и землю?

Фрэнсис. Хлеб, мир и землю. Один русский землевладелец рассказывал мне, что, когда они делили его стадо породистого скота, им попался замечательный бык. Не будучи в состоянии решить, кому он должен достаться, они убили его и разделили тушу.

Так вот, я остался в Вологде, как я уже сказал, вплоть до 25 июля. 6 июля был убит Мирбах. Четыре или пять дней спустя Чичерин прислал мне, как старшине дипломатического корпуса, телеграмму, в которой говорилось: „Вологда небезопасна. Мы приглашаем вас приехать в Москву, где можем предоставить каждому человеку по квартире. Я посылаю Радека в Вологду, чтобы осуществить это приглашение". Все мои коллеги считали эту телеграмму приказом прибыть из Вологды в Москву. Я был склонен рассматривать ее как приглашение и послал ответ: „Мы отклоняем ваше предложение прибыть в Москву. Мы считаем Вологду вполне безопасным местом, потому что не боимся русского народа, с которым всегда были в дружбе. Если ваше сообщение имеет смысл приказа, а не приглашения, мы рассматриваем его как оскорбление".

Я надеялся этой телеграммой оградить себя от визита Радека, но он явился на следующий день. Прямое сообщение между Москвой и Вологдой было прервано вследствие восстания в Ярославле, так что ему пришлось ехать кружным путем через Петроград. Радек прибыл на следующий день; по этому поводу у меня, в американском посольстве, произошло совещание представителей союзников. Я старался убедить их повидаться с Радеком, но они не хотели. Они сказали, что это — прерогатива и обязанность старшины дипломатического корпуса. Я имел с ним беседу, продолжавшуюся около часа. Радек убеждал меня переехать в Москву. Я сказал Радеку, что мы решили отклонить приглашение. Он тогда заявил: „Я поставлю часовых вокруг ваших посольств, и никому не будет разрешено входить или выходить без паспорта". Я сказал: „Значит, мы, фактически, арестованы?" — „Нет, — ответил Радек, — „вы не арестованы. Вы, равно как и все другие послы, можете входить и выходить, но если вы пожелаете, чтобы кто-нибудь вошел сюда, вы должны сообщить местному совету имя этого человека, и ему дадут пропуск для прохода внутрь здания мимо часовых". Часовые появились на следующее утро.

Утром 23 июля я получил вторичную телеграмму от Чичерина: „Мы снова сообщаем вам, что Вологда небезопасна. Нельзя медлить ни одного дня. Вторично приглашаем вас в Москву".

После совещания с моими коллегами, когда выяснилось, что они одинакового со мной мнения, — я боялся, что они хотят удержать нас,

в качестве заложников, — я ответил ему следующими словами: „Мы решили последовать вашему совету и покинуть Вологду“.

У нас был план — отправиться в Архангельск, но я не сообщил в телеграмме, куда мы намереваемся поехать.

Мы выехали на север, в Архангельск; по прибытии 26 июля туда, мы были встречены делегацией местного совета, при чем ее сопровождал представитель Московского совета, который, указав на судно, стоявшее на Двине, сказал: „Видите это судно? Мы получили предписание посадить вас на него и сказать вам, что вам разрешается отправиться куда вы хотите“. — Я ответил ему: „Мы отказываемся вступать на это судно“. — „Почему?“ — „Мы не хотим, — заявил я, — покинуть Россию, не снесшись предварительно с нашим правительством, телеграфная связь с которым прервана около трех недель тому назад“. „Но у нас, — сказали они, — нет никаких других инструкций. Что же нам теперь делать?“ — Я ответил: „Не знаю, что вам делать, разве что пойти и передать наш ответ Московскому совету, Ленину, Троцкому и Чичерину“. Тогда они поставили охрану вокруг поезда, а сами ушли и вернулись только через 30 часов. За это время они телеграфировали в Москву, и нам стало известно содержание ответа, так как телеграммы шли через Петроград, а у нас были способы, чтобы узнать, что в них содержалось. Центральный совет на словах заверял нас, что желает нашего отъезда из России, и в то же время предписал местному совету удержать нас как заложников.

Нельсон. В Архангельске?

Фрэнсис. В Архангельске. Нам это было уже известно, когда они вернулись, — 27 июля, около 2-х или 3-х часов. Тогда мы решили отправиться в Кандалакшу, потому что в Архангельске должно было вспыхнуть контр-революционное восстание против большевиков, что нам было известно, и мы не хотели оставаться там, когда это произойдет. Знали это и большевики, которые поторопились эвакуировать город. Предварительно они поубивали много народу и многих выслали.

Мы вели себя перед ними с такою твердостью, что они испугались и не решились нас задержать, ограничившись тем, что по мере сил ставили нам всяческие препятствия на пути.

В Кандалакше мы надеялись застать ген. Пуля. Однако по прибытии в Кандалакшу мы узнали, что генерал с 2000 человек отплыл рано утром на Архангельск, куда он прибыл 2 августа.

Войдя со своими судами в порт, он по телефону запросил город: „Какое у вас сейчас правительство?“ Ему ответили: „Временное правительство Северной России“. Дело в том, что как раз за четыре часа до этого в городе произошел бескровный переворот. Тогда, зная, что большевики запрещали производить высадку союзнических войск,

он спросил: „Вы разрешаете нам выйти на берег“? Ему ответили: „Да. Высаживайтесь как можно скорей“. Высадка была произведена в тот же день, 2 августа.

Мы вместе с другими союзными миссиями вернулись из Кандалакши в Архангельск 3 августа. 10 августа британский поверенный, итальянский посол и я отбыли в Мурман и оттуда смогли снестись с нашими правительствами. Я телеграфировал своему правительству о своем плане вернуться в Архангельск, и оно одобрило этот план. Таким образом я возвратился в Архангельск, где оставался до 6 ноября.

Нельсон. Позвольте мне спросить вас, м-р Фрэнсис, не пригласило ли Северное правительство, о котором вы говорите, военные власти и вас лично возвратиться туда обратно?

Фрэнсис. Совершенно верно. — Архангельское правительство было свергнуто, когда я находился там. Но мы его восстановили; это правительство являлось избранником народа. Оно было избрано тремя четвертями населения занятой союзными силами зоны России.

Американские части высадились там 4 сентября, а этот coup d'état этот государственный переворот произошел ночью 5 сентября. Очевидно, он был совершен с таким расчетом, чтобы создать у населения впечатление, будто он произошел с ведома, если не по инициативе, американского посла. Переворот был приурочен к высадке американских частей. Но вскоре я дал им понять, что я этого отнюдь не санкционирую. Я действовал очень решительно в виду того, что я был старшиною дипломатического корпуса, и ко мне приходило много петиций, делегаций и телеграмм в связи с переворотом, совершенным утром 6 сентября русскими офицерами; меня просили восстановить низложенное правительство министров. Последние были посажены на пароход и отправлены в Соловецкий монастырь, находящийся в 30 часах пути от Архангельска.

В Архангельске высадились всего три американских батальона; один из них был двинут по железной дороге к Вологде, второй — вверх по Двине, по направлению к Котласу, а третий был оставлен в Архангельске. Немедленно по прибытии я произвел смотр батальону, оставленному в Архангельске. Генерал Пуль и я приняли смотр, стоя на лестнице правительственного здания. Генерал Пуль повернулся ко мне и сказал: „В эту ночь здесь произошла революция“. Я сказал: „Это чорт знает, что такое! Кто ее устроил?“ Он ответил; „Чаплин“. Так звали одного русского морского офицера, состоявшего при штабе генерала Пуля. Я предложил Чаплину явиться к нам. Генерал Пуль сказал: „Чаплин намерен опубликовать воззвание в 11 часов“. Было четверть одиннадцатого. Я спросил: „Чаплин, кем произведена сегодняшняя революция?“ И он ответил: „Мною“.

Овермэн. Вы говорите, что Чаплин состоял при штабе генерала Пуля?

Фрэнсис. Да; это был русский полковник, которого ген. Пуль прикомандировал к своей ставке и который оказал большие услуги в деле борьбы против большевиков. Он сказал: „Я прогнал отсюда большевиков. Я создал это правительство. Оно стало на пути генерала Пуля и чинило препятствия полковнику Донопу, и французскому командованию. Я здесь не вижу пользы в каком бы то ни было правительстве". Я сказал: „Считаю, что это — самая вопиющая узурпация власти, какую я где-либо видел; не вздумайте опубликовывать воззвание, которое вы составили, пока я его не увижу и не покажу своим коллегам".

И мы собрались в этот день в моей квартире. Пришел туда и Чаплин. Весь этот переворот был совершен русскими офицерами, контр-революционерами-монархистами, настроенными против этого правительства, которое они называли социалистическим, и у которого были постоянные трения с военными властями. Еще раньше, после высадки американских частей, я послал за полковником Стюартом и спросил: „Имеете ли вы мне сделать какие-нибудь сообщения?" Он ответил: „Нет". Я сказал: „Какие вы получили приказания?" Он сказал: „Доносить генералу Пулю, командующему военными силами союзников в Северной России". „Так, — сказал я, — „но я представляю здесь нашу политику, и если бы я вам велел не выполнять какого-либо из приказов генерала Пуля, — что̀ бы вы сделали?" Он ответил: „Я бы повиновался вам". Но у нас там за все это время не возникало никаких трений. Англичане выказывали меньше терпимости к социалистическому правительству, чем я; по общему мнению, не будь я там, социалистическое правительство не возвратилось бы к власти.

Эти люди, министр финансов которых выступал вчера перед вами в качестве свидетеля, не все были социалистами. Там был и один кадет. Но они, по моему мнению, составляли очень хорошее правительство, которое, несомненно, соответствовало желаниям русских, находившихся в этой занятой союзниками зоне.

Стерлинг. Будучи социалистическим, оно все-таки не являлось большевистским?

Фрэнсис. Нет, оно было не менее враждебно большевикам, чем сами союзники.

Нельсон. Я напомню, что свидетель вчера сказал, что Пуль пытался создать собственное правительство, но что вы восстановили прежнее правительство.

Фрэнсис. Я считаю, что в этом он ошибся. Пуль не желал создавать собственное правительство. Английские солдаты, видите ли,

так долго были колонизаторами, что они не умеют уважать чувства социалистов. Я не хочу этим сказать, что такова политика британского правительства, но английским военным пришлось иметь так много дела с не культурными народами, и Великобритания столько занималась колонизаторством, что методы ее офицеров не могут не отличаться от методов американских офицеров.

Мы привезли в Архангельск прежнее правительство в воскресенье ночью, и оно было снова восстановлено в понедельник в 9 часов утра.

Нельсон. Антибольшевистское правительство?

Фрэнсис. Да, антибольшевистское правительство. Как вы знаете, переворот был задуман русскими офицерами, питавшими отвращение к этому социалистическому правительству, как они его называли. Они явились к правительству около половины первого ночи и велели им одеться. Те спросили: „Что вы с нами хотите сделать?“ Они ответили: „Мы намерены заключить вас в монастырь“. Они поместили их в яхту, отчалившую около 4 час. 30 мин. Об этом мы узнали в десять минут десятого. На яхте не было радио-аппарата, и мы не могли ни догнать ее, ни снестись с ней. Поэтому мы протелеграфировали на станцию Мурманской дороги Кемь, чтобы оттуда отправили судно к Соловецкому монастырю и, когда будут высажены министры, забрать их и вернуть в Архангельск.

Так как мое нездоровье усилилось, я предполагал уехать 14 октября. Но мои слуги и повар одного из военных атташе говорили мне, что мой отъезд вызвал бы панику в городе.

Кинг. Вы и другие представители союзников покинули Петроград, потому что вы считали свою жизнь в опасности?

Фрэнсис. Нет, не совсем так; мы боялись, что германцы займут город и удержат нас в качестве заложников. Я не испытывал никакого страха за себя во все время своего пребывания в России. Когда я мысленно оглядываюсь назад, я сам удивляюсь, почему я не ощущал страха? Моей жизни четыре раза угрожала опасность со стороны анархистов. Я слышал, что советское правительство Ленина и Троцкого предполагало переехать из Петрограда в Москву, но оно выехало лишь через четыре или пять дней после моего отъезда из Петрограда. Мне сообщили за несколько недель до моего отъезда из Петрограда, что немцы собираются вступить в город и займут его.

Кинг. Значит, вы думали, что правительство Ленина и Троцкого удержит вас, а равным образом других представителей, как заложников?

Фрэнсис. Да.

Кинг. Так что ваша свобода, а быть-может и ваша жизнь, были в опасности?

Фрэнсис. Совершенно верно.

Кинг. За все время ни один из министров или представителей иностранных держав не признал большевистского правительства?

Фрэнсис. Ни один.

Кинг. А большевики не признавали вас и их в качестве послов или представителей иностранных держав и не обращались с вами, как с таковыми?

Фрэнсис. Они рады были бы так поступать, если бы мы позволили им это делать.

Кинг. Но вы относились к ним как к узурпаторам?

Фрэнсис. Мы обращались с ними как с узурпаторами.

Нельсон. Теперь нам хотелось бы услышать о ваших переживаниях в Петрограде и о том, какие действия большевистского правительства вы наблюдали от 7 ноября вплоть до вашего отъезда из Петрограда.

Фрэнсис. У меня не было никакого официального контакта с большевиками. Я лишь раз посетил их как глава дипломатического корпуса.

Кинг. Вопрос, как мне кажется, означал просьбу рассказать, что вы видели на улицах, среди народа, описать социальные, экономические, промышленные условия и царящую в России нужду.

Фрэнсис. Они национализировали там всю промышленность; рабочие сами определяют собственное жалованье и часы своей работы.

Большевики не заслуживают признания, не заслуживают даже деловых сношений. Они установили царство террора. Они убивают всякого, кто носит белый воротничок, кто получил образование, или кто не большевик. В ряде губерний они национализировали женщин.

Нельсон. Вы знаете об этом по собственному наблюдению?

Фрэнсис. Я знаю, потому что видел это в официальных изданиях советского правительства, в центральных его органах. Центральный совет никогда не издавал декрета о национализации женщин, но он опубликовал декрет, который я видел в „Известиях", официальном органе их правительства; в силу этого декрета, брак и развод настолько облегчаются, что достаточно простого уведомления со стороны супругов об их желании вступить в брак или расторгнуть его. Там не определяется срок длительности брака.

Овермэн. Что скажете вы о жестоком голоде?

Фрэнсис. Ко времени моего отъезда можно было видеть длинные хлебные очереди у магазинов. В вашем распоряжении есть вполне достоверные отчеты, показывающие, что в Петрограде царил большой голод.

Кинг. Господин посол, действовало ли правительство в северной части России, в Архангельске, надлежащим образом на территории, над которой оно приобрело юрисдикцию?

Фрэнсис. По-моему, да.

Кинг. И оно было анти большевистским?

Фрэнсис. Да.

Кинг. Глава этого правительства находится теперь в Париже?

Фрэнсис. Да.

Кинг. Представляя там свой народ и являясь попрежнему антибольшевиком?

Фрэнсис. О, да, он попрежнему антибольшевик, и большевики сильнее ненавидят некоторых социалистов, которых они ожидали видеть на своей стороне, чем монархистов или даже союзников.

Кинг. Они ненавидят буржуазию и тех, кто стремится к прочной, упорядоченной, демократической форме правления?

Фрэнсис. Да.

Кинг. И ради осуществления своих целей и удержания своей власти они прибегают к истреблению людей, к убийствам и ко всяким другим формам террора?

Фрэнсис. Да, они так поступают.

Кинг. И вымещают свой гнев на беззащитных русских людях, как они поступили бы и со всякими другими, на монархистах или представителях враждебных наций?

Фрэнсис. Они не слишком суровы по отношению к монархистам, ибо те, как говорят, снабжают их деньгами.

Овермэн. Монархисты надеются при их помощи восстановить старый режим?

Фрэнсис. Да.

Кинг. Майор Юмс, я хочу задать вам один вопрос: утверждал ли один из свидетелей, что Альберт Рис Вильямс содействовал организации черной сотни?

Юмс. О, нет.

Фрэнсис. Черная сотня была организацией, существовавшей еще задолго до войны.

Юмс. Он был на службе в течение месяца, за что получил 300 рублей, чтобы организовать добровольческие большевистские части.

Кинг. Я отмечаю, что представитель Дании, мистер Сковениус, недавно отозванный...

Фрэнсис. Я знаю его лично.

Кинг *(продолжая)*... из России, рассказывал мне о зверствах и жестокостях, которые там совершаются.

Фрэнсис. Я думаю, что он человек, заслуживающий безусловного доверия. Он был представителем нейтральной державы, Дании, и поэтому остался в Петрограде, когда я уехал. Он был вызван на Парижскую мирную конференцию.

Кинг. Он давал там показания?

Фрэнсис. Да. Он дал потрясающее описание образа действий большевиков. В Петрограде, говорил он, люди тысячами умирают с голода. Он говорил, что, когда лошадь падает на улице с голода, люди окружают ее и разрезают на куски, которые затем идут в пищу. Человек, который недавно был в Москве, рассказывал, что он видел, как из-под закрытых ворот лилась кровь; там расстреливали людей, обвиненных в контр-революционных убеждениях.

Они расстреливали людей без всяких колебаний. Когда в Петрограде свирепствовала холера, как это было в августе и сентябре 1918 г., Зиновьев, который был тогда председателем совета, произнес речь, в которой возлагал ответственность за холеру на буржуазию и прибавлял: „Если какой-нибудь красногвардеец увидить, что врач не исполнил своего долга, он убьет его на месте". Таким образом, красногвардейцам было разрешено расстреливать врачей, когда им это заблагорассудится. О, это позор для цивилизации; это не только непоправимый вред для России, но и посрамление культуры.

Нельсон. Не является ли система правления, которая сейчас осуществляется в России, на деле анархистским правлением?

Фрэнсис. Я сказал бы—да. Она хуже, чем анархистская власть, потому что анархисты, насколько я понимаю, проповедуют разрушение собственности, в то время как эти люди занимаются уничтожением человеческих жизней.

Овермэн. Равно как и собственности?

Фрэнсис. Равно как и собственности. Ленин, Троцкий, Радек, Чичерин и Зиновьев понимают, что им нужно убивать людей, чтобы удержать власть. Вся буржуазия и интеллигенция этой страны терроризованы.

Кинг. У буржуазии, вероятно, нет оружия; оружие в руках немногих, т.-е. красногвардейцев?

Фрэнсис. Совершенно верно.

Овермэн. Не был ли проведен декрет о выдаче оружия всеми гражданами, об обходе домов и отобрании оружия, одновременно с разграблением домов?

Фрэнсис. Так именно они поступали. Они обыскивали дома, отнимали оружие и захватывали все ценное; как я слышал, они разбивали зеркала и протыкали штыками предметы искусства.

Кинг. Знавали вы человека по имени Альберт Рис Вильямс?

Фрэнсис. Я встречался с ним. Я с ним однажды виделся. Насколько мне известно, он на-днях давал показания перед комиссией.

Кинг. Знавали ли вы его в России?

Фрэнсис. Я его однажды там видел. Он рекомендован мне как корреспондент, насколько мне помнится, Нью-Иоркской „Ивнинг Пост".

Насколько мне известно, Рис Вильямс не отрицал своих большевистских убеждений.

Кинг. Находился ли он в какой-нибудь связи с большевиками в России?

Фрэнсис. О, да. Это было всем известно.

Кинг. Сотрудничал с ними, говорил на их митингах и т. д.?

Фрэнсис. Он сотрудничал с ними и проповедывал их принципы; однажды в воскресенье он напечатал в утренних газетах обращение, призывая поступать добровольцами для создания добровольческой армии из нерусских граждан, в целях поддержки большевистского дела.

Кинг. У меня больше нет вопросов.

Овермэн. Мы очень вам обязаны.

Фрэнсис. Я очень заинтересован этим предметом, господа, и извиняюсь, что не в состоянии остаться здесь на следующую неделю.

Нельсон. Очень вам обязаны.

СОДЕРЖАНИЕ.

